

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

**СИБИРЬ В ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ВОСТОКОВЕДНЫХ И ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы первой Всероссийской научной конференции,
посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя
и общественного деятеля, доктора исторических наук,
профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019)*

Барнаул
2021

УДК 34:94(5)
ББК 63.3(5)я43+67.401.133.1–1я43
С 341

С 341   Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований : материалы первой Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019) / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – 272 с.
ISBN 978-5-94552-440-8

Редакционная коллегия:

Тякин М.О., доктор ист. наук, доцент;
Полякова Е.А., доктор ист. наук, доцент;
Лен К.В., канд. ист. наук, доцент;
Сизова А.А., канд. ист. наук;
Тяпкина О.А., канд. ист. наук.

В сборник включены материалы представителей научного сообщества Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья по актуальным вопросам методологии истории; взаимодействия цивилизаций Сибири и Востока; истории российского и сибирского предпринимательства (теория и практика); социально-экономического и культурного развития Сибири; истории формирования и развития правоохранительной системы в Сибирском регионе. Анализируется вклад доктора ист. наук, профессора А.В. Старцева в развитие исторической науки и востоковедения.

УДК 34:94(5)
ББК 63.3(5)я43+67.401.133.1–1я43

ISBN 978-5-94552-440-8

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2021

**Старцев Александр Владимирович
(1956-2019)**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019), состоявшейся в Барнаулском юридическом институте МВД России в октябре 2020 г.

Организаторами конференции выступили кафедры истории и философии и теории и истории права и государства, с которыми была тесно связана научная и служебная деятельность Александра Владимировича. В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией было принято решение провести научный форум в онлайн-формате в режиме видеоконференции.

Перед началом работы конференции с приветственным словом к участникам обратились доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) Ю.В. Анохин и кандидат социологических наук, заместитель руководителя Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края, начальник Департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам государственной службы и кадров И.В. Гниденко.

В ходе пленарного заседания профессор Томского государственного университета В.П. Зиновьев в своем докладе охарактеризовал «томский» период жизни А.В. Старцева, связанный со становлением его как глубокого ученого и разностороннего исследователя. Коллега и многолетний соавтор А.В. Старцева профессор Алтайского государственного университета В.А. Скубневский охарактеризовал вклад Александра Владимировича в изучение истории предпринимательства в Сибири. Доцент Высшей школы экономики А.А. Сизова подвергла анализу востоковедное направление научных исследований Александра Владимировича. Ведущий археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Алтайского края Д.Е. Шорина представила обзор личного фонда А.В. Старцева, хранящегося в архиве.

Тематика секционных заседаний отразила те научные направления, которыми больше всего интересовался А.В. Старцев, а именно: «История российского и сибирского предпринимательства: теория и практика», «Сибирь и Восток: взаимодействие цивилизаций», «Социально-экономическое и культурное развитие Сибири». Всего в рамках конференции было заявлено более пятидесяти докладов, посвященных актуальным вопросам российской истории, исторического сибиреведения, востоковедения, истории правоохранительных органов.

В работе конференции приняли участие исследователи из образовательных и научных организаций России, ближнего и дальнего зарубежья. Организаторы и участники конференции единодушно сошлись во мнении, что этот научный форум, уже получивший неофициальное название «Старцевские чтения», представляет несомненный интерес и должен проводиться на регулярной основе.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, профессор
Заместитель начальника Барнаульского юридического института
МВД России (по научной работе) (г. Барнаул)

Александр Владимирович Старцев был весьма разносторонней личностью и талантливым ученым. Это проявлялось в его особом научном «чутье», склонности смотреть на проблему шире рамок, установленных предметом изучения, а также в природной любознательности и азарте, которые заставляли его под совершенно другим углом рассматривать причудливые узоры «исторической ткани».

На протяжении своей научной карьеры А.В. Старцев изучал вопросы пушной торговли в Сибири, проблемы алтайского кооперативного движения, особенности сибирского характера и менталитета, развитие сибирских городов, судьбы многочисленных сибирских и алтайских предпринимателей, сибирской кулинарии и российской парковой индустрии.

Несмотря на столь широкий диапазон исследовательских интересов ученого, большинство его работ все же были посвящены вопросам истории народного хозяйства, предпринимательства, развитию экономических и социально-культурных контактов Сибири со странами зарубежной Азии. Именно на поприще изучения предпринимательства, его теоретических основ и исторических реалий он внес наибольший вклад в российскую историческую науку. И это не случайно, т.к. этой проблемой А.В. Старцев начал интересоваться еще со студенческой скамьи, когда данная научная тема была не только не популярной, но и отчасти «неудобной».

Итогом его плодотворной научной жизни стало более 550 работ, в т.ч. монографий, энциклопедий, учебных пособий, многочисленных научных статей и научно-популярных изданий.

Профессиональная деятельность А.В. Старцева была тесно связана с Барнаульским юридическим институтом, в котором он проработал с некоторым перерывом более 10 лет: с 1995 по 1999 г.

он последовательно занимал должности доцента, профессора, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин, заместителя начальника Барнаульского филиала Рязанского института права и экономики МВД России по учебной и научной работе. Велик вклад А.В. Старцева в получение нашим институтом статуса самостоятельного высшего учебного заведения.

В 2014 г. Александр Владимирович вернулся в Барнаульский юридический институт МВД России сначала на должность профессора кафедры теории и истории права и государства, а затем профессора кафедры истории и философии. Этот период работы в институте А.В. Старцева был посвящен, в первую очередь, педагогической деятельности и воспитанию будущих юристов. Благодаря высокому мастерству преподавателя, неиссякаемому желанию делиться своими знаниями с молодым поколением Александр Владимирович запомнился курсантам, слушателям и коллегам как человек, который мог увлечь своим предметом и объяснить самые сложные явления доступным языком, что всегда оставляет неизгладимый след в душе каждого человека.

Чтобы сохранить память об Александре Владимировиче Старцеве, который, безусловно, внес значимый вклад в деятельность Барнаульского юридического института МВД России, и приумножить его богатое научное наследие, было принято решение организовать конференцию, направления работы которой отражали бы основные научные и педагогические интересы известного ученого.

Я хочу выразить надежду на то, что конференция «Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований» станет не только данью памяти замечательному ученому и человеку, но и заметным и значимым научным событием и объединит российских и зарубежных коллег, поскольку тематика затрагиваемых вопросов весьма обширна и поднимает актуальные проблемы не только минувших столетий, но и современной политической, экономической и духовной жизни России и сопредельных территорий.

И.В. Гниденко, канд. социол. наук

Заместитель руководителя Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края, начальник Департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам государственной службы и кадров (г. Барнаул)

Мне кажется очень оправданным принятое организаторами нашего мероприятия решение о проведении «Старцевских чтений». На мой взгляд, мероприятие станет постоянным, и это будет не только данью памяти хорошему, серьезному ученому, профессору, доктору исторических наук Старцеву Александру Владимировичу, но и постоянно действующей площадкой для того, чтобы и состоявшиеся ученые, и те, кто только начинает свою научную карьеру, демонстрировали результаты своих исследований.

У меня к Александру Владимировичу двойное отношение: с одной стороны, я, безусловно, уважаю его как ученого, как стимулятора и побудителя того, чтобы я тоже занимался научными исследованиями – он приглашал меня к публикациям, к совместной работе. Но еще я воспринимаю Александра Владимировича глубоко лично – это друг моего детства, мы с ним шли по жизни рука об руку с самых юных лет. Я его глубоко уважаю и ценю, постоянно поддерживаю контакты с его семьей, и я полагаю, что мы поступаем очень правильно и справедливо в отношении Александра Владимировича, и уверен, что у нас все получится.

Всего доброго!

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.П. Зиновьев, доктор ист. наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный
университет (г. Томск)
vpz@tsu.ru

ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА СТАРЦЕВА

Александр Старцев появился в Томске в 1981 г. в качестве аспиранта кафедры истории СССР дооктябрьского периода. Его научным руководителем был назначен Григорий Хацкелевич Рабинович – ведущий исследователь истории российской буржуазии. Тогда в аспирантуру приглашали, аспирант выбирался из наиболее способных дипломников. Это считалось высокой честью. Подготовку кандидатов доверяли самым лучшим преподавателям – лидерам научных направлений. Размер стипендии аспирантов (от 60 до 100 руб.) позволял скромно существовать и давал возможность заниматься только научными исследованиями. Занятиями аспирантов не мучали, нужно было сдать только кандидатские экзамены. Такой подход обеспечивал высокую эффективность аспирантуры. В срок защищались до 50-60% аспирантов. Сейчас престиж аспирантуры низок, стипендия чуть выше студенческой, аспирант должен зарабатывать на жизнь, еще раз зачем-то учиться и не забыть написать диссертацию в свободное от других занятий время. Само собой, доля защит в срок сократилась до минимума. Чиновники же от образования продолжают винить в ничтожных результатах нерадивых аспирантов и их бездарных руководителей. Аспирантура находится на положении цыганской лошади, которая уже совсем привыкла обходиться без овса и вдруг сдохла.

Но есть и общее в положении аспирантуры тогда и теперь: результативность ее зависит от самодисциплины аспирантов и добросовестного труда руководителей. Саше в этом отношении не совсем повезло. Гришу скоро унесла болезнь. Одновременно уехал в Москву профессор Николай Васильевич Блинов, уехали в Омск А.П. Толочко, А.Е. Плотников, в Барнаул – В.А. Скубневский. Осиротело в Томске целое направление сибирской истории. Руко-

водителем Шаши тогда был назначен Александр Павлович Бородавкин. Но он был в Барнауле, и первые серьезные статьи А.В. Старцева пришлось редактировать мне, впрочем как и полтора десятка других аспирантов по истории капитализма. Научными руководителями были назначены известные историки, а вот реально руководить ими пришлось мне. Это дало мне ценнейший опыт и основание нахально заявить профессору Леониду Михайловичу Горюшкину на его слова, что я поднял упавшее знамя историков капитализма в Томске, что мы знамя не роняли.

Александр относился к новому поколению барнаульских историков, которых ТГУ помнил по образу В.А. Скубневского. Соответствовать такому уровню было не просто. Все с любопытством смотрели на юную поросль – какова она в деле. Я к Александру сразу испытывал благорасположение, потому что тоже был учеником Г.Х. Рабиновича, написал у него диплом, но работал не на кафедре, а в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Возглавляла кафедру многоопытная Зоя Яковлевна Бояршинова, выученная в суровые сталинские времена еще знаменитым академиком, потомком московских фабрикантов Сергеем Владимировичем Бахрушиным. Она была всегда серьезная и нас не сильно баловала.

Александру, с его богемной жизнью в общежитии, от Бабы Зои досталось немало воспитательных пилюль. Дело в том, что Александр Океанский в те времена нередко побеждал историка Александра Старцева. Только заступничество А.П. Бородавкина удержало его тезку до конца аспирантуры. Все же либо назидания Бабы Зои где-то глубоко забрались в сознание Александра, а может нашлась другая воспитательница не менее сурового нрава, дальнейшая карьера Александра пошла успешно.

В 1987 г. он прибыл в Томск уже как соискатель ученой степени кандидата наук, я его принял как ученый секретарь специализированного диссертационного совета, его коротенький реферат в 18 страниц до сих пор лежит у меня среди сотен других [1]. Защита была на высоте, перед советом предстал зрелый ученый, увлеченный своими исследованиями, а не случайный человек в науке.

В довольно короткое время Александр прошел от летописца пушного промысла до историка русско-монгольских экономиче-

ских отношений и внешней торговли России на восточной ее окраине, летописца российского предпринимательства. Десятки статей были им написаны в Краткую энциклопедию по истории купечества и коммерции в Сибири, порой нам приходилось быть соавторами статей о сибирских коммерсантах. Из Барнаула постоянно мне присылались с оказиями учебные пособия, статьи, монографии по истории экономики и внешней торговли Сибири, автором и соавтором которых был А.В. Старцев.

Следующая встреча в 2004 г. состоялась уже на защите Шашиной докторской диссертации [2]. Писал он ее при консультировании известного историка, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Леонида Михайловича Горюшкина, который к этому времени, к сожалению, умер. Защищать диссертацию Александр Владимирович приехал в Томск. Защита была из тех, которые принято называть блестящими.

Когда Александр обратился ко мне с просьбой быть редактором его юбилейного издания, я удивился. Он не нуждался в редакторах, да и в Барнауле есть замечательные историки, способные выполнить редакторскую работу. Видимо, у Александра Владимировича уже выработалась привычка в значительные моменты жизни обращаться в Томский университет, который наряду с Алтайским он считал своей *Alma Mater*.

Ольга написала про отца очень теплую статью в его юбилейное издание, и мне осталось добавить только несколько фраз о характере Александра Владимировича как ученого [3, с. 3-10]. Он был чужд конъюнктурности и халтуре в науке, страстностью и целеустремленностью он напоминал одного из своих учителей – Леонида Михайловича Горюшкина. Когда же мне Михаил Олегович Тяпкин подарил книгу Саши – Александра Океанского «Экзистенция», где он с юмором описывает свои юные годы, я понял, откуда у него эти качества [4]. Они от сельской жизни, формирующей трудолюбие, упорство в преодолении всех препятствий, от отца с матерью, одаривших его божьей искрой творчества. Сквозь шутки и прибаутки умеющего посмеяться над собой человека проступает цельный характер, не разменивающийся на мелочи, надежный и честный товарищ.

Список источников и литературы

1. Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. 213 с.
2. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2004. 451 с.
3. Зиновьев В.П., Тяпкина О.А. «Мое хобби – моя работа...» (вместо предисловия) // Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории. История, историография, методология. Барнаул, 2016. 446 с.
4. Александр Океанский. Existentia, или как, почему и где наша не пропадала. Барнаул: ООО «Ренд», 2019. 212 с.

В.А. Скубневский, доктор ист. наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
koi@hist.asu.ru

А.В. СТАРЦЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

Александр Владимирович Старцев входит в число крупных исследователей истории Сибири второй половины XIX – начала XX в. Одним из основных направлений исследований ученого стали вопросы истории предпринимательства. Наследие ученого на 2016 г. составило по библиографическому указателю 560 работ, в числе которых монографии, статьи, научно-популярные издания, сборники документов, учебные пособия [1]. Ряд работ был издан уже после 2016 г.

В начальный период своей научной карьеры А.В. Старцев занимался исследованием пушного промысла и пушной торговли в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. и в 1987 г. защитил по этой теме кандидатскую диссертацию [2]. Цель своей работы А.В. Старцев обозначил следующим образом: «Изучение основных закономерностей развития старейшей отрасли сибирской экономики – пушного промысла и пушной торговли, определение ее места в хозяйстве региона и всей страны в целом,

выяснение значения пушного товара для регионального, всероссийского и мирового рынка, исследование роли пушной торговли в процессе первоначального накопления капитала и формирования класса сибирской буржуазии» [2, с. 7]. Поставленные цели автор успешно решил, при этом работа опиралась на солидную источниковую основу, прежде всего это архивные материалы 20 фондов 5 архивов и 26 годовых комплектов газет и журналов тринадцати наименований. Выделим ряд статей, написанных в ходе исследования данной темы [3, 4, 5].

Отметим ряд важных результатов, полученных автором в ходе исследования данной темы. Он показал динамику пушного промысла в Западной Сибири, численность семей, занимавшихся данным промыслом, увеличилась с 1888 по 1912 г. в 5,7 раза, а промысловой охотой на рубеже XIX-XX в. занималось около 30 тыс. семей, в основном – представители коренных народов [2, с. 11]. Он подчеркнул, что эта отрасль народного хозяйства в рассматриваемый период имела не только всероссийское, но и мировое значение. В то же время организация пушного промысла и пушной торговли находились «на самом низком уровне» [4, с. 75-76]. Детально были рассмотрены объемы и методы пушной торговли, в частности, прослежена динамика импорта и экспорта через Онгудайскую таможенную на Алтае [3, с. 121, 123]. Выделены были фамилии наиболее крупных деятелей в пушной торговле (Ассанов, Осипов, Фирсов, Бодунов, Васенев и др.), прослежено их происхождение. В целом же автор показал, что в пушной торговле преобладали черты первоначального накопления [2, с. 13].

Следующая крупная тема, к которой обратился ученый, – внешняя торговля России в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. Итогом ее исследования стала докторская диссертация, защищенная в 2004 г. [6]. По данной теме автором была подготовлена монография [7] и издано большое количество статей [8, 9, 10, 11, 12]. В перечисленных трудах А.В. Старцевым проводится комплексный анализ развития русской торговли в Монголии в рассматриваемый период и, как пишет сам автор, «выявлены существенные черты взаимодействия между формирующимся в России индустриальным обществом и традиционным монгольским обществом, представляющим кочевую цивилизацию» [6, с. 17].

А.В. Старцев не только делает анализ торговых операций между Россией и Монголией, показывая инфраструктуру торговли, основные приемы и методы, но также исследует экономическую политику России в Монголии, подробно останавливается на источниках формирования, численности русских предпринимателей, которые вели торговлю в Монголии, а кроме того, рассматривает их социальный облик, общественную и культурную деятельность.

Докторская диссертация и опубликованные работы по теме внешней торговли России с Монголией строятся на обширной и репрезентативной источниковой основе, в которую входят законодательные источники, в т.ч. международно-правовые акты – договоры и соглашения между Россией и Китаем, между Россией и Монголией, делопроизводственная документация, статистические источники, источники личного происхождения, в т.ч. дневники и переписка ученых и путешественников, периодическая печать и др. Результативно были использованы материалы центральных и региональных архивов – Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики Российской империи, Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Центрального исторического архива Москвы, государственных архивов Алтайского края, Иркутской области, Свердловской области, Томской области и др.

Рассматривая динамику русско-монгольской торговли, Старцев отмечает, что период 60-80-х гг. XIX в. можно охарактеризовать как период становления русской торговли в Монголии, темпы прироста оборотов были сравнительно невелики, с 1865 по 1886 г. – 2,3 раза, при этом более динамично росла торговля по южной границе в Томской губернии и Урянхайском крае и менее динамично в Забайкалье через Кяхту. Более быстрыми темпами торговля росла в 90-х гг. XIX – начале XX в. С 1892 по 1911 г. обороты торговли через Кош-Агачскую таможню увеличились в 14,5 раза, Зайсанскую – в 2,1 раза, в Урянхайском крае – в 4 раза, но через Кяхту торговые обороты снизились в 3 раза. Но это снижение определялось не торговыми операциями с Монголией, а с Китаем, падением чайной торговли.

А.В. Старцев пришел к выводу, что, хотя торговля в Монголии и была выгодной для русских купцов, но норма прибыли была не-

намного выше, чем в Сибири. При этом для русско-монгольской торговли остро стояла проблема кредита. Рассматривая деятельность и состав русских предпринимателей в Монголии, А.В. Старцев определил их общую численность вместе с членами семей и служащими к 1917 г. в 4 тыс. человек. Но крупных дельцов, с оборотами торговли в 100 тыс. руб. и больше насчитывалось не более 25 человек. Особенно он выделял группу купцов-«чуйцев», которые ездили в Монголию по Чуйскому торговому пути на Алтае (Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев, Г.Г. Бодунов, Я.Е. Мокин и др.). Интересен аспект общественной деятельности данной группы предпринимателей, которая со временем повышалась. Особенно показательна их деятельность по сбору всевозможных монгольских и китайских предметов культуры, многие из которых они безвозмездно передавали музеям, учебным заведениям и отдельным российским ученым. Большое внимание А.В. Старцев уделил бийскому купцу А.Д. Васеневу. Он опубликовал дневники и письма купца, сопроводив их статьей и примечаниями [13].

Уже после защиты докторской диссертации А.В. Старцев продолжил исследование зарубежной торговли и опубликовал ряд интересных статей, которые вошли в раздел «Сибирь и Восток» в книге «Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология» [14, с. 11-140]. И в докторской диссертации, и в ряде статей А.В. Старцев уделил значительное внимание вопросам методологии в ходе исследования истории предпринимательства. В частности, в статье «История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии», опубликованной в 2001 г. и переизданной в 2016 г., он писал: «Представляются бесперспективными поиски “единственно правильной” и “научной” теории, способной стать универсальным ключом для изучения как истории предпринимательства, так и любого другого какого-либо исторического события или исторической ситуации. Именно плюрализм взглядов и идей (в т.ч. марксистской методологии) позволяют избежать односторонности в изучении фактов, неизбежной при буквальном следовании той или иной теории...» [14, с. 151-152]. И далее: «Подводя некоторые итоги анализа теоретико-методологической основы современных исследований по истории российского предпринимательства, мы можем с большой долей

уверенности утверждать, что работа в этом направлении совершенно необходима, причем указанные исследования требуют междисциплинарного подхода, учета разработок, имеющихся в экономике, философии, социологии и других научных дисциплинах» [14, с. 156].

Занимаясь историей предпринимательства, А.В. Старцев уделял большое внимание персоналиям, собрал огромный архив с биографиями крупных и средних предпринимателей Сибири, где содержались данные о происхождении, коммерческой и общественной деятельности, включая благотворительность, составе семей. Особенно подробно он исследовал историю бийских купцов-«чуйцев». Он стал автором большого числа статей об отдельных предпринимателях и купеческих семьях, которые вошли в энциклопедию: «Энциклопедию Алтайского края» (в 2 т. Барнаул, 1995-1996), «Барнаул» (Барнаул, 2000), «Бийск» (Бийск, 2009), «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» (в 2 т. Новосибирск, 2011-2012) и др. Он стал инициатором и редактором исторических очерков «Деловая элита старой Сибири» [15], в которой помещены его очерки о бийских купцах Асановых, Васеневых, Морозовых, Сычевых.

В соавторстве с Ю.М. Гончаровым и В.А. Скубневским было написано справочное издание «Предприниматели Алтая 1861-1917 гг.» [16] и монография о купечестве Алтая [17]. (В 2007 г. – переиздание) [18]. А.В. Старцев считал, что Бийск – уникальный город на карте Сибири, и он внес большой вклад в изучение и популяризацию истории этого города. Им было в соавторстве написано несколько книг по истории города [19; 20; 21, с. 29-68].

Одним из вопросов, которым интересовался А.В. Старцев, была благотворительность предпринимателей Сибири. Он отметил: «На наш взгляд, привязка вопроса о благотворительности к проблеме предпринимательства не только оправдана, но и закономерна, поскольку прежде чем жертвовать средства на социальные нужды или на поддержание науки, литературы, искусства, их необходимо иметь» [14, с. 237]. В силу специфики Сибири, здесь главными инициаторами и участниками благотворительной деятельности были предприниматели, большинство из которых являлись таковыми в первом поколении...» [14, с. 239]. Как отметил автор,

«общее направление пожертвований сибирских предпринимателей мало в чем отличалось от благотворительности других региональных групп русской буржуазии и включало в себя пожертвования на церковь, образование и просвещение, здравоохранение, помощь неимущим и т.д.» [14, с. 246]. В то же время, по наблюдениям А.В. Старцева, в Сибири развивалась прагматичная, инновационная благотворительность, нашедшая выражение в том, что большая часть пожертвований шла не на пропитание и милостыню «сырым и убогим», а на учреждения, имевшие широкую общественную значимость, или проекты, способствовавшие созданию условий для экономического и социально-культурного развития региона [14, с. 239]. Сюжеты о благотворительности и меценатстве содержатся и в статьях об отдельных предпринимателях – А.Д. Васеневе, Морозовых, Сычевых и др.

Увлекали ученого и вопросы повседневности, что нашло отражение в статьях [22] и научно-популярных книгах [23]. Александр Владимирович уделял большое внимание учебной работе, читал в вузах курсы по истории России и спецкурсы, это нашло отражение в ряде учебных пособий, написанных им в соавторстве, в их числе «Предпринимательство в Сибири» [25] и «История Барнаула» [26].

Таким образом, можно констатировать, что А.В. Старцев внес большой вклад в исследование ряда важных направлений истории Сибири второй половины XIX – начала XX в., в числе которых пушной промысел и пушная торговля, внешняя торговля России по азиатской границе, формирование слоя предпринимателей, благотворительность и меценатство предпринимателей, история повседневности, источниковедческие и историографические аспекты перечисленных направлений.

Список источников и литературы

1. Библиография работ А.В. Старцева // Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 407-444.

2. Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. 18 с.

3. Старцев А.В. Пушная торговля бийских купцов в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири: сб. ст. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. С.117-127.

4. Старцев А.В. Пушная торговля в Сибири как источник первоначального накопления капитала во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма: межвуз. сб. Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. С. 73-87.

5. Старцев А.В. Торговля сибирской пушшиной на ярмарках во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 51-66.

6. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2004. 53 с.

7. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.

8. Старцев А.В. Торговля предпринимателей Алтая с Монголией и Китаем во второй половине XIX – начале XX в. // Предпринимательство на Алтае XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул: «День», 1993. С. 93-112.

9. Старцев А.В. Торговая экспедиция в Китай московской фирмы Морозовых (1886-1889 гг.) // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 41-64.

10. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии в 60-70-х гг. XIX в. // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII-XX вв.). Новосибирск: СО РАН, 1995. С. 6-31.

11. Старцев А.В. Статистика русско-монгольской торговли второй половины XIX – начала XX в. как источник // Источник. Метод. Компьютер: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. С. 73-84.

12. Старцев А.В. Обороты и ассортимент русско-монгольской торговли во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII-XX вв.: сб. ст. и мат-лов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. С. 55-108.

13. Сибирский купец А.Д. Васенев / сост., вступ. ст., прим. библиогр. А.В. Старцева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. Ч. 1: Дневники. 192 с.; Ч. 2: Документы и письма. 112 с.

14. Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 11-140.

15. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.

16. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая 1861-1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. 112 с.

17. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 241 с.

18. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Алтай купеческий. Барнаул: Изд. Центр КГУ «Алтайский бизнес-инкубатор», 2007. 172 с.

19. Старцев А.В., Исупов С.Ю., Фролова Е.Б. Бийсковедение: история Бийска: учеб. пособие для общеобраз. учреждений. Бийск: «Красный угол», 2009. 266 с.

20. Бийская крепость – город Бийск. К 300-летию образования. Документальное издание. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2009. 530 с.

21. Бийск, город купеческий // Новая летопись предпринимательства Алтайского края. Барнаул: Алтай, 2017. 200 с.

22. Старцев А.В. Грани повседневности // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 3-20.

23. Романов Р.Н., Старцев А.В., Тяпкина О.А. Парк и праздник в России: от истоков до наших дней. Барнаул: Академия развлечений, 2008. 184 с.

24. Старцев А.В. Питание и кулинарные традиции населения Алтая в XVIII – начале XX в. // Кулинарное путешествие по Алтайскому краю. Барнаул: Азбука, 2015. С. 5-40.

25. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.): учеб. пособие. Барнаул: Азбука, 2010. 214 с.

26. Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. История Барнаула: учеб. пособие для средней школы. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 330 с.

Д.Е. Шорина, канд. культурологии
Государственный архив Алтайского края (г. Барнаул)
shorinadarina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО ФОНДА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА СТАРЦЕВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Александр Владимирович Старцев (1956-2019 гг.) – доктор исторических наук, профессор, общественный деятель, внесший большой вклад в изучение истории предпринимательства Сибири, торгово-экономических и культурных связей Сибири со странами Дальнего Востока и Центральной Азии. Научное наследие ученого стало основой личного фонда, созданного в Государственном архиве Алтайского края (КГКУ ГААК).

Впервые документы личного архива А.В. Старцева поступили в госархив в 2016 г. в количестве 96 условных единиц хранения. Александр Владимирович лично подготовил документы к передаче на государственное хранение и подписал договор дарения от 15.09.2016. В 2019 г. материалы были переданы на хранение уже его супругой – Т.А. Старцевой в количестве 63 условных единиц хранения за 1987-2016 гг. Личному фонду А.В. Старцева был присвоен номер Р-1970.

В настоящее время архивистами завершена научно-техническая обработка документов, в результате которой сформирована 201 единица хранения (ед. хр.) за 1975-2018 гг. (в фонде имеются документы за 1863-1951 гг.), внесенная в опись № 1. В

дальнейшем документы личного фонда ученого будут доступны для исследователей в читальных залах госархива.

Поступившие материалы были систематизированы и сгруппированы в семь разделов: документы научной деятельности; документы преподавательской деятельности; переписка; материалы к биографии; архивные документы и выписки из них и литературы; материалы, собранные А.В. Старцевым по интересующим темам; документы о А.В. Старцеве.

Основная часть личного фонда А.В. Старцева – документы научно-исследовательской деятельности, составившие первый раздел (ед. хр. № 1-81). Отличительной особенностью данного раздела фонда является наличие не только опубликованных материалов, но и черновых рукописных и машинописных текстов фондообразователя, например, монографий «Пушное дело в Западной Сибири в эпоху капитализма (1861-1913 гг.)» (1990), «Сибирский купец А.Д. Васенев» (1994), «Сибирские предприниматели в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)» (1998-1999).

Несколько единиц хранения (ед. хр. № 11-23) содержат материалы о диссертационных исследованиях Александра Владимировича. В них сосредоточены рукописные и машинописные варианты текстов кандидатской диссертации «Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.» и докторской диссертации «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)» с авторскими правками и редактурой за 1981-2004 гг. На хранение также были приняты рукописные карточки с выписками из литературы к диссертации.

Одним из итогов научно-исследовательской деятельности А.В. Старцева являются разработанные им и в соавторстве с другими историками учебные пособия (ед. хр. № 24-28). Так, на хранение были приняты машинописная рукопись и черновик учебного пособия «История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.), подготовленного в соавторстве с Ю.М. Гончаровым (1998), отрывок учебного пособия для средней школы «История Барнаула» в соавторстве с М.О. Тяпкиным и О.А. Тяпкиной (2000), учебное пособие для общеобразовательных учреждений «Бийскоеведение: История Бийска» в соавторстве с С.Ю. Исуповым, Е.Б. Фроловой (2009) и др.

В фонде отложились научные работы под редакцией и с рецензией фондообразователя. Отметим, что Александр Владимирович квалифицированно оценивал достоинства и недостатки научной работы и помогал автору грамотно и ясно донести результаты своих научных изысканий до широкой аудитории.

В первый раздел также включены черновики, беловые печатные материалы статей А.В. Старцева, подготовленных для сборников, энциклопедий, периодической печати за 1987-2018 гг. Среди них – «Знать историю края» (1987), «Мое хобби – моя работа» (1989), «Из истории купечества Сибири» (1993), «Хозяйственно-этические представления христианства» (2018). Примечательно, что практически каждая статья сопровождается рукописными выдержками из книг известных исследователей, энциклопедистов (А.Дж. Тойнби, Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и др.). Идеи данных ученых нашли отражение в работах Александра Владимировича и способствовали, по его мнению, адаптации методологии европейской исторической науки к российской источниковой базе.

Отдельно вынесен комплекс документов, раскрывающих тему «Россия – Монголия – Китай во второй половине XIX – XX в.» (ед. хр. № 54-60), представленных статьями и подготовительными материалами к ним за период с 1988 по 2010 г. На страницах своих публикаций А.В. Старцев постоянно возвращался к биографии бийского купца А.Д. Васенева (1956-1917), отмечая: «А.Д. Васенева следует отнести к тому же типу людей, к которому принадлежали П.И. Макушин, В.П. Сукачев, Г.В. Юдин» [1, л. 110].

Проблематика исследования торгово-экономических, социально-культурных связей Сибири, Алтая со странами Дальнего Востока и Центральной Азии вошла в канву образовательной, педагогической деятельности А.В. Старцева, материалы которой составили второй раздел личного фонда (ед. хр. № 82-127). В разделе выделены комплексы документов за 1987-2017 гг.: рукописи лекций, прочитанных А.В. Старцевым в Алтайском государственном институте культуры, в Алтайском государственном университете, в Барнаульском филиале Рязанского института права и экономики МВД России, в Барнаульском юридическом институте МВД России.

Третий раздел личного фонда – переписка А.В. Старцева за 1990-2010 гг., отличающаяся тематической пестротой и неодно-

родностью (ед. хр. № 128-132), например, неотправленные письма в газету «Известия», написанные им в 1990-х гг. и затрагивающие проблемы современного образования [4, л. 2].

В четвертый раздел вошли биографические материалы. Личные документы включены в одну единицу хранения (ед. хр. № 133) и представлены автобиографиями (14 ноября 1980 г., 2016 г.). Здесь же помещены документы Алтайского международного центра азиатских исследований при АлтГУ, характеристика исследовательского проекта «Алтай – ключ к общей истории и культурному единству евразийских народов» [5, л. 13].

В личном фонде выделена группа документов, освещающих общественную деятельность А.В. Старцева за 1979-2016 гг., например, материалы о работе Геральдической комиссии при Губернаторе Алтайского края (распоряжения, положение о комиссии, протоколы заседаний) за 2014-2016 гг. [6], в состав которой входил А.В. Старцев.

Пятый раздел личного фонда (ед. хр. № 154-170) сформирован из архивных материалов и выписок, сделанных А.В. Старцевым во время работы над своими публикациями. Раздел содержит копии документов ГААК, самый ранний из которых – «Сведения о росте населения в г. Бийске с 1830 по 1894 г. с указанием сословий и наличии скота» (1894). На ксерокопиях архивных документов имеются корректуры, правки карандашом на полях и внутри текста (перечеркнуты листы, убраны сокращения, исправлены окончания слов), сделанные ученым [7, л. 1].

В шестой раздел личного фонда (ед. хр. № 171-196) включены материалы (фотокопии, рукописи, ксерокопии печатных документов), собранные А.В. Старцевым по интересующим его темам: материалы об этнографе Г.Н. Потанине [8], топографические карты городов Алтайского края, изданные в 1951 г. [9], материалы по развитию туризма на Алтае за 2002-2010 гг. [10].

В заключительный, седьмой, раздел (ед. хр. № 197-201) включены отзывы на диссертации и научные работы А.В. Старцева, списки его научных и учебно-методических трудов. Александр Владимирович уделял внимание просветительской деятельности, примером которой является подготовка в соавторстве с Е.Б. Заниным, В.Н. Золотухиным учебного фильма «Барнаул в панораме ве-

ков» для информационной поддержки нового предмета «Барнауловедение» [11, л. 5-6].

Таким образом, документы фонда достаточно полно отражают весь период научной и общественной деятельности фондообразователя – известного ученого, исследователя истории торгово-экономических связей Сибири, прежде всего Алтая, с Монголией и Китаем во второй половине XIX – начале XX в., Александра Владимировича Старцева. Будучи истинным историком, в течение всего периода жизни он бережно относился к материалам своих исследований. Благодаря этому сохранились и вошли в состав фонда выписки из архивных документов, библиографические материалы, черновики и рукописи с авторскими правками собственных и совместных лекций, статей, монографий, а также работы его учеников, рецензируемые им публикации, научная и служебная переписка и др.

Формирование и организация личного фонда А.В. Старцева в госархиве способствует сохранению научного, педагогического наследия современных ученых-историков. Документы фонда могут быть использованы в ходе дальнейших исследований по истории предпринимательства и международных отношений Сибири, Алтая со странами Азии.

Список источников и литературы

1. Статьи А.В. Старцева о русско-монгольской торговле во второй половине XIX – XX в. // ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 54.
2. Статьи о школе и просвещении на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 71.
3. Статья А.В. Старцева об истории алтайской кухни [для проекта «Гастрономическая книга «Кулинарное путешествие по Алтайскому краю»] и выписки из литературы к ней // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 72.
4. Письма А.В. Старцева журналисту В.Н. Павлову // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 129.
5. Документы о работе Алтайского международного центра азиатских исследований при АлтГУ // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 136.

6. Материалы Геральдической комиссии при Губернаторе Алтайского края, в состав которой входил А.В. Старцев // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 151.

7. Архивные документы Центра хранения архивного фонда Алтайского края «Список Бийской городской управы на лиц, получающих доход от 400 до 500 рублей» // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 156.

8. Материалы об этнографе Г.Н. Потанине // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 177.

9. Топографические карты РСФСР: «Бийск», «Горно-Алтайск», «Змеиногорск», «Зыряновск», «Усть-Улаган», «Онгу-дай», «Кош-Агач» // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 174.

10. Материалы А.В. Старцева по развитию туризма на Алтае // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 178.

11. Статьи об А.В. Старцеве // ГААК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 54.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО И СИБИРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

В.П. Бойко, доктор ист. наук, профессор
Томский государственный архитектурно-строительный
университет (г. Томск)
VPVojko@yandex.ru

РОЛЬ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ Г. ЕНИСЕЙСКА В XVII – НАЧАЛЕ XX В.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-700003 (Формирование архитектурного облика сибирских городов и местное купечество в XVII – начале XX в.).

Город Енисейск был основан в 1619 г. в типичном для первых сибирских городов месте, где в большую реку Енисей впадала небольшая речка Мельничная, образуя площадку, частично закрытую от нападения неприятеля крутыми обрывами и водными преградами. Кроме этого, здесь были сосредоточены транспортные пути по воде с севера на юг и сухопутный тракт с запада на восток. Основателями города считаются тобольские служилые люди П. Албычев и Ч. Рукин. Таким образом, благодаря выгодному расположению и инициативе правительства и местных властей Енисейск стал первым русским острогом в Восточной Сибири. В 1647 г. в Енисейском остроге находилось: 2 церкви, пушной и 2 хлебных амбара, съезжая, таможенная и тюремная избы, воеводский и гостинный двory. За стенами острога располагались еще одна церковь, казенные амбары с продовольствием и жилые постройки [2, т. 1, с. 529]. В XVII в. Енисейск становится важнейшим опорным пунктом освоения Восточной Сибири – енисейские казаки основали Иркутск, Якутск, Нерчинск, Баргузин, Илимск, Братск, Верхнеудинск. В это время город становится вторым после Тобольска центром ремесла и торговли: широкую известность в Сибири приобретают написанные здесь иконы, изделия енисейских портных, кожевни-

ков, мастеров кузнечного, литейного и ювелирного дела, резчиков по дереву и золотошвеек. Эту продукцию можно было выгодно менять на продукцию местных промыслов (меха, рыбу, хлеб в зерне, мясо и прочие продукты), получая от этого немалую выгоду. Эту социальную нишу немедленно заняли торговцы, которых в XVII в. в городе было очень много. Например, в 1767 г. в купечестве Енисейска состояло 3013 душ мужского пола, что практически соответствовало численности всего населения города. Это объясняется тем, что плата за купеческое свидетельство была ничтожной, а привилегии – значительными (право свободного проезда по территории страны и выезд за рубеж, освобождение от рекрутской повинности, высокий социальный статус купцов и др.).

Однако в связи с повышением гильдейского сбора за принадлежность к купеческому сословию и ухудшением экономической конъюнктуры доля купцов в сибирских городах в конце XVIII – начале XIX в. резко уменьшается. Например, с проведением в это время Московского тракта мимо Енисейска и принудительного переселения енисейских жителей на Алтай и в Забайкалье, где находились горные заводы, принадлежавшие царской семье, начинается упадок этого города, который усилился после образования в 1822 г. Енисейской губернии с центром в Красноярске. Однако после открытия в Енисейской тайге россыпного золота и начала «золотой лихорадки» начинается кратковременный подъем Енисейска как центра золотодобычи. Начинается активное строительство здесь роскошных купеческих особняков, красивых зданий для общественных, просветительских и культурных нужд не только города, но и округа. Пик добычи золота в Енисейской тайге приходится на 1847 г., когда было 1212 пуд. золота (95% всей годовой добычи золота в России) [2, т. 1, с. 530]. В конце XIX – начале XX в. основными занятиями жителей Енисейска были золотопромышленность (17,3% населения), кузнечное, кожевенное, кирпичное производство, извозный, рыбный и пушной промыслы. Все эти сферы предпринимательства находились под контролем местных и иногородних купцов, о которых и поговорим подробнее.

После введения довольно значительной платы за купеческие свидетельства в конце XIX в., число гильдейских купцов резко уменьшилось: в 1784 г. – 301 чел., в 1895 г. – 207, в 1801 г. – 171, в

1840 г. – 144 чел. [3, т. 1, с. 215]. Как отмечали современники, енисейские купцы были хитры и изворотливы в торговле, не гнушались порой и мелким обманом, за что получили не очень почетное прозвание «сквозняки». В домашнем быту енисейские купцы, как ни в каком другом городе Сибири, отличались хлебосольством и винным «угощением». Не забывали они жертвовать и на городское благоустройство. Все самые лучшие здания XVIII-XIX вв. построены на пожертвования купцов. Из наиболее влиятельных купцов этого времени можно назвать И. Плотникова, И. Тельных и, конечно, С.А. Самойлова, избранного от г. Енисейска в первый российский предпарламент – Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г., о которой мы уже писали в очерке об Ачинске [1, с. 32-33].

Интересно отметить сведения о Енисейске в путеводителе по Сибири за 1895 г.: «В торгово-промышленном отношении Енисейск имеет значение как центр заготовки припасов для золотых промыслов енисейского округа. В конце прошлого и начале настоящего столетия Енисейск имел значительный торг с Туруханским краем и был средоточием торговли европейской и азиатской. В первой половине XIX века торговля эта начала упадать, и в 1831 году в Енисейске уже не было прежней знаменитой ярмарки. Для приезжих заметим, что в городе 2 гостиницы с номерами и несколько заезжих домов, из которых лучшие – Стодырнова и Киркилло. Существует общественное собрание, пользующееся репутацией порядочности. Помещение приспособлено для сценических представлений. Плата за вход в клубные вечера 50 к. Извозчики удовлетворительные, плата по таксе: в час 40 к., за конец 20 к.» [4, с. 74].

В XVIII-XIX вв. Енисейск считался одним из красивейших городов не только Сибири, но и всей России. Однако частые пожары и наводнения привели к неоднократной перестройке зданий и сооружений города, в результате чего его облик менялся и, надо сказать, не в лучшую сторону. Тем не менее сохранились монументальные соборы и церкви: Спасо-Преображенский мужской монастырь (1643), Спасский (1750) и Богоявленский (1738-1764) соборы, Воскресенская (1735-1747), Троицкая (1773-1776) и Успенская (1793-1818) церкви, здания воеводского дома (до 1722), магистрата (1747-1753), присутственных мест (1782), бывшей мужской гимна-

зии (1876-1886), бывшей городской лечебницы (1898), краеведческого музея (1880-е), типографии Дементьева (1890-е). Особую красоту и оригинальность городу придают купеческие особняки, выстроенные в классическом стиле и стиле модерн и эклектики, деревянные дома в стиле барокко и других стилях, но одинаково украшенные художественной резьбой [2, т. 1, с. 531].

Первый герб Енисейска утвержден в 1785 г.: в верхней части – герб Тобольска. В нижнем – в золотом поле связка разных звериных кож, на которой лежит Меркуриев жезл в знак богатой пушной торговли. В связи с вхождением в состав Томской губ. в 1804 г. утвержден новый герб Енисейска. В верхней половине разделенного на две части щита – герб Томска. В нижней – в золотом поле на земле связка звериных кож с Меркуриевым жезлом. В 1864 г. был составлен проект нового герба Енисейска: в вольной части – герб Енисейской губ. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах, за щитом – накрест положенные золотые молотки, соединенные Александровской лентой [3, т. 1, с. 216].

Наиболее значимыми для истории Енисейского округа купцами, на наш взгляд, являются купцы Кытмановы. Основателем династии считается Петр Михайлович Кытманов, крестьянин Назимовской волости Енисейского уезда, который нажил капиталы традиционным для тех мест способом: поставкой продовольствия и фуража на золотые прииски и скупкой пушнины в низовьях Енисея. По отзыву современника В.Н. Соколова, ссыльного в те края большевика, Петр Михайлович «был характерной для Енисейска и для Сибири вообще фигурой. Крестьянин одной из деревень по Енисею, смолоду ездил за рыбой, был извозчиком продуктов в тайгу на прииски, узнал там от приятелей, приисковых рабочих, места с «золотишком» и из маленького приискателя сделался одним из крупных енисейских золотопромышленников». Проживал сначала в с. Анциферовское Енисейского округа, а затем переехал в с. Назимово Анциферовской волости. В 1863 г. построил и пожертвовал для сельского училища дом в с. Анциферовском [5, с. 184]. Типичным для Енисейской губ. купцом стал старший сын П.М. Кытманова – Игнатий (1818-1895), ставший в 1858 г. енисейским купцом 1-й гильдии, а потом и потомственным почетным гражданином, коммерции советником. В 1861 г. построил самый

большой в то время в Енисейске каменный дом. С младшим братом Александром построил и владел пароходами «Енисей» (с 1861 г.) и «Опыт» (1863), с помощью которых наладил регулярное сообщение с низовьями Енисея. Братья отправляли туда соль, хлеб, спирт и другие товары первой необходимости, а вывозили преимущественно рыбу и пушнину. Торговля по Енисею братьев Кытмановых продолжалась всю вторую половину XIX в. Однако главным их занятием в это время стала золотопромышленность. Совмещая поставки различных товаров на частные прииски с самостоятельной добычей золота, они достигли выдающихся результатов. В 1890 г. фирма «Кытманов И.П. и К^о» добыла на своих 20 приисках 22 пуд. 18 фунт. золота. Однако в связи со тенденцией сибирской золотопромышленности двигаться на северо-восток Азиатского континента, добыча золота в Енисейской тайге сокращалась. У Кытмановых она в 1894 г. составила около 11 пуд., в 1900 г. – 4 пуд. 19 фунт., а в начале XX в. совсем прекратилась. К тому времени глава купеческого клана Игнатий Петрович Кытманов уже умер, а его наследники превратились в рантье, переведя около 60% своего имущества в ценные и процентные бумаги [5, с. 184]. В юности И.П. Кытманов познакомился с ссыльными декабристами М.А. Фонвизиным и А.И. Якубовичем, обучившими его грамоте и оказавшими на него сильное влияние. Поэтому он всю свою жизнь интересовался историей движения декабристов, и не мог без слез умиления вспоминать об этих легендарных для России людях.

Любопытно отметить, что в начале своей предпринимательской карьеры братья Кытмановы могли знать и даже конкурировать с еще одним ссыльным декабристом – И.Б. Аврамовым, которому разрешили заняться предпринимательством. Вот краткая справка об этом малоизвестном деятеле: «Аврамов Иван Борисович (1802-1840), поручик Генерального штаба по квартирмейстерской части. Из дворян Тульской губ., получил хорошее домашнее воспитание, где у него было несколько иностранных преподавателей, затем в пансионе при Тульском Александровском дворянском училище и в Московском учебном заведении для колонновожатых, где училось немало будущих декабристов. Член Южного общества, осужден по VII разряду на 4 года каторги с последующим вечным поселением. При отправлении по этапу в Сибирь была составлена характери-

стика внешнего облика будущего каторжанина: “Рост 2 аршина 7 вершков (173 см), лицо белое продолговатое, глаза голубые, нос широковат, волосы на голове и бровях светло-русые, на груди выше правой титьки небольшая бородавка”. Срок каторжных работ сократили до 2 лет, и в 1828 г. И.Б. Аврамов был отправлен в Туруханск, где ему разрешили заниматься торговлей в качестве приказчика у одного из местных купцов. По ходатайству, поданному вместе с Н.Ф. Лисовским 24 октября 1831 г., им было разрешено самостоятельно торговать с местным населением в Туруханском крае и ездить для покупки хлеба и других припасов в Енисейск. Умер в д. Осиново Анциферовой волости, следуя из Туруханска в Енисейск на судне с рыбой и разными товарами. Существует версия о насильственной смерти Аврамова (зарезан с целью ограбления), но материалами следствия она не подтверждена» [6, с. 148].

Другим, еще более видным деятелем движения декабристов был Александр Иванович Якубович (1797-1945), капитан Нижегородского драгунского полка. Из дворян Черниговской губ., отец – роменский уездный предводитель дворянства, ротмистр, Иван Александрович Якубович, был крупным помещиком – за ним числилось около 1200 душ крепостных. Воспитывался дома (учителя Паро и Себастьяни) и в Московском университетском пансионе. В службу вступил юнкером лейб-гвардии Уланского полка в августе 1813 г., участник заграничных походов 1813-1814 гг. Только 20 декабря 1816 г. Якубович получает первый офицерский чин в кавалерии – корнета, и вскоре, за участие в дуэли графа А.П. Завадовского с В.В. Шереметевым в качестве секунданта, переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк прапорщиком. По условиям дуэли он должен был встретиться в поединке с секундantom погибшего Шереметева А.С. Грибоедовым. Дуэль состоялась в Тифлисе, и Якубович ранил Грибоедова в ладонь. По преданию, он горько сожалел о содеянном, т.к. поэт был еще и великолепным музыкантом.

А.И. Якубович был одним из любимых офицеров наместника на Кавказе генерала А.П. Ермолова, получал внеочередные звания и награждался орденами, в скромных чинах командовал большими отрядами войск, получил широкую известность своими лихими набегами против горцев. Во время военной экспедиции А.А. Вель-

яминова на Кубань получил 24 июня 1823 г. тяжелую рану в голову, из-за которой носил впоследствии постоянную повязку. Через полтора года, 19 ноября 1824 г., капитан Якубович был уволен в отпуск для операции в клинике Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В результате он целый год находился в столице, но в тайное общество будущих декабристов принят не был. Потом с его слов говорили о тайной организации в войсках на Кавказе, но собранные сведения не подтвердили эти подозрения. Тем не менее в восстании на Сенатской площади участвовал, хотя и не оправдал возлагавшиеся на него надежды по «возмущению» войск против императора Николая I.

Осужден был А.И. Якубович по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен закованным в кандалы в Сибирь 27 июля 1826 г. со следующими приметам: рост 2 аршина 10 вершков (186 см), «лицом смугл, глаза карие, большие, волосы на голове, бровях и бороде черные, бороду бреет, на лбу повыше правой брови имеет рану от пули с повреждением кости, на правой руке безымянный палец и мизинец не сгибаются, на правой руке ниже плеча имеет рану от пули навывлет в спину повыше лопатки, на левой ноге в пахе имеет рану от пули навывлет с повреждением кости, сухощав, плечист». По окончании срока каторжных работ Якубович был в 1839 г. обращен на поселение в д. Большая Разводная Жилкинской волости Иркутской губ., но по собственному ходатайству разрешено было ему переехать в с. Назимово Анцыферовской волости Енисейской губ., куда прибыл в июне 1841 г. Золотые промыслы давали возможность грамотным и энергичным людям поработать сначала управляющими на приисках, а затем самим стать золотопромышленниками. Такой вариант был бы вполне возможен, т.к. Якубович имел таланты предпринимателя и стремился их реализовывать, но состояние здоровья не позволило ему это сделать. По донесению полковника корпуса жандармов Я.Д. Казимирского, который летом 1845 г. находился на золотых промыслах Енисейского горного округа, Якубович «одержим тяжкою болезнью, лишился употребления ног и от раскрытия головной раны нередко бывает в припадке безумия». Енисейский губернатор распорядился перевезти Якубовича в

ближайшую больницу в Енисейск, где он и умер 3 сентября 1845 г. «от водяной болезни в груди» [6, с. 264-266].

Близость к декабристам, другим просвещенным и высококоммерческим людям енисейской губернии не могла не отразиться на социокультурном облике некоторых сибирских купцов. Примером тому может служить биография Александра Игнатьевича Кытманова (1858-1910), старшего сына Игнатия Петровича, который стал не только крупным предпринимателем, но и ученым, общественным деятелем и благотворителем. Окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет и на средства отца организовал экспедицию на юг Украины для исследования местных черноземов, за что получил степень магистра. В 1882 г. вернулся в Енисейск, где продолжил заниматься наукой и предпринимательством. С 1887 г. разрабатывал прииски в Енисейской губ. и в компании с братом в 1902 г. на пяти приисках добыл 32 фунта золота (1 фунт – 409,5 г). Кроме того, братья Кытмановы продолжили дело своего отца в организации пароходного сообщения по р. Енисей.

Широкую известность в Сибири получила благотворительная деятельность А.И. Кытманова: он жертвовал на нужды образования, собирал средства для открытия краеведческого музея в Енисейске, устраивая платные концерты, причем сам принимал в них активное участие – читал стихи, прозу, исполнял роли в любительских спектаклях. Открытие музея состоялось 1 октября 1883 г., и с этого времени А.И. Кытманов неизменно был директором-распорядителем этого заведения. В 1891-1892 гг. экспонаты музея демонстрировались на выставках в Красноярске, в 1896 г. – в Нижнем Новгороде (коллекция по местным промыслам, золотопромышленности и этнографии) [5, с. 185]. Особый интерес А.И. Кытманов проявлял к истории и этнографии: в 1892-1893 гг. предпринял путешествие по Енисею до Гольчихи для ознакомления с рыбными промыслами и аборигенным населением. Попутно члены экспедиции изучали флору и фауну этих краев и впоследствии были изданы научные труды. Создал А.И. Кытманов и замечательный труд под названием «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии», который, к сожалению, остался незаконченным, но недавно был издан и стал лауреатом Всероссийского конкурса «Университетская книга» (Томск-2019).

Крупнейшими купцами Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. были купцы Баландины. Основателями династии выступили братья Федот и Софрон Григорьевичи Баландины, приехавшие в Сибирь из г. Вязники Владимирской губ. В 40-е гг. братья разбогатели на виноторговле, подрядах и золотопромышленности, вступили во 2-ю гильдию купцов г. Енисейска. Капитал отца и дяди унаследовал Алексей Софронович Баландин (1823-1898), который в 1852 г. записался в купцы 1-й гильдии г. Енисейска, будучи самым богатым человеком этого города [2, т. 1, с. 160]. Об этом свидетельствуют его звания личного, а затем и потомственного почетного гражданина (1863) и коммерции советника (1880-е). В середине XIX в. А.С. Баландин владел в Енисейске двумя домами. Один находился на центральной Большой ул. и совмещался с торговыми помещениями: на нижнем этаже дома размещались мануфактурный и бакалейный отделы, склады для товаров, «ренсковый» (винный) погреб. Магазин для продажи промышленных товаров был угловым с одним торговым залом, из которого существовало два выхода на Большую улицу [5, с. 92]. На арендованной за городской чертой общественной земле А.С. Баландин завел оптовый склад для спирта, который выкуривался на его собственном заводе в дер. Каменская Усть-Тунгусской волости Енисейского округа. Заведовал складом приказчик первого класса енисейский мещанин Михаил Яковлевич Нагаев, в подчинении которого находилось двое рабочих, два караульных и бондарь. А.С. Баландин был одним из инициаторов пароходного движения по Енисею, выступив главным учредителем Енисейской пароходной компании вместе с земляками Е. и А. Грязновыми, с С. и И. Калашниковыми и с И. и А. Кытмановыми, о которых мы уже писали.

После выхода в 1862 г. Положения о городских общественных банках А.С. Баландин выступил организатором первого Общественного банка в Енисейске и долгие годы был его директором правления. Банк принимал и выдавал вклады, предоставлял займы под залог недвижимого имущества, учитывал векселя. Кроме этого, он занимал престижные выборные должности – городского судьи и городского головы [5, с. 93]. Продолжателем коммерческого дела Баландиных стал Александр Алексеевич Баландин (1859-1919), сын А.С. Баландина от первого брака. Как и наследник Кытмановых, он

закончил в 1883 г. Санкт-Петербургский университет, получил ученую степень и продолжил свое образование в Париже. После возвращения в родной Енисейск А.А. Баландин занялся техническим перевооружением золотодобычи на своих приисках. Им было организовано общество «Драга» для машинной промывки золотосодержащих песков. Прибыли этого акционерного товарищества стали самыми высокими в промышленности России и нашли многих подражателей. Вместо отцовской виноторговли, которая была в конце XIX в. отменена и заменена государственной монопольной торговлей, А.А. Баландин открыл в Енисейске книжный магазин и занялся продажей чая. Он много жертвовал на образование и был инициатором открытия в городе женского училища, превратившегося вскоре в прогимназию и с 1881 г. в 7-летнюю гимназию. Вместе с супругой, Верой Арсеньевной, А.А. Баландин открыл частную библиотеку и пожертвовал 28 тыс. руб. на постройку и содержание бесплатной народной читальни [5, с. 94].

В.А. Баландина (в девичестве Емельянова) закончила с золотой медалью Красноярскую женскую гимназию и Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. После их окончания она обвенчалась в 1893 г. со своим земляком А.А. Баландиным и супруги уехали за границу. Там Вера Арсеньевна серьезно изучала химию, биологию, горное дело и даже работала в знаменитой на весь мир лаборатории Луи Пастера. Вернувшись в Енисейск, работала преподавателем в женской гимназии, но тесные рамки педагогики скоро ей наскучили и она окунулась в мир бизнеса. Дело в том, что Енисейская пароходная компания, где ведущую роль играл ее свекор (отец мужа) А.С. Баландин, приобрела английские пароходы, которые прибыли через Карское море в Енисейск. Однако их дальнейшая эксплуатация была невозможна, т.к. паровые котлы использовали минеральное топливо (уголь определенного качества).

Таким образом, даже неполный обзор деятельности енисейских купцов в промышленном и культурном развитии города Енисейска и всего Енисейского края показывает их важную роль в этом процессе. Память о них, однако, сохранилась в виде их роскошных жилых домов и общественных зданий, которые были частично отреставрированы к 400-летию города Енисейска в 2019 г. Однако юбилейные торжества показали, что еще много нужно сделать для

изучения истории этого города, сохранения его архитектурных памятников, воссоздания великолепного облика этого старинного сибирского города.

Список источников и литературы

1. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). М.: Academia, 2006. 384 с.
2. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / рук. проекта акад. РАН А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд. дом «Истор. наследие Сибири», 2009.
3. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2012.
4. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России с подробным дорожником. Издание В.А. Долгорукова. Томск: Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1895. 352 с.
5. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Ю.Л. Александров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
6. Бойко В.П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. 270 с.

Н.И. Гаврилова, канд. ист. наук, доцент
Иркутский национальный исследовательский технический
университет (г. Иркутск)
nig2312@yandex.ru

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В 1865-1910 ГГ.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Создание Государственного банка Российской империи явилось важнейшим элементом модернизированной в процессе реформ финансовой системы и одновременно одним из инструментов

правительства в борьбе с финансово-экономическими кризисами второй половины XIX – начала XX в.

К моменту открытия Государственный банк унаследовал небольшую сеть территориальных учреждений. Реализация зафиксированной в Уставе задачи «оживления торговых оборотов» требовала расширения филиальной сети.

В 1865 г. отделение Госбанка было открыто в Иркутске и других 11 городах. На момент открытия Иркутское отделение Государственного банка стало самым восточным на территории Российской империи.

В первые годы функционирования Иркутского отделения Госбанка результаты его деятельности были еще весьма скромными, что, в целом, характеризовало положение отделений и контор банка на периферии.

Политика банка в Восточной Сибири, как и в целом в Сибири, была двойственной. С одной стороны, он расширял возможности получения кредита для местных предпринимателей, а с другой – ставил границы их развитию. Накапливая значительные средства клиентов на текущих счетах и вкладах и направляя имеющиеся средства в Европейскую Россию, банк неохотно осуществлял кредитные операции.

На протяжении конца 1860-х – 1880-х гг. в отчетах, ежемесячных записях управляющих Иркутским отделением, в ревизионных отчетах отделения неизменно отмечалось крайне «сдержанное» ведение учетных операций [1, л. 546-552об.].

В 1893 г. управляющим Иркутским отделением А.М. Михайловским подчеркивалось, что «главными причинами, мешающими развитию наших операций, служат следующие причины: по учету векселей слишком ограничен размер кредитов. ...Вследствие чего многие торгующие лица кредитуются в частных банках...» [2, л. 493об.-495]. Подобная практика вела к сужению числа клиентов банка. Тем же управляющим в 1893 г. констатировалось, что «при 27-летнем периоде существования отделения» список кредитующихся лиц включает всего 39 человек [2, л. 495].

Финансовые операции банка, таким образом, охватывали лишь незначительную часть торгово-промышленного оборота. Государственного кредита было лишено местное крестьянство, включая его

верхушку, широкие слои мелкой и средней буржуазии. Лишь крупнейшие представители торгово-промышленного капитала пользовались кредитами и ссудами при большом обеспечении.

Утвержденный 6 июня 1894 г. новый Устав Государственного банка значительно расширял его задачи. Деятельность Госбанка в области торгово-промышленного кредита была расширена.

В 1891 г. Госбанк получил разрешение на кредитование частных золотодобывающих предприятий [3, с. 413]. Ссуды выдавались только крупным золотопромышленникам в размере 2/3 предполагаемой добычи золота сроком на один год под обязательство сдачи золота государству и под обеспечение кредита векселями пайщиков компании [4, с. 96]. В 1910 г. была введена операция управления вкладами на хранение в Иркутском отделении.

На основании утвержденного Александром III 6 июня 1894 г. «Расписания должностей Государственного банка» производилась группировка отделений по разрядам в зависимости от объемов производимых ими операций. Иркутскому отделению в середине 1890-х гг. был присвоен статус отделения II разряда. Однако уже к 1896-1897 гг. в связи с высокими объемами производимых операций ему был определен статус отделения I (высшего) разряда.

Роль Иркутского отделения Госбанка как регулятора торгово-промышленной и финансовой жизни региона с конца XIX в. значительно возрастает. Согласно отчетным данным, уже в 1898 г. чистая прибыль Отделения составляла 208,4 тыс. руб. [2, л. 566об.-569об.]. Общие же обороты по операциям к концу 1909 г. достигли 367,4 млн руб., против 350,0 млн руб. в 1908 г. [5, л. 91об.].

В результате преобразований, обусловленных введением нового Устава Государственного банка 1894 г., размеры учетно-ссудных операций увеличивались. В том же 1909 г. сумма выданных ссуд и позаимствований по специальным текущим счетам под векселя и процентные бумаги достигла 1,19 млн руб. Однако и общая сумма хранящихся вкладов всех видов и текущих счетов составляла к 1 января 1910 г. 2,15 млн руб., а вкладов на хранение в процентных бумагах – 14,47 млн руб. [5, л. 92]. Наибольшую долю в структуре активных операций банка занимали вексельные операции.

Динамика учетно-ссудных операций не являлась линейной. Так, в 1895 г. в Отчете Иркутского отделения обращалось внимание на «новое уменьшение активных операций вследствие высоты банковских процентов для учета долгосрочных векселей, имеющих в крае преобладающее значение» [2, л. 496об.]. Кроме того, наблюдалось уменьшение кассового поступления в связи с удовлетворением требований со стороны государственного казначейства: развернувшееся железнодорожное строительство требовало крупных денежных капиталов [2, л. 496об.].

Расширялась и деятельность Отделения в области торгово-промышленного кредита. С сентября 1894 г. в Иркутском отделении Госбанка были открыты операции выдачи ссуды «для восполнения» отечественному овцеводству, хмелеводству и на покупку сельскохозяйственных орудий и машин на основании правил, утвержденных министром финансов 6 июля 1894 г. [6, с. 320]. Расширялось кредитование частных золотодобывающих предприятий.

Выступая в качестве регулятора торгово-промышленной и финансовой жизни региона, Иркутское отделение Госбанка осуществляло деятельность, направленную на стабилизацию цен и предотвращение необоснованных спекуляций или удорожаний продукции. Неоднократно ставились вопросы о расширении практики и условий кредитования средних и мелких предпринимателей региона как в сфере промышленности, так и торговли. Поднимался вопрос о разрешении выдавать ссуды под чай, отправляемые через Иркутскую таможню на ярмарочные рынки Ирбита и Нижний, а также в Москву и другие города Европейской России.

Неизменным с конца XIX в. в Отчетах управляющего Иркутским отделением оставался и анализ экономического положения региона. Отмечалась «недостаточная развитость деловой и промышленной инициативы среди местных капиталистов и предпринимателей» [5, л. 91-92].

В начале XX в. Государственный банк для акционерных банков превращался из конкурента в источник средств, которые предоставлялись частным банкам путем переучета векселей и выдачи ссуд под залог векселей, ценных бумаг и товарных документов. Учет векселей являлся формой кредитования Иркутским отде-

лением Госбанка других кредитных учреждений, прежде всего, отделений акционерных коммерческих банков.

С конца XIX в. Госбанк, принимая меры к уменьшению потребности в денежных знаках, в главнейших торгово-промышленных центрах начал введение расчетных отделов. Первая в России Расчетная палата была открыта в 1898 г. В Сибири же этот процесс начался с запозданием. В Иркутске расчетный отдел был открыт одним из первых в 1912 г.

Недостатком практики кредитования являлось недостаточное внимание банка к средним и мелким предпринимателям, что, прежде всего, объяснялось высокими рисками неплатежей. В то же время важность и необходимость поддержки мелкого предпринимательства в финансовых кругах осознавалась.

1 июня 1895 г. было утверждено «Положение об учреждениях мелкого кредита». По имеющимся в нашем распоряжении данным одними из первых на территории Иркутской губернии стали два сельских банка, созданных в Киренском уезде: первый – в с. Коленское в 1891 г., второй – в с. Витим в 1901 г. [7, л. 37, 53]. В 1905 г. на территории Иркутской губернии действовали уже 12 сельских банков [8, л. 79].

Непосредственный контроль над учреждениями мелкого кредита на местах выполняли инспекции по делам мелкого кредита, создаваемые при отделениях и конторах Государственного банка.

При Иркутском отделении Госбанка штатная единица инспектора по мелкому кредиту была введена в 1912 г. С этого года работу в составе отделения Госбанка начали 4 инспектора. В 1913 г. в состав инспекции по мелкому кредиту при Иркутском отделении Госбанка входили уже 5 инспекторов, 1 делопроизводитель и 1 канцелярский служащий. К 1915 г. личный состав инспекции вырос до 11 человек. Увеличение численного состава инспекции, прежде всего, обуславливалось весьма значительной динамикой учреждений мелкого кредита на территории Иркутской губернии в течение 1910-1915 гг. За шесть указанных лет общее их число возросло более чем в 4 раза (с 29 до 124).

В 1862 г. на Государственный банк под наблюдением министра финансов было возложено общее управление сберегательными кассами согласно утвержденному «Уставу сберегательных касс

Российской империи». В 1864 г. был издан циркуляр Министерства финансов об открытии сберегательных касс при всех конторах и отделениях Госбанка. В результате реализации этого указа при открывшихся в 1865 г. Иркутском и Томском отделениях появляются первые в Сибири сберегательные кассы [9, с. 63].

Данные статистики свидетельствуют о росте числа как самих сберегательных касс при Иркутском отделении Госбанка и казначействах Иркутской губернии, так и числа вкладов в этих сберкассах. К 1914 г. при Иркутском отделении Госбанка функционировало 29 сберкасс, имевших 34 467 вкладов, и 66 сберкасс при казначействах (16 954 вкладов).

С 1896 г. наряду с открытием новых отделений было принято решение приблизить банковские операции к населению за счет привлечения для некоторых операций местных казначейств. К 1914 г. насчитывалось 7 приписанных казначейств (в 1901 г. – 6), баланс которых составлял 5,9 тыс. руб. (в 1901 г. – 2,3 тыс. руб.).

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 33. Д. 1157. Л. 546-552об.
2. РГИА. Ф. 587. Оп. 47. Д. 14.
3. Шахеров В.П. Инвестиционная политика Государственного банка России как фактор монополизации сибирской золотопромышленности // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 406-432.
4. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири. 1832-1917: историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 307 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 62.
6. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. 544 с.
7. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 52.
8. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 53.
9. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XXI века: монография / В.В. Земсков и др.; гл. ред. В.В. Земсков; науч. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, 2010. 479 с.

О.Г. Климова, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)
climovolga@yandex.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.В. СТАРЦЕВА

Историческая наука, как и все другие сферы жизни общества, реагирует на происходящие изменения и дает ответы на вызовы современности. В частности, последние 30 лет не прекращается интерес к проблемам истории купечества и предпринимательской практики, что обусловлено, с одной стороны, отсутствием внимания к этой проблеме в советский период развития государства, а с другой – интересом историков к новым тематикам исследований, отсутствием формальных ограничений и идеологических запретов. Многие исследователи справедливо отмечают, что слово «предприниматель» обрело прежний положительный смысл.

В связи с научным интересом к теме предпринимательства, изданием монографий, статей, энциклопедий, регулярным проведением научных мероприятий, посвященных купечеству, торговле, защитой докторских и кандидатских диссертаций актуальным становится изучение научных трудов персоналий-исследователей.

Цель статьи – рассмотреть научное творчество известного ученого, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева, одного из лидеров «нового направления» в историографии исторического сибиреведения.

А.В. Старцев о себе говорил: «Мое хобби – моя работа» [1, с. 5], «Чтобы не заскучать, нужно меняться» [2]. И этим словам Александр Владимирович следовал в своей научной работе, в профессиональной деятельности. Круг научных интересов и научных проблем, к которым обращался ученый, довольно широк. Это и работы по истории экономических, политических, социальных контактов Сибири с сопредельными государствами (Китаем и Монголией), и работы по истории предпринимательства и купечества, и

по истории повседневности, и по истории отдельных сибирских предприятий, и по истории купеческих семей и некоторых купцов (Морозовы, Васенев, Сычев, Фирсов), и многие другие.

Еще в студенческие годы, начав работать с архивными фондами, будущего ученого увлекла исследовательская деятельность. Его первая научная публикация в 1980 г. была посвящена сибирскому предпринимательству – пушному промыслу Сибири второй половины XIX – начала XX в. [3].

В 1980-е гг. методологической основой гуманитарных научных исследований являлся исторический материализм с использованием формационно-классовой терминологии. Однако на практике с середины 1980-х гг. историки стали отходить от идеологических штампов, вводя в научный оборот новые архивные, мемуарные и литературные материалы. Это позволило историку шире рассмотреть социальное и экономическое развитие Сибирского региона, особенности хозяйственной и иной деятельности коренного населения, а буржуазию как предпринимателей [4]. Его кандидатская диссертация была посвящена пушной торговле в Западной Сибири, которую А.В. Старцев защитил в 1987 г. в Томском государственном университете [5], а в октябре 2004 г. – докторскую диссертацию о русской торговле в Монголии второй половины XIX – начале XX в. [6].

В 1990-е гг. наступил новый этап развития отечественной исторической науки. А.В. Старцев отмечал, что «в советский период теоретические вопросы исторических исследований, в т.ч. по социально-экономической тематике, решались исключительно в рамках исторического материализма» [7, с. 8]. Ученый, не исключая теории исторического материализма, обратился к новым методологическим подходам: теории модернизации, цивилизационному подходу и др. А.В. Старцеву, одному из первых региональных историков, принадлежит освоение методологического опыта европейской исторической науки и попытка его адаптации к традиционной российской источниковой базе.

Смена парадигм в исторической науке происходила постепенно. Взгляды Ф. Броделя, Р. Арона, А.Дж. Тойнби, получившие в 1990-е гг. популярность, безусловно, нашли отражение и в работах А.В. Старцева [8]. При этом ученый отмечает, что отечественная

традиция исторического познания покоится на принципах, уходящих своими корнями в досоветскую и советскую эпохи, а удачным является при исследовании социально-экономической проблематики, в т.ч. и вопросов предпринимательства комплексность, системный подход к явлению [7, с. 18].

Историк в своем научном творчестве обращается к новым, ранее не исследованным проблемам – правовой регламентации предпринимательства, менталитету предпринимателей, восприятию предпринимателей и предпринимательства современниками, общественной и культурной жизни, меценатской деятельности деловых людей и др. Так, ученый пишет о необходимости изучения предпринимательства: «Многообразие характеров, судеб, привычек дает обильную пищу для размышлений о феномене отечественного предпринимательства, становления и развития деловых отношений в России» [9] и образ предпринимателя «мало соответствует упрощенному, а подчас и карикатурному облику капиталиста, который до недавнего времени господствовал и в научной литературе, и в художественных произведениях» [10]. А.В. Старцев, используя нормативно-правовые акты дореволюционного периода, исследует социально-правовую роль предпринимателя, торговое и промышленное право, т.е. демонстрирует возможность и необходимость использования законодательных источников при изучении предпринимательства в России и в Сибири [11], рассматривает условия развития и организационно-правовые формы предпринимательской деятельности [12].

Поисковая работа в государственных и региональных архивах позволила ученому воссоздать и опубликовать истории отдельных купцов и купеческих семей. Среди наиболее значимых стали публикации о купцах А.Д. Васеневе, Морозовых, М.С. Сычеве, А.П. Фирсове [4] и др., в которых представлены, кроме фактических и статистических данных, дневники и письма.

В реконструкции истории деятельности предпринимателей и отдельных купеческих родов большое значение имеют «купеческие энциклопедии». Так, историк участвовал в издании энциклопедических изданий, в т.ч. и как автор: 2-томного издания «Энциклопедия Алтайского края», «Барнаул», «Бийск», 4-томного издания «Большая Тюменская энциклопедия», 3-томного издания «Истори-

ческая энциклопедия Сибири», «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» и др. [13].

Профессором в соавторстве с барнаульскими историками В.А. Скубневским и Ю.В. Гончаровым были опубликованы монографии, посвященные предпринимателям Алтайского края [14, 15], под редакцией ученого была издана книга, посвященная предпринимательским фамилиям Томской губернии [16].

Тематика научных исследований А.В. Старцева постепенно расширялась. Так, им было опубликовано большое количество работ по истории развития торговых и экономических отношений Монголии, Китая, России (и Сибири, в частности), нашедших отражение в отечественной историографии [17, 18].

В одной из своих работ профессор писал, что Сибирь для России – это шанс, а «чтобы воспользоваться этим шансом, необходимо прежде всего всестороннее исследование истории народного хозяйства Сибири в прошлом и настоящем, введение в научный оборот дополнительных фактов и материалов с использованием и новых, и традиционных методологических подходов и теоретических построений» [7, с. 67].

Таким образом, возможно утверждать о высокой степени изученности проблематики, связанной с историей предпринимательства в Сибири, а также историей развития экономических, социально-правовых отношений Сибирского региона со странами Азии и теоретических вопросов экономической истории. А.В. Старцев является автором более 550 опубликованных научных, научно-популярных работ, которые представлены различными историографическими жанрами. Для его научных трудов характерны новые подходы в изучении сибирского предпринимательства, анализ фактического материала, архивных источников.

Список источников и литературы

1. Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул, 2016. 446 с.

2. Александр Старцев: Чтобы не заскучать, нужно меняться! Три новых вуза и вся история Александра Старцева // Ежедневник «АиФ-Алтай». 2014. 20 авг. № 34.

3. Старцев А.В. Пушная торговля бийских купцов в конце XIX – начале XX в. // Барнаулу – 250 лет. Барнаул, 1980. С. 124-126.

4. Климова О.Г. Вклад Александра Владимировича Старцева в изучение истории предпринимательства дореволюционной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 108-112.

5. Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. 213 с.

6. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2004. 451 с.

7. Старцев А.В. История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сб. науч. ст. Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 5-21.

8. Старцев А.В. Проблемы экономического развития Сибири и их отражение в современной историографии // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. ст. по мат-лам IV Всерос. науч. конф-ции. В 2 т. Т. 1. Барнаул, 2015. С. 51-69.

9. Старцев А.В. Торгово-промышленная фирма Морозовых // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул, 1997. С. 55-74.

10. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2014. 214 с.

11. Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 3-21.

12. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2007. 214 с.

13. Климова О.Г. Экономическая история дореволюционной Сибири на страницах «купеческих энциклопедий» // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Барнаул, 2017. С. 263-266.

14. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861-1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.

15. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Алтай купеческий. Барнаул, 2007. 172 с.

16. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск, 2005. 264 с.

17. Старцев А.В. Российско-монгольские связи в оценках русских дипломатов // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: мат-лы конф-ции. Барнаул, 2015. С. 301-307.

18. Старцев А.В. Проблемы взаимодействия цивилизаций в трудах путешественников и исследователей Азии во второй половине XIX – начале XX в. // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. Барнаул, 2013. Вып. VII. С. 52-71.

И. Владимирски, доктор ист. наук, профессор
Академический колледж Ахва (Израиль)
irena@achva.ac.il

М.В. Кротова, доктор ист. наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет (г. Санкт-Петербург)
mary_krot@mail.ru

«НАШ ЧЕЛОВЕК В ПЕТЕРБУРГЕ»: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА С.Ю. ВИТТЕ И ИНТЕРЕСЫ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено по международному гранту Центра «Сэфер» на исследования по истории и культуре российского еврейства в различные исторические периоды. Грант предоставлен в рамках благотворительной программы «Академическая иудаика на постсоветском пространстве», реализуемой при поддержке фонда «Генезис» (Genesis Philanthropy Group).

Личность Сергея Юльевича Витте является поворотной фигурой русской истории для конца XIX – начала XX в. и рассматривается исследователями в разных измерениях. Оценки деятельности Витте и при его жизни, и в дальнейшем варьировались от крайне негативных до восторженных [1]. Однако почти все признавали, что это была неординарная личность, прямо и косвенно оказавшая влияние на разные стороны жизни и слои общества Российской империи. Еврейское купечество Сибири не было исключением. Евреи вообще считали (возможно, незаслуженно) Витте юдофилом, «выразителем» их прав, к нему испытывали особое доверие и возлагали большие надежды. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что Витте был женат на еврейке, и некоторые еврейские деятели в критический момент ждали от Витте поддержки и защиты [2, с. 73].

В настоящей статье предполагается рассмотреть влияние фигуры С.Ю. Витте на Якова Давидовича Фризера (1869-1932) – сибирского золотопромышленника, для которого Витте стал символическим лицом, которое он избрал примером своих планов и начинаний в преобразовании сибирской золотопромышленности. Казалось бы, что могло быть общего между всемогущим министром финансов и еврейским купцом из Восточной Сибири? Однако период реформ и модернизации российского общества в конце XIX – начала XX в. объединил судьбы этих людей. Реформы Витте открыли дорогу личной инициативе и предпринимательству, вовлекли широкие круги купечества в экономику страны. С.Ю. Витте интересовался проблемами Сибири и Дальнего Востока, вопросами железнодорожного строительства, развития промышленности и торговли как сочетанием местных и имперских интересов. Еще во «Всеподданнейшем докладе о способах сооружения Великого Сибирского пути» 6 ноября 1892 г. С.Ю. Витте предполагал, что железная дорога станет «могущественным двигателем горной промышленности» Сибири, в т.ч. добычи золота: «богатства Сибири хватит для разработки на целые столетия» [3, с. 164]. По мысли Витте, железная дорога должна была поставить золотые промыслы «в прямую связь с общим промышленным движением нашего отечества», открыть эту важную отрасль промышленности «для более

широкой предприимчивости», привлечь к ней «капиталы и знание» [3, с. 165].

Потребность в золоте для проведения денежной реформы, образование золотого фонда стимулировали развитие золотопромышленности в Восточной Сибири в конце XIX в., и частный случай золотопромышленника Якова Давидовича Фризера – баргузинского купца первой гильдии, сына ссыльнопоселенца, не получившего систематического образования, доказывает правильность направления, выбранного Витте. В своих работах Я.Д. Фризер неоднократно обращается к фигуре С.Ю. Витте в разных контекстах. Так, когда им было найдено золото в глухой Витимской тайге на р. Королон, благодаря которому Фризер стал известен в промышленных кругах Сибири, он рассматривал развитие местной золотопромышленности как общегосударственное дело, требующее нового видения и комплексного подхода. В данном контексте было необходимо наладить по-новому социально-бытовые и экономические условия организации труда и быта приисковых рабочих и служащих. Кроме православной церкви, больницы, библиотеки, театра и прочих объектов на Королонских приисках Фризер открыл начальную школу для детей рабочих. Школе было дано имя статс-секретаря С.Ю. Витте, по словам Фризера, «любезно изъявившего согласие на присвоение его имени» [4, с. 31]. Однако, к большому разочарованию Фризера, учеников было сравнительно мало, около десятка, к тому же дети предпочитали намывать золото, а не учиться, и школу вскоре пришлось закрыть.

Фризера, несомненно, привлекали в С.Ю. Витте те черты, которые отличали его от других министров старого типа: демократизм, дерзость, практический подход, знание предмета изнутри, организаторские способности, деловая хватка и отсутствие боязни рисковать и экспериментировать. Известный публицист К.Ф. Головин писал о Витте в своих воспоминаниях: «Он был первым у нас министром, доступным для каждого и открытым для любой новой мысли. ...Энергией он превосходил значительно всех своих коллег» [1, с. 177]. Вызывало уважение то, что Витте был практиком, не понаслышке знал особенности экономики России, пытался вникнуть во все мелочи, поэтому к нему смело обращались с различными ходатайствами и прошениями. Еще в бытность его мини-

стром финансов, Иркутское городское управление обратилось по просьбе сибирских золотопромышленников к Витте с докладной запиской от 16 октября 1902 г. об изменении промыслового налога с золотопромышленности. В записке был описан «случайный, беспорядочный и рискованный» характер золотого промысла в Восточной Сибири, с присущими ему проблемами – труднодоступностью, природными неожиданностями, излишним ажиотажем, недостатками кредита, а также о «нашей национальной неумелости – быть разумно расчётливыми и осмотрительными в сложных делах» [5, л. 1об.]. Однако отставка С.Ю. Витте с поста министра финансов в августе 1903 г. отложила решение вопроса о промысловом налоге.

Для Я.Д. Фризера С.Ю. Витте был образцом государственного деятеля с широким образом мыслей. Он вдохновлялся примером Витте, его смелыми замыслами и размахом, чутьем, деятельным и деловым подходом. Не в последнюю очередь Фризера привлекала полемика Витте по ряду вопросов на страницах печати. Э. Сагинадзе в своем исследовании отмечала удивительное «современное понимание публичности» Витте – тот считал важным формирование общественного мнения, был внимателен к прессе, каждое утро просматривал свежую прессу и выступал с опровержением острых публикаций [2, с. 10]. Фризер, возможно, интуитивно, также предпочел такой образ действий и стал одним из первых еврейских купцов Восточной Сибири, который внимательно следил за местной прессой, выступал в ней по различным вопросам, участвовал в дискуссиях на страницах газет и журналов и, что очень важно, всегда отвечал на критику.

В своем дневнике он записал: «Одно могу с гордостью записать, что в каждом деле, как общественном, так и чисто практическом, где я принимал участие, там не оставался простым статистом, а заставлял себя говорить, читать и т.п. ...Выдвигаясь почти всегда в первые ряды благодаря освещению каждого вопроса в печати за своей подписью, в большинстве случаев, обстоятельно, с цифровыми данными и ссылками на литературу, мне этого не могли простить» [6]. Так, в 1898 и 1899 гг. на страницах иркутской газеты «Восточное обозрение» появилось несколько статей, большей частью, анонимных, обвинявших Фризера в незаконности занятия им Королонских приисков, эксплуатации инородцев (орочон) и рабо-

чих-приискателей. Я.Д. Фризер в одном из номеров газеты от 24 октября 1899 г. ответил «злопыхателям», что не считает «возможным оставить без возражений» позорящих его «нареканий» и решил обстоятельно ответить путем создания очерка о своих золотопромышленных предприятиях [7, с. 2], что и сделал, опубликовав через год в Москве книгу «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды», которая до сих пор является важным источником по истории золотопромышленности в Восточной Сибири [8]. Впоследствии он не оставлял без ответа любые нападки на себя и свою деятельность, в т.ч. и антисемитские, и, надо сказать, таких нападок становилось все меньше.

Жизненные орбиты и общность интересов Я.Д. Фризера и С.Ю. Витте все-таки пересеклись. В одном из некрологов на смерть Фризера в Харбине в декабре 1932 г. сообщалось: «Благодаря указанным выше способностям своего характера Я.Д. Фризер своей деятельностью в области золотопромышленности обратил на себя внимание высших государственных сфер и его еврейское происхождение не мешало ему получить аудиенцию у самого министра финансов С.Ю. Витте» [9, с. 22]. Об этом случае упоминала Л.В. Кальмина в своей статье: «Фризер выступал в Санкт-Петербурге на съезде золотопромышленников и был удостоен аудиенции министра финансов С.Ю. Витте» [10, с. 94]. Видимо, речь шла о первом съезде золотопромышленников в 1907 г. в Санкт-Петербурге, на который был приглашен Фризер с выступлением. Не сохранилось записи этой беседы, однако, когда в феврале 1915 г. в Петрограде был проведен 2-й съезд золотопромышленников, на съезде выступил С.Ю. Витте – видимо, это была его последняя речь вообще (в конце февраля 1915 г. он скончался).

В своей речи Витте поднял несколько проблем, в т.ч. о мелких золотопромышленниках и их требованиях: «...дайте нам жить, мы должны платить и земские сборы, и содержать чиновников, и за пошлину мы должны платить, мы не можем добывать золото, потому что все это ложится на нас». Здесь Витте заметил: «Я их понимаю. Они приезжают сюда в Петроград, и я имел удовольствие говорить с ними» [11, л. 238]. Трудно сказать определенно, но, возможно, среди этих золотопромышленников был и Я.Д. Фризер, постоянно высказывавшийся за послабления в практике золотого

промысла. Говоря о требованиях сибирских предпринимателей, Витте образно заметил: «Их, так сказать, насекомые гложут, а они придут в Петроград, и им говорят о львах. Они говорят: мы львов не видим, избавьте нас от насекомых, а мы им будем говорить о том, как уничтожить льва и посадить сюда слона» [11, л. 238]. В своей речи Витте настойчиво предлагал предоставить инициативу местным людям [11, л. 239].

История Я.Д. Фризера демонстрирует формирование нового типа предпринимателя в Сибири под влиянием личности и деятельности С.Ю. Витте на рубеже XIX-XX вв. Этот тип отличали государственный взгляд на развитие промышленности, торговли и транспорта России, пренебрежение условностями, социальными, этническими и конфессиональными различиями, активная жизненная позиция, внимание к вопросам профессиональной репутации. Представляется, что тема символических лиц и ориентиров для предпринимателей Сибири имеет перспективы для последующих исследований.

Список источников и литературы

1. С.Ю. Витте / сост., вступ. ст., примеч. И.В. Лукоянова. СПб., 2018. 672 с.
2. Сагинадзе Э. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906-1915 годы. М., 2017. 280 с.
3. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М., 2004. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. 647 с.
4. Фризер Я.Д. Статистико-экономический очерк Королонских золотых промыслов (Баргузинского округа Забайкальской области). СПб., 1906. 129 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 49. Оп. 1. Д. 46.
6. Личный архив Тамар Александр-Фризер и Дана Фризер. Дневники Я.Д. Фризера.
7. Восточное обозрение (Иркутск). 1899. № 228. 24 окт.
8. Фризер Я.Д. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М., 1901. 151 с.
9. Изгур А. Я.Д. Фризер – самородок Сибирской тайги (вместо венка) // Еврейская жизнь. 1933. № 1-2. С. 21-23.

10. Кальмина Л.В. Баргузинский «след» в Иркутске: Моисей Новомейский и Яков Фризер // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 16. С. 91-100.

11. РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 30.

И.В. Куприянова, доктор ист. наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул)
irinak-63@mail.ru

«ЦЕННОСТНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ» КАК ОСНОВА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В конце XIX – начале XX в. старообрядческое предпринимательство играло без преувеличения ключевую роль в экономике центральных губерний России, где оно преобладало в фабрично-заводской промышленности и внутренней торговле; достаточно вспомнить, что на его долю приходилось три четверти торговых оборотов Москвы [1, с. 73]. Сильны были его позиции и в экономике промышленного Урала. Что же касается Алтая, в социально-экономическом плане представлявшего собой глубокую сельскохозяйственную периферию, то здесь предпринимательский класс в среде старообрядчества составлял далеко не столь мощную и состоятельную прослойку.

Тем не менее и в этих, не столь благоприятных экономических условиях сформировался круг лиц, успешных в тех или иных сегментах торгово-промышленной сферы. В нем можно видеть и крупных предпринимателей – представителей гильдейского купечества, владельцев фирм и торговых домов с разветвленной магазинной сетью, занимавшихся оптовой хлебной и мануфактурной коммерцией, и городских торговцев – хозяев небольших магазинчиков и предприятий. В ряде случаев из небольших оборотов со временем формировалось «дело», которое передавалось наследникам, выходящим в разряд крупных по местным масштабам купцов и промышленников.

Крупнейшей фирмой, созданной представителями старообрядчества на Алтае, являлся торговый дом династии барнаульских купцов Морозовых, насчитывавшей три поколения: во-первых, основатель – Григорий Евдокимович, переехавший в Барнаул из д. Повалихи Белоярской волости [2, л. 102об.-103]. Начав в 1868 г. торговлю в Барнауле, через 10 лет он уже владел двумя магазинами мануфактурных и галантерейных товаров с оборотом 30-40 тыс. руб., что позволило ему вступить во 2-ю, а затем и в 1-ю купеческую гильдию. После 1896 г. дело возглавил его сын Андрей Григорьевич, придавший ему особый размах: под его руководством Морозовы входят в первую десятку крупнейших предпринимателей Барнаула, создают фирму «А.Г. Морозов с сыновьями» с основным капиталом в 100 000 руб. Фирма имела отделения в Бийске, Кузнецке, Усть-Пристани, Шелаболихе, Камне-на-Оби и др. Морозовы вели универсальную торговлю разнообразными товарами: стройматериалами, мануфактурой и готовой одеждой, галантереей, посудой, мебелью, инструментами, предметами обстановки, оружиевыми и рыболовными принадлежностями, золотыми и серебряными украшениями, красками, парфюмерией, элитными винами, бакалеей, гастрономией и др. [3, с. 71-72].

Еще одним примером успешного семейного старообрядческого предпринимательства являлся торговый дом «Братья Козловы», основанный династией старообрядцев-беспоповцев, переехавших в Барнаул из с. Маслянино [2, л. 103об.-104]. В 1906 г. братья заложили в Барнауле паровой лесопильный завод и мельницу, затем еще один завод и мельницу в селе Легостаево. В начале XX в. Козловы являлись крупнейшими лесоторговцами на Алтае: со своего барнаульского склада они продавали строевой лес-кругляк, с лесопилки – сосновые дрова и другую продукцию [4, с. 4; 5, с. 4]. Оборота торговых промышленных и предприятий братьев Козловых, на которых было занято в общей сложности более 300 рабочих, составляли 1 млн руб., прибыль исчислялась в 50 тыс. руб. [3, с. 57].

Помимо крупного среднего предпринимательства, в старообрядческой среде имелось большое количество «торгующих крестьян» – скупщиков сельхозпродукции, владельцев сельских лавок и «заводов» по переработке животного и растительного сырья. Склонность старообрядцев к торговле, вероятно, объясняется необ-

ходимостью изыскивать средства для обеспечения религиозной жизни в полулегальных условиях существования религиозных обществ, находящихся вне закона.

Вместе с тем очевидно, что представители старообрядческого предпринимательства и интеллигенции отдавали себе отчет в несправедности капиталистической системы хозяйствования и, в конечном счете, в ее несовместимости с христианской верой. Для старообрядцев, с присущей им особой «интенсивностью религиозного чувства» [6, с. 19], когда оно является не обязанностью, а основополагающим свойством, духовным стержнем личности, – такие соображения, несомненно, имели большое значение.

В историографии старообрядческого капиталистического предпринимательства в последние десятилетия дискуссионным является вопрос о природе старообрядческой хозяйственной этики. В частности, в работах Д.Е. Раскова обосновывается ее принципиальное отличие от протестантской капиталистической этики [7, с. 117-146]. Данная позиция противостоит точке зрения В.В. Керовва, продвигающего идею христианского рационализма как основы старообрядческого хозяйства, роднившей его с капиталистическим предпринимательством западного типа [8].

Таким образом, проблема состоит в том, представляло ли собой старообрядческое предпринимательство в моральном плане нечто принципиально иное в отношении того, что классик социологии капитализма Вернер Зомбарт называл «хозяйственный дух», формулируя это понятие как «совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование» [9, с. 28].

В определении характера того или иного хозяйственного духа принципиальное значение имеет дефиниция «деловой морали», для капитализма западного типа означающая «мораль, которая преследует цель добывания деловых выгод; следовательно, мораль для дела, мораль из-за дела». Такая мораль представляет собой совокупность добродетелей, которыми не обязательно обладать: можно «носить их напоказ ... Ибо такой нравственный образ жизни поднимает кредит» [9, с. 168]. Для того чтобы обосновать тот или иной вариант хозяйственного духа, часто рассматривается его связь с религиозной этикой.

Так, например, старообрядческий писатель и журналист первой половины XX в. И.А. Кириллов, характеризуя промышленный капитализм западных стран, отмечает такие его черты, как беспринципное стяжательство, обезличивание капитала: «Он создает особую духовную атмосферу, лишает хозяйственную деятельность моральных и этических мотивов, проникая последнюю исключительно духом сухого расчета, рационализма» [10, с. 346-347]. Но при этом, считает Кириллов, капитал сам по себе не является злом, «а превращается в отрицательное явление, когда злая человеческая воля делает его орудием бесчестной наживы и разорения ближних». В его трактовке есть и другая версия капиталистического предпринимательства, моральными основами которой являются христианские добродетели: трудолюбие, бытовой аскетизм, высокие требования к качеству человеческой личности. В таком виде капитализм представляет собой благотворную хозяйственную деятельность, преобразующую мир; более того: вслед за С.Н. Булгаковым И.А. Кириллов рассматривает развитие производительных сил России как «своеобразную религиозно-этическую задачу, как вид общественного служения» [10, с. 348-351]. Именно в этом качестве он рассматривает старообрядческое предпринимательство.

Как правило, представители предпринимательского класса занимали почетное положение в своих общинах, что во многом связано с тем тяжелым положением, в котором старообрядцы находились в периоды гонений; тогда в сообществах выдвинулись люди, с помощью своего богатства и связей оберегавшие церковь и духовенство от уничтожения и поругания. Постепенно сформировался институт попечителей-мирян, которые с помощью капиталов помогали своим общинам «в прямом смысле выжить, перенести преследования» [7, с. 125].

Несомненно, в этом отношении предприниматели-старообрядцы сыграли в алтайских сообществах весьма существенную роль. Первой обязанностью по отношению к делам веры, которую налагали на себя эти состоятельные прихожане, являлись денежные пожертвования на различные нужды религиозно-общественной жизни: строительство, украшение и ремонт храмов, организацию школ, приобретение предметов культа и многое другое.

Вместе с тем значение богатого, в особенности гильдейского, купечества в старообрядческом движении выходило за рамки источника материальных щедрот. Круг обязанностей данной социальной группы определялся, прежде всего, ее вовлечением в капиталистическую, рыночную экономику, что для сибирского старообрядчества являлось почти единственной линией, «связывавшей мир староверия с буржуазным развитием» [11, с. 8]. Более приспособленные к современным реалиям, представители торгово-предпринимательских кругов обладали деловой хваткой, умением решать проблемы, выстраивать отношения с представителями власти.

Кроме того, имея деньги и связи, они, как правило, располагали большими организационными возможностями. Торговые операции часто являлись прикрытием религиозно-координационной деятельности, а разъездная торговля давала возможность поддерживать конфессиональные контакты, вести информационный обмен, закупать имущество, необходимое для отправления культа. Наконец, крупнейшие предприниматели имели возможность участвовать в общественной жизни: например, И.С. Шумихин, И.И. Черкасов, К.А. Волков, Ф.К. Козлов являлись гласными Барнаульской городской думы, в которой продвигали интересы своих общин [12, л. 253].

В силу указанных обстоятельств старообрядцы-предприниматели выполняли по отношению к своим объединениям роль попечителей и популяризаторов вероучения, имевшую первостепенное значение, в особенности в условиях нелегального и полунелегального его существования. Так, например, само появление и распространение австрийской веры в Барнаульском уезде было связано с приездом на Алтай купца И.Р. Афонина, много сделавшего для ее пропаганды и формирования общин [13, л. 71]. Покровителями и распространителями часовенного согласия в Уймонской долине являлись предприниматели Ошлоковы, торговые связи которых простирались вплоть до Ирбитской ярмарки; «руководителем и главным пропагандистом раскола» являлся А.Т. Ошлоков, «благодаря своему богатству» устроивший при своей лавке в Нижнем Уймоне, в особом помещении, моленную, которую богато украсил [14, с. 14]. А.Г. Морозов занимал должность председателя церковного совета Барнаульской поморской общины, являлся организатором

ром и попечителем девичьего монастыря в Барнауле [15, с. 109]. К.А. Волков – владелец солидной фирмы по торговле хлебом, возглавлял церковный совет Барнаульской австрийской общины в сложнейший для нее период строительства Крестовоздвиженского храма и успешно справился с этой задачей; членом совета был один из его братьев, также крупный предприниматель. Много лет церковным старостой этой же общины являлся И.С. Шумихин – купец 2-й гильдии, владелец галантерейного магазина [16, с. 286].

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что представители торгового капитала не ограничивались одними денежными пожертвованиями, безусловно, необходимыми для религиозно-общественной жизни: они вкладывали в нее личные усилия, время и энергию на решение организационных задач, без которого также не могло обойтись старообрядческое движение; тем самым они отводили от него всевозможные угрозы, придавали ему порядок и устойчивость, являясь гарантами его стабильности и непрерывности.

То обстоятельство, что промышленники-старообрядцы по достижении экономического успеха не порывали со своей религиозной средой, а, напротив, обращали приобретенные возможности ей на службу, свидетельствует, что их хозяйственный рационализм органично уживался с ориентацией на корневые духовные ценности. Многие из них видели смысл предпринимательства в том, чтобы давать заработок своим одноверцам и иметь деньги для нужд благотворительности: владелец барнаульского шубно-пимокатного заведения, купец С.В. Лапин утверждал, что развивает свое дело преимущественно ради спасения души: чтобы иметь возможность, подобно библейскому Аврааму, «странника принять» и тем самым «спастись»; кроме того, его предприятие давало рабочие места для более чем 80 одноверцев [13, л. 454об.].

Таким образом, старообрядческие предприниматели оставались в значительной степени включены во вполне определенный духовно-ценностный контекст, воплощая, по М. Веберу, так называемую «ценностную рациональность» как антитезу «формальной рациональности», олицетворявшей капитализм западного типа.

Список источников и литературы

1. Мельников А. Самобытность старообрядчества // Русская мысль. 1911. Кн. V. С. 72-81.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 790.
3. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул, 2001. 241 с.
4. Жизнь Алтая. 1914. № 1.
5. Жизнь Алтая. 1914. № 2.
6. Смирнов П. Записка второй миссионерской поездки по Барнаульскому округу епархиального противораскольничьего миссионера священника Павлина Смирнова // Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1899. № 12. Миссионерский отдел.
7. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. 344 с.
8. Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство: «мифы» и «легенды» англо-американской историографии. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB5/kerov.htm> (дата обращения: 20.09.2020).
9. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // В. Зомбарт. Собр. соч. в 3 т. СПб., 2005. Т. 1. С. 27-478.
10. Кириллов И.А. Правда старой веры. Барнаул, 2008. 502 с.
11. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.
12. ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22.
13. ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.
14. Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894-1895 году. (Продолжение) // ТЕВ. 1896. № 3. Отдел неофициальный.
15. Протест против клеветы // Щит веры. 1916. № 2.
16. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2009. 308 с.

Е.В. Санкин, канд. ист. наук
МБОУ СОШ № 25 (г. Сургут)
zsankin@yandex.ru

В.П. Зиновьев, доктор ист. наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный
университет (г. Томск)
vpz@tsu.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АРЕНДА РЫБОЛОВНЫХ ОЗЕР В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Озерное рыболовство являлось важной отраслью сибирской рыбопромышленности. Сортовые сорта рыбы хорошо продавались на ярмарках Сибири и кормили уральских и алтайских промышленных рабочих. Сибирские озера всегда представляли интерес не только для крестьян и коренного населения, но и для предпринимателей, которые сыграли немаловажную роль в озерном рыболовстве Сибири.

По официальным сведениям, в конце XIX в. в Западной Сибири насчитывалось до 10 тыс. озер, из которых 8 тыс. располагалось в Тобольской и Томской губернии [1].

Наиболее крупные и продуктивные озера располагались в Барабинской степи. Это оз. Чаны площадью от 271,3 до 339,3 тыс. га в зависимости от сезона, оз. Убинское – 55,9 тыс. га, оз. Сартлан – 26,9 тыс. га, оз. Яркуль и Карганское – по 4,3 тыс. га. [2, стлб. 225].

Большинство западносибирских озер в течение рассматриваемого периода оставалось в пользовании коренных жителей региона, которые входили в их надельные земли, что регулировалось уставом «Об управлении инородцев» и «Положением об инородцах». Например, в Тюменском округе Шайтановские юрты владели оз. Калмацким, Больше-Есаевские юрты – оз. Нагалым, в Каинском округе чойские татары считали своим оз. Убинское, Каргасы владели оз. Ягул и Медвежьим в Саянах [3, с. 64]. Коренные жители, в особенности татары, серьезно относились к своим правам на озера и хранили все жалованные документы с XVI в., передавая их из поколения в поколение.

Русское крестьянское население в основном пользовалось озерами, опираясь на право первого захвата. Например, Барабинские озера стали интенсивно заселяться крестьянами в конце XVIII в. исключительно из-за хорошей рыбной ловли. Так, с. Юдинское и д. Казачинская образовались в 1789 г., д. Яркульская – в 1791 г. В целом уже в 1822 г. в Юдинской волости насчитывалось 41 селение (деревень), которое так или иначе имело отношение к рыболовству [4, оп. 1, д. 48, л. 14]. В дальнейшем тенденция заселения крестьян при свободных озерах усилилась. Так, в 1883 г. было зафиксировано новое поселение при оз. Отрыгном Казанской волости, где крестьяне поселились из-за рыбной ловли, но налоги за пользование озером не платили [5, ф. 3, оп. 19, д. 791, л. 39об.]. В начале XX в. оз. Марко-Куль в Семипалатинской области стали осваивать крестьяне-переселенцы, заинтересованные в рыбной ловле [6, с. 143].

До 1822 г. наиболее крупные озера Западной Сибири находились в свободном пользовании крестьян и коренных жителей, пока местные власти не решили часть озер занести в казенные оброчные статьи. В 1822 г. генерал-губернатор П.М. Капцевич изъявил желание обложить крупные озера оброком, а на доходы построить сибирский университет. В оброчные статьи предполагалось включить оз. Чаны, Сумы, Молоки, Чебаклы, Абышкан, Салтаим, Тенис, Чевтагай, Убинское, Сартлан, Тандовское. Торги в 1823, 1824, 1825 гг. не состоялись из-за низких цен, предлагаемых за озера. Тогда генерал-губернатор заставил крестьян силой взять в аренду озера, за цену, превышающую предложенную на торгах. Самоуправство П.М. Капцевича было осуждено Сибирским комитетом, который в 1825 г., оставил озера в свободном пользовании крестьян, чтобы не подорвать их благосостояние и обеспечить прямые налоги в казну [3, с. 64-65]. Начиная с этого времени, казна стала постепенно снимать на план озера и заносить их в оброчные статьи. В 1827 г. были сняты на план часть Барабинских озер, таких как Абышканские, Молоки, Сумы, Чебаклы. В 1829 г. – оз. Убинское, в 1840 г. – оз. Яркуль и др. [3, с. 66].

Эта тенденция усилилась с середины XIX в., когда было отменено действие положения Сибирского комитета от 1825 г. и тем самым было разрешено вводить в оброчные статьи рыболовные озера [5, ф. 3, оп. 19, д. 544, л. 1-2]. Одной из причин такого изме-

нения был сильный интерес со стороны предпринимателей к аренде рыболовных озер. Так, за десять лет, с 1853 по 1864 г., было введено в оброк по Томской губернии 79 рыболовных статей, что позволило казне увеличить доход на 8425 руб. 54 коп., при этом планировалось дальнейшее снятие озер на план [5, ф. 3, оп. 19, д. 544, л. 25]. В 1845 г. в Тобольской губернии числилось 45 рыболовных статей [4, оп. 3, д. 3522, л. 399], а в 1858 г. – 270, из которых 201 было сдано в аренду на сумму 3182 руб. 95 коп. [4, оп. 3, д. 4066, л. 23об.]. Таким образом, в середине XIX в. казна ежегодно получала около 12 тыс. руб. дохода от сдачи в аренду рыболовных озер.

Доход от их аренды сильно колебался. Причиной этому было повсеместное высыхание и обмеление озер, которое прогрессировало во второй половине XIX в. Например, в 1855 г. озера Тарского и Ялуторовского округа остались без оброка. 17 озер Туринского округ также не были сданы [4, оп. 2, д. 2069, т. 2, л. 346-347]. Резко сократились цены на крупные озера. В 1872 г. за оз. Яркуль платили 205 руб., 1873 г. – 195 руб., в 1874 г. – 41 руб. [4, оп. 8, д. 12279, л. 3об.] Доход от рыболовства по Томской губернии составил 2302 руб., по Тобольской – 908 руб. 50 коп. [4, оп. 6, д. 9959, л. 2об., 6-9].

В конце XIX в. уровень озер начал постепенно расти, вместе с тем увеличивалась и продуктивность рыболовства, что привело к росту доходов казны от рыболовных статей. В 1913 г. в управлении Томской губернии насчитывалось уже 405 рыболовных оброчных статей, которые принесли доход в 37 489 руб. 25 коп. Из них 181 рыболовное озеро оценивалось на 35 548 руб. 50 коп. [5, ф. 240, оп. 1, д. 284, л. 144-152]. Львиную долю дохода приносили Барабинские озера. Так, Сартлан стоил 5 тыс. руб., Убинское – 2 тыс., Чаны – 24 тыс., Карганское – 2013 руб., Яркуль – 256 руб., Тандовское – 636 руб. – всего на сумму 33 905 руб. [5, ф. 240, оп. 1, д. 284, л. 144-152]. Рыболовные озера дали почти 95% дохода от всех рыболовных статей.

Очаги предпринимательского озерного рыболовства просматриваются на Барабинских озерах еще в конце XVIII в. По имеющимся сведениям в 1780-е гг. промысел рыбы на оз. Сартлан организовал тарский купец Набатов, который привез в село Таскаево

необходимый сетевой материал, но из-за нехватки рабочих рук промысел продолжался всего несколько лет. В 1820-е гг. промысел продолжил ишимский купец Мостовщиков, которым была организована скупка сушеной и замороженной рыбы для отправки на Ишимскую ярмарку [7, с. 10]. Рыболовный промысел на оз. Чаны быстро стал предпринимательским. К 1840-м гг. некоторые предприимчивые крестьяне организовали лов рыбы с использованием наемных работников [8, с. 55; 9, с. 97].

После занесения озер в казенные оброчные статьи за их пользование началась конкуренция между крестьянами и предпринимателями. Например, оз. Сартлан с 1857 до 1862 г. было арендовано купцом М.И. Акимовым за 240 руб. в год, с 1863 по 1869 г. озеро держали крестьяне Казанской волости за 749 руб. 50 коп., с 1870 по 1874 г. – купец И.Г. Бушуев за 750 руб., с 1884 по 1887 г. – крестьяне Монерков и Коновалов по 604 руб., с 1887 по 1890 г. – дворянин Дриго за 1225 руб. 25 коп., с 1890 по 1896 г. – каинские мещане Абрамов, Кудряшев, Ичетова за 1280 руб., с 1896 по 1899 г. – крестьянин Коновалов за 1715 руб. С 1899 по 1908 г. озеро находилось в пользовании у крестьян Таскаевского общества по 3000 руб. в год [10, с. 53-54].

За Казанскую часть оз. Чаны постоянно боролись крестьяне общества Казанской волости и предприниматели. С 1886 по 1889 г. озеро держал крестьянин Довгерда по 710 руб. в год, с 1889 по 1895 г. – крестьянин Сулей за 751 руб. 30 коп., в 1895 г. – крестьянин Коновалов за 2050 руб. С 1896 по 1903 г. озеро держало казанское волостное общество за 2000 руб., в 1903 и 1904 гг. озеро находилось в частном содержании у крестьян, а с 1905 по 1911 г. – у Казанского волостного общества [10, с. 53-54]. Такое же соперничество было за юдинскую часть Чанов, где за право аренды боролись крестьяне Юдинской волости и купцы-рыбопромышленники.

Что касается озер меньшего размера, то эти озера находились почти всегда в единоличном пользовании. Например, оз. Тандовское с 1889 по 1895 г. содержал крестьянин Шмаков, в 1895 г. – крестьянин Нечаев, с 1896 по 1902 г. – крестьянин Глазунин, с 1902 по 1905 г. – крестьянин Шмаков, с 1905 по 1908 г. – крестьянин Коновалов; оз. Тандовское с 1888 по 1891 г. держал крестьянин Палферов, с 1891 по 1899 г. – мещанин Иванов, 1899 по 1905 г. –

Карганское сельское общество, а с 1905 по 1911 г. – крестьянин Катаев [10, с. 53-54].

Помимо крупных Барабинских озер для предпринимателей большой интерес представляли еще казенные озера Тобольской губернии. В 1850-е гг. купец Я. Ершов арендовал 28 оброчных статей в Тарском и Тюменском округе за 442 руб. 85 коп., туринский купец В. Немков держал оз. Синтур в Туринском округе за 125 руб. в год., бухарец Кильметт Сеитов содержал в Тобольском, Туринском, Тарском и Тюменском округах 126 оброчных статей, в т.ч. 95 озер [11, с. 385]. В 1870-е гг. в Тобольском округе крестьянин Александр Петров за 27 руб. 10 коп. арендовал оз. Белое, Черное, Сетово, Сидорово, Кулиново, Глухое, Большой и Малый Башкуль; в этом же округе купец Васильев держал 5 озер за 53 руб., в Тарском округе купец Пановский держал оз. Силочи за 210 руб., крестьянин Тронихин 5 озер за 4 руб. 25 коп., крестьяне сел Знаменского и Кисилево содержали оз. Изюк за 127 руб. 50 коп, купец Дюдель арендовал оз. Дикое и Артевское за 5 и 220 руб. соответственно, крестьяне Мурзин и Занзин содержали оз. Аевское по 105 руб. [4, ф. 3, оп. 8, д. 12267, л. 5].

Эксплуатация арендованных озер осуществлялась на капиталистических началах. Хозяева получали доход не только со своего промысла, но и с допуска посторонних лиц к ловле рыбы. Например, купец М.И. Акимов за лов рыбы на оз. Сартлан брал плату деньгами или обязывал сдавать ему всю пойманную рыбу по специальной цене. За сажень невода или сети Акимов взимал 1-2 коп. в месяц, а за использование самоловов до 1,5 руб. [7, с. 21]. Крестьянин Красноусов в 1909-1910 гг. за право лова на Юдинской части Чанов собрал с рыбаков свыше 60 тыс. руб., причем годовая арендная плата равнялась 2352 руб. По такой же схеме арендатор оз. Тандовского Соколов за 1910-1911 гг. получил доход 4 тыс. руб. при затратах на аренду 636 руб. [10, с. 57].

С развитием капиталистических отношений на Барабинских озерах в начале XX в. произошло расслоение неводных артелей, где неводной промысел был сосредоточен в основном в руках прибрежного населения, из которого большинство было держателями более одного пая. При этом крупные барабинские озера находились в содержании крестьянских волостных обществ. Это повлияло на

то, что реальными арендаторами, например, казанской части Чанов, являлись непосредственно владельцы паев неводных артелей, а не официальное Казанское общество. Владельцы паев требовали от остальных селений своей волости плату за ловлю рыбы. Некоторые деревни и села в 1907 г. были обложены особым сбором за лов сетями и другими мелкими орудиями от 25 до 400 руб., а в частном порядке с сети взималось по 60-70 коп. и с удочки от 1,5 до 2 руб. в месяц [10, с. 48-49].

В неводном лове на Барабинских озерах в 1911-1912 гг. было задействовано 4449 чел., из которых 2361 чел., или 53%, приходилось на наемных рабочих [3, с. 72]. Общий объем добычи неводных артелей составлял 400 тыс. пудов на сумму 1 млн руб. Всего Барабинские рыбные озера непосредственно от промысла и косвенно прокармливали и давали заработок минимум 7 тыс. чел., а общая добыча товарной рыбы определяется в 600 тыс. пудов [10, с. 33].

Объектами предпринимательского интереса становились не только казенные оброчные статьи, но и озера, принадлежавшие крестьянам. В 1880-е гг. в Тюменском округе крестьяне д. Шешуковой сдавали 13 озер И. Шешукову за 150 руб. в год, с. Сазоновское сдавало оз. Дедушкино П. Велижанину за 35 руб. в год, оз. Прорва – Криводанову за 70 руб., д. Дубровная сдавала за 1900 руб. оз. Истомское и Якушкино, д. Пинжакова сдавала 5 озер крестьянину Чемагину за 150 руб. [3, с. 74].

На предпринимательской основе было поставлено рыболовство на озере Нор-Зайсан, которым владели сибирские казаки. В 1820-е гг. оз. Нор-Зайсан и устье реки Черного Иртыша стало объектом рыболовного промысла линейного казачьего войска, что впоследствии составило доходную статью казаков. В 1886 г. была образована «Бухтарминская» или «Зайсанско-Иртышская войсковая рыбалка», которая находилась в ведении казачьего смотрителя. За 1895 г. доход «Войсковой рыбалки» от выдачи билетов составил 6668 руб. [12, с. 146-147].

Озерная рыбопромышленность преобладала в средней и южной части Западной Сибири. Например, в Томской губернии в 1912 г., по официальным сведениям, из общего улова больше половины составляла озерная рыба [13, с. 215].

Доход казны от сдачи в аренду рыболовных озер в губернии постоянно увеличивался и вырос с 12 тыс. руб. в 1850-е гг. до 34 тыс. руб. в 1913 г. Развитие капиталистических отношений больше всего проявилось в Барабинском озерном районе, где в 1912 г. почти 2,4 тыс. чел., или 50%, являлись наемными рабочими. На их долю из общего неводного улова в 400 тыс. пудов приходилось приблизительно около 200, или 1/3, из всей товарной добычи района. Тем не менее в озерном рыболовстве превалировало мелкотоварное и домашнее производство, в котором преобладали крестьянские артели.

Список источников и литературы

1. Сибирская жизнь. 1900. 24 мая.
2. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. XXX, 988 стлб.
3. Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 62-81.
4. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО).
6. Сибирский Торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1910. 1320 с.
7. Дьяконов Д. Путевые заметки об озере Сартлан // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1885. Кн. 7. Вып. 2. С. 1-22.
8. Кузьмина Ф.С. Развитие товарно-денежных отношений в сибирской деревне в первой половине XIX в. (по материалам Каинского округа Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 47-57.
9. Малых А.А. Рыболовный промысел в государственной деревне Западной Сибири в 40-50-е годы XIX в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 76-106.
10. Скориков А.С. Озерное рыболовство в Барабинском районе // Материалы к познанию русского рыболовства Т. II. Вып. 8. СПб., 1913. 97 с.

11. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. 660 с.

12. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 г. Томск, 1898. 97 с.

13. Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914-1915 год. СПб., 1914. 268, 653 с.

М.В. Шиловский, доктор ист. наук, профессор
Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
istorik.novosib@gmail.com

БИЙСКИЕ КУПЦЫ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПО ИНФОРМАЦИИ Г.Н. ПОТАНИНА

Как известно, основные положения диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (2004) А.В. Старцев изложил в монографии, посвященной торговле российских предпринимателей в Монголии [1]. «Бийские купцы открыли и монополизировали торговлю с Монголией, – сделал он вывод в более поздней энциклопедической публикации, – годовой оборот которой составил в 1848 – 14 285 рублей серебром, в 1864 – около 18 тыс., 1875 – до 350 тыс., в 1912 – 1 874 602 руб.» [2, с. 80]. Поэтому в записке бийских предпринимателей И.П. Котельникова, Н.В. Иванова, Я.Е. Мокина и А.Д. Васенева министру финансов Н.Х. Бунге в феврале 1880 г. констатировалось, что в 1870 г. «по приглашению нашего правительства завязать торговые отношения в китайских пределах с городами Кобдо и Улясутаем бийские и семипалатинские купцы первыми снарядили несколько торговых караванов и во главе с консулом Павлиновым двинулись в г. Улясутай» [3, с. 418].

Среди многочисленных источников, использованных Александром Владимировичем, есть отсылки на свидетельства выдающегося ученого и общественного деятеля, идеолога сибирского об-

ластничества Г.Н. Потанина (1835-1920). Но они носят отрывочный характер, и в настоящей публикации ставится цель проанализировать информацию из писем Григория Николаевича разным лицам, написанным и отправленным во время его экспедиции в Западную Монголию и Туву в 1876-1877 и 1879 гг.

20 июля 1876 г. из Зайсана небольшой экспедиционный отряд в составе Г.Н. Потанина, его жены Александры Викторовны, специалиста по восточным языкам А.М. Позднеева, топографа П.А. Рафаилова с двумя казаками, охотника Коломийцева и орнитолога М.М. Березовского двинулся на территорию Китая. 11 октября они остановились на зимовку в г. Кобдо (Ховд). Сразу же Григорий Николаевич сообщил секретарю ИРГО И.И. Вильсону о первых итогах экспедиционных работ и контактах в городе с несколькими русскими купцами. В постскриптуме уведомил о знакомстве «с приказчиком бийского купца Гилева, Константином Ивановичем Кузнецовым, который охотно соглашается вести мне метеорологический журнал. Он почти безвыездно живет в Кобдо, ездит в Бийск только раз в два года, причем отлучается из Кобдо только на один зимний месяц... Термометр может быть выслан в Бийск на имя купца Мефодия Алексеевича Гилева» [4, с. 60-61].

Согласно информации А.В. Старцева, М.А. Гилев, 1838 года рождения, являлся бийским 2-й гильдии купцом, который со своим старшим братом первогильдейцем Василием стоял у истоков российской торговли в Западной Монголии. По возвращении из экспедиции 1877 г. Потанины две недели проживали в доме старшего Гилева, а в 1879 г. отсюда отправились в очередное путешествие [5, с. 155; 6].

15 октября 1876 г. мой герой информировал друга и сподвижника Н.М. Ядринцева о русских предпринимателях в Кобдо: «Бийская колония состоит здесь из приказчиков купца Гилева (главный Константин Иванович Кузнецов), купца Ивана Петровича Котельникова, купца-барнаульца Бодунова, приказчика купца Малькова и, наконец, торгующего крестьянина из дер. Уймон А. Ошлыкова. Самые бойкие из них Кузнецов и Котельников. Оба знают монгольский язык» [4, с. 62]. Из перечисленных лиц информация имеется на Г.Г. Бодунова, И.П. Котельникова и Андрея Трифоновича Ошлокова, 1862 года рождения, крестьянина Смоленской волости

Бийского округа, торговавшему по свидетельству 2-го разряда. В 1870-1880-х гг. «выезжал для торговли в Монголию... Кроме того, пригонял на продажу скот из Монголии» [7]. Григорий Григорьевич Бодунов (1844-1910), выходец из мещан г. Барнаула, первый раз оказался в Монголии в 1867 г. Доставлял сюда ткани, табак, металлические изделия и вывозил шерсть и шкурки сурка. «Легкие и относительно ценные меха перевозить было выгоднее, – пояснил В.П. Бойко и О.В. Овчинникова, – чем малоценные и тяжелые грузы, т.к. половину 500-верстного пути от Бийска до русско-китайской границы (населенный пункт Кош-Агач) нужно было везти груз во вьюках на лошадях, а дальше до г. Кобдо (800 верст) и Улясутая (1150 верст) на верблюдах, что значительно удорожало провозимые товары» [8, с. 106]. Иван Петрович Котельников (1834-1894), из мещан г. Ирбита, в 1866 г. открыл факторию в Кобдо и обменивал ткани, железные и медные изделия, муку, сухари на сурковые шкурки. Единственный из бийских купцов был членом ИРГО [9, с. 49].

«Что касается до торговли, – отметил Григорий Николаевич, – то наши пионеры с успехом соперничают с китайскими компаниями в эксплуатации монголов. Главная торговля заключается в выгоне из края скота. Из русских товаров прежде шли только плис, кожа и нанка для монголов. Ныне китайцы покупают всякую мелочь, но не потому, чтобы наши изделия в употребление, но как редкость [сувениры. – М.Ш.]. Покупают мелкие вещи компанейцы и чиновники для подарков своим родственникам в застенном Китае» [4, с. 63]. В целом, кобдинские торговцы «живут от Ирбитской до Ирбитской [ярмарки. – М.Ш.], когда вывозят свои сурки отсюда» [4, с. 63]. «Обрусение же идет туго, – продолжает он, – только железные печи, говорят, вошли здесь в обычай с тех пор, как поселились русские. Теперь в каждой комнате китайского дома есть железная печь. Стекло же плохо прививается... Завоеваниями русского духа можно назвать разве только обрусение китайской собачонки, которая каждую ночь приходит к нам в юрту спать» [4, с. 64].

Позже, 11 февраля 1877 г., следующим образом оценил торгово-промышленное состояние Западной Монголии в письме к Ядринцеву: «Угол кобдинский – это по отношению к Китайской им-

перии все равно, что Якутская область по отношению к Москве – самый дальний, самый неведомый угол. Цены здесь на все высокие, кроме немногих товаров, наиболее расходящихся: “толстый” [кирпичный. – М.Ш.] чай, сапоги. За остальное китайские купцы немилосердно дерут. Поэтому-то нигде русская торговля так не развилась как здесь... Один сбыт кож для Северо-Западной Монголии заслуживает внимания. Поэтому необходимо хлопотать об улучшении дороги по реке Чуе» [4, с. 76]. Таким образом, Г.Н. Потанин одним из первых высказался за проведение Чуйского тракта, в основном построенного в 1903 г.

После возвращения из экспедиции, в январе 1878 г. в Бийске Потанин познакомился с А.Ф. Морозовым, крупнейшим местным капиталистом, начавшим предпринимательскую деятельность торговыми операциями в Горном Алтае в 1860-1870-е гг. В письме к Н.М. Ядринцеву презентовал того как «грубо отесанного карыма, с щетинистой бородой, с лицом, напоминающим простоту верхней доски у щетки, которой чистят платье. Муж этот только что отстроил большой собор в Бийске [Успенский. – М.Ш.], и сумел пустить в народе слух, что выстроил он его за свой счет» [4, с. 113].

Подводя итоги колонизационных процессов в Азиатской России в XIX в., в письме к Ядринцеву от 28 июня 1878 г. Потанин среди прочих значимых позитивных процессов (экспедиция Н. Норденшельда, занятие Амура, сибирский университет и т.д.) называет и «русских приказчиков в городах Монголии» [4, с. 139]. Вместе с тем, отправляясь в Туву 26 мая 1879 г. из Кош-Агача, он обращается к западносибирскому генерал-губернатору Н.Г. Казнакову с призывом обратить внимание российских властей на ситуацию в Горном Алтае: «Этот отдаленный край нуждается в особенном внимании Вашего превосходительства. Край этот, во-первых, пограничный: вместе с Кяхтой и Благовещенском он один из тех мест, к которым близко подходят китайские административно-торговые пункты (Урга, Амгунь, Кобдо), поэтому нужно бы, чтобы здесь русские порядки не были способны ронять репутацию русской администрации. Кроме того, Чуйская долина начинает приобретать важность вследствие учащающихся и усиливающихся торговых сношений. Между тем наши чуйские порядки представляют ряд купеческих безобразий» [4, с. 156]. Далее перечисляются факты

коррупции и злоупотреблений купцов Щетинина, Гилевых, Ошлыкова.

Уже в начале XX в. Г.Н. Потанин, характеризуя Бийск среди других крупных городов Сибири, отметил роль в его развитии купцов-«чуйцев»: «Торговля эта выгодна, и бийские купцы, ведущие ее и известные в Бийске под именем «чуйцев», занимают в этом городе самое выдающееся положение... Но так как эти «чуйцы» по большей части разбогатевшие приказчики, люди, не компетентные в педагогическом деле, то они ограничиваются только тем, что жертвуют, не вмешиваясь в жизнь созданных на их деньги учреждений. А между тем такие города, как Бийск..., могли бы для монголов иметь роль “окон в Европу”» [10, с. 255-256].

Уже в конце долгого и трудного жизненного пути, в 1902-1915 гг., из Томска через Бийск Григорий Николаевич каждое лето выезжал в Чемал, Элекмонар, Анос, продолжая обработку экспедиционных материалов и текущей информации, в т.ч. относительно перспектив развития торговых связей с Монголией. Последняя по времени выхода его публикация на сей счет увидела свет в 1916 г. [11]. А всего, по далеко не полному указателю сочинений Г.Н. Потанина, выявленных А.А. Грумм-Гржимайло и Л.А. Смоляниновой, из 1552 учтенных ими произведений за 1856-1919 гг. проблеме русско-монгольских отношений (в т.ч. вкладу жителей Бийска) посвящено 22 статьи, очерка, корреспонденции, заметки, фрагмента из путевых дневников, отчетов и т.п. [12].

Список источников и литературы

1. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (второй половины XIX – начала XX в.). Барнаул, 2003. 358 с.
2. Старцев А.В. Бийск // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. С. 80.
3. Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.: Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2014. 624 с.
4. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. Иркутск: Изд-во Иркутск. унта, 1989. 296 с.

5. Старцев А.В. Гилевы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. С. 155.

6. Шиловский М.В. Г.Н. Потанин в Бийске и Горном Алтае в 1870-е гг. // Горный Алтай. Исторический сборник. Горно-Алтайск – Бийск, 2007. Вып. 7. С. 107-112.

7. Старцев А.В. Ошлоков Андрей Трифонович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. С. 129.

8. Бойко В.П., Богданова О.В. Бийские купцы и местная архитектура // Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество. XVII – начало XX века. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2011. С. 101-116.

9. Бойко В.П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX века // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVII-XX вв.: сб. ст. и мат-лов. Томск: Изд-во ТГУ, 1999 С. 46-55.

10. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234-259.

11. Потанин Г.Н. Монголия // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 26. Пг., 1916. С. 215-240.

А.П. Ярков, доктор ист. наук, профессор
Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
ayarkov@rambler.ru

КУДА И КАК ИДТИ В РАЗРАБОТКАХ ПОЛОЖЕНИЙ А.В. СТАРЦЕВА?

История предпринимательства – одна из тем исследований А.В. Старцева. Им подмечено, что удельный вес мусульман среди 6,7 тыс. сибирских купцов (пример, взят по 1851 г.) был невысок, а со временем ещё уменьшился. Это подтолкнуло к теме изучения экономической культуры, сконцентрировавшись на «мусульманском аспекте» [1, с. 27]. Возникла коллизия: догматика поощряла

предприимчивость, но местные мусульмане ею не отличались. В чём причина?

Догматика отражала обстоятельства рождения ислама на Ближнем Востоке при переходе от кочевничества к земледелию. Трактовка положения Корана, что всё принадлежит Аллаху и что верховное обладание передано Богом тени его на земле («Земля во власти Аллаха; Он отдаёт её в наследие тем из рабов своих, которым хочет»), закрепляла право частной собственности на землю, «избранность» её владельцев.

И если в других регионах возникала земельная проблема и необходимость поиска социальных и экономических «ниш» для трудоизбыточного населения, то в Сибири институт владения землёй даже в мифотворчестве жителей не имел сходства с ближневосточной моделью. Здесь был избыток природных ресурсов, превышавших потребности. К тому же традиционное хозяйство было комплексным, а ремесло – домашним. Ясак, а не закят являлся свидетельством принадлежности сибиряков к сообществу. А шариат не имел тех возможностей применения, как на Ближнем и Среднем Востоке, заменяясь (и значительно) обычным правом.

Инновации связаны с пришедшими караванами из Поволжья, Руси и Центральной Азии уже в XII-XIII вв. Между тем в Исторической энциклопедии Сибири (ИЭС) изложено мнение, что «в Сибири купечество начало формироваться на рубеже XVII-XVIII вв.» [2, с. 235], очевидно, предполагая «русское влияние». Утверждение ИЭС ошибочно, отражая евроцентристскую концепцию освоения. Она так же заводит в тупик, как и китаецентристская или исламоцентристская модели.

Международная торговля стала слабнуть в 1340-х гг. под влиянием политических (походы завоевателей) и эпидемиологических (чума) факторов. Редкие (отныне) караваны, например, из мусульманских стран, не привели к широкому заимствованию принятой там модели.

По включению сибирских территорий в систему подчинения Москве местные жители осознали, что русские и их союзники действуют не только методами войны: они имеют социально-экономический опыт нейтрализации явных или потенциальных врагов. При этом отношение к мусульманам, исходя из господ-

ствующей идеологии, было настороженным. Так, царь Фёдор Иоаннович тюменскому воеводе приказал осуществлять надзор над купцами и ремесленниками, прибывавшими из Бухары и Ногайской Орды [3, с. 150].

Предприимчивость и внедрение инновационных технологий пришлых, с одной стороны, была важна – как пример для их сибирских единоверцев, с другой стороны, настораживала местную власть и православных иерархов. Поощряя экономические связи, предполагалось не только установить надзор за контактами бухарцев и ногайцев с коренным населением, но и сообщать о результатах контроля в Москву. Внутренняя и внешняя политика государства напрямую связаны со стратегическим положением Сибири: через неё осуществлялась торговля России с азиатскими странами. Стабильность требовала осторожности. Об этом говорилось в царской грамоте тарскому воеводе Ф.Б. Елецкому 1596 г.: «...никаких таможенных пошлин с них имети не велели и береженье и ласку к ним держали великую» [4, с. 24].

Принявшие подданство России бухарцы перемещались по Евразии, добирались до Китая, Астрахани и Архангельска, попутно обеспечивая духовные потребности единоверцев и расширяя формы диалога культур и цивилизаций. В 1600 г. тюменский воевода Л.О. Щербатый даже писал о бухарцах уфимскому наместнику: «...а я, господине, позволил ездити в Уфу и в Уфинский уезд в волости со всяким товаром» [5, с. 74].

Бухарский «след» обнаружили лингвисты в лексике эвенков, долган и др. Неизвестно о купцах на Ямале, но там найдена монета в два курулуша, отчеканенная в период правления османского султана Мухаммеда (Мехмеда) IV (1623-1640). Предметы с арабскими и персидскими надписями обнаружены на капищах, где происходили шаманские камлания [6, с. 83]. Впрочем, попасть они туда могли в результате сложного обмена. Иногда это рождало парафраз символов – обнаружен на ненецком халмере медный складень с орнаментом «под арабские графемы». Куда как лучше это демонстрирует ремесленные заимствования – первый уровень диалога культур.

В Тюмени, Таре, Кузнецке, Томске и др. основаны бухарские слободы, где среди бухарцев селились и сибиряки-мусульмане. Там

формировались цеховые структуры (кожевенников, ковровщиков и т.д.) и династии.

Экономика, политика, религия, нравственность – взаимосвязанные сферы (формы) культуры. Поэтому ментально-психологический «портрет» предпринимателя важно написать, используя всю «палитру», а не монохром. Купец и ремесленник значительно лучше (чем власть) знали потребности населения, но подчинялись установкам. Как правило, купец-бухарец был аполитичен, но иногда выполнял и разведывательные поручения российских властей в дальних краях.

Предпринимательство не имело этноконфессионального «окраса» (товары «для всех»), но существовали предпочтения (ритуальные предметы), ограничения (на работу в праздники), пищевые запреты. У предпринимателей же появились возможности соблюдать столпы ислама. В условиях Сибири закят не имел фиксированного (расчётного) размера и определялся добровольно. Поэтому большое значение имел личный фактор и предпринимательская активность прихожан. Сформировались формы передачи в вакуф недвижимости и финансов. Мифы о «Священной Мекке» сменились рассказами хаджи. Имена легендарных правителей и шейхов (Багауддина, Кучума и др.) дополнились современниками – предпринимателями, часть прибыли направлявших единоверцам. У тех, в свою очередь, на смену фатализму пришла уверенность в собственных силах. Ведь рядом – пример успешности, не противоречащей образу идеального мусульманина.

В статье доходов имамов значились неоднозначные формулировки: «содержания ни от казны, ни от прихожан не имеет», «содержится на пожертвования прихожан», «пособия никакого не получает» [7, л. 31-33]. Очевидно, что всё-таки финансовая подпитка существовала, в т.ч. от купцов и ремесленников. Им были уже не только бухарцы и ташкентцы. Пример – родоначальник семьи сибирских татар Амировых – казах Кудайберди, выкупленный тарским бухарцем-муллою из джунгарского плена [8, с. 32]. Сибиряк С. Уркин, в XVIII в. торговавший с Китаем, – из казанских татар [9, л. 978].

Купцов (как и служилых татар), клявшихся на Коране «исправлять честно службу», выбирали в таможенные головы и целовальников (ответственных за отпуск вина) [10, с. 95]. Религиозные

запреты на спиртное и «брать деньги в рост» использовались и компаньонами. При этом знающие понимали, что для иных мусульман клятва «иноверцу» не считалась «настоящей».

Сама «этническая экономика» есть результат социального конструирования, инструмент стратификации и противопоставления «чужим» – в этноконфессиональном плане. Другой вопрос, что уже не все купцы и владельцы производств оставались «своими» для уммы – по статусу, ментальным особенностям, культурным установкам: «Ценностями торговой цивилизации выступают либерал-демократия, права человека, индивидуализм, предприимчивость, рынок, конкуренция, частная собственность, посредничество, изворотливость. К ценностям земельной цивилизации относятся коллективизм, традиционализм, патернализм, этатизм, нетерпимость к посредничеству, изворотливости и спекуляции» [11, с. 52].

Самая большая прослойка предпринимателей была в Тобольской губернии. Однако «купцов из туземцев было очень мало, да и то, в основном, татары и бухарцы».

Деятельность большинства не выходила за пределы мелкоотварного оборота. Но уже формировались и крупные фирмы, например, «Валики Ильчигуловы наследники», иркутско-читинского клана Шафигуллиных.

Существовали региональные особенности. Лишь 0,87% мусульман Бурятии были купцами (из них половина – 15 чел. – в Верхнеудинске, а это 6,2% городских предпринимателей). Если в первой половине XIX в. в Томске выделялись Вахитовы, то в конце века среди 89 купцов там не было ни одного мусульманина [12, с. 150]. Объяснение – предприимчивые переезжали в села, уходя от конкуренции с европейцами, но расширяя сферу притязаний в «своей» среде, например, в переработке сырья или в продаже «религиозного» товара. Проникали купцы и к северным рыбакам, охотникам, сборщикам дикоросов. Миссионерствовали ли они попутно? – неизвестно...

Горожане не чурались общественной деятельности, выступая благотворителями, а Г. Мансурова даже избрали гласным Омской городской Думы и председателем – в Попечении об учащихся мектебе. Не был в стороне и известный благотворительностью тор-

говый дом «Братья Агафуровы», имевший филиалы в Сибири [13, с. 275].

Замечено по Тобольску в 1901 г., что иные купцы «не сочли нужным научиться русской грамоте», хотя на татарском языке читают. Соответственно, им «недоступны правительственные распоряжения, касающиеся их быта».

Напротив, предприниматели Петропавловска и Иркутска настаивали на обучении детей русскому языку, предвидя новые экономические отношения. Торговые дома, ремесленные и заводские производства, железнодорожный и водный транспорт становились полиэтноконфессиональными, согласуясь в режиме с временем молитв и праздников. Для хозяев и наёмных руководителей важнее были знания и сноровка, нежели происхождение работников. Поэтому затруднительно вычленил «чистый» объём капитала мусульман (в 1898 г. в Томске насчитывалось 1063 торгово-промышленных заведения с оборотом в 27 млн руб., в Тюмени – 530 – с 17 млн руб.), хотя наличие там «исламской составной» очевидно.

Предприниматели сохранили религиозные постулаты, но и приспособивались к правилам, распространенным в стране. Примечательно участие сибиряков в работе биржи на Макарьевской ярмарке [15, с. 46].

А вот финансовая система отличалась спецификой: при наличии собственности у мусульман, банки не должны применять договора залога, поскольку право собственности – залог по определению [14, с. 48]. Они не занимались ростовщичеством, но получение кредитов не возбранялось, а для привлечения мусульман с 1899 г. по сберкассам рассылались специальные брошюры на татарском и казахском языках. Тем более, что в том же году появилась фетва М. Абдо, разъяснившая, что получение кредита на вклады не «тождественно греховному ростовщичество» [16, с. 61].

Известна династия купцов и меценатов из ю. Ембаевских Кармшаковых-Сайдуковых (Сейдуковых), где выделялись братья Нигматулла, Рахматулла, Хабибулла, сыгравшие важную роль в развитии экономики и культуры. Характерна деятельность Н. Сайдукова в учётно-ссудном комитете отделения Государственного банка в Тобольской губернии. В 1897 г. управляющий отделением

Н.Н. Седов дал ему характеристику: «...человек в крае пользующийся общим уважением среди своих единоверцев и русского купечества, знает край хорошо и ведёт большие торговые дела при значительном капитале... положительно для нас необходим, так как никто кроме его не знает так хорошо состояния и дела... бухарцев. Личность вполне порядочная и известная во всем округе по своей честности и добросовестности. В случае его неутверждения я буду поставлен в безвыходное положение относительно оценки векселей и кредитоспособности многих тюменских бухарцев». В разные годы в состав Тобольского и Тюменского комитетов входили также Т.С. Айтмухаметов, М.-А.А. Мирсалимов, А.-К.М. Муртазин, М.С. Ченбаев [17, с. 148, 154].

Оставаясь бережливыми и расчетливыми, Сайдуковы не приетствовали иждивенчества некоторых единоверцев, но благодаря им новый импульс получило Ембаевское медресе («Магометанское духовное училище»), куда для 10-15 шакирдов (запроектированная вместимость) приглашались лучшие преподаватели, такие как просветитель и поэт, сибирский татарин из потомков шейхов М. Юмачиков. Поэт не только прославил благотворителей – братьев Сайдуковых, но и в баите об Ирбитской ярмарке осуждал антиобщественное поведение купцов из числа единоверцев. При поддержке Сайдуковых из Казани приехал Х. Бурундуков, руководивший медресе в 1883-1890-е гг.

С помощью Сайдуковых сибиряки стали обладателями священной реликвии – волоса пророка Мухаммада (му-имубарак). Они же оказали финансовую поддержку в получения образования талантливому молодому людям, а с Ю. Сагитовым (в последующем руководителем Ембаевского медресе и ахуном мечети) и породнились [18, с. 6].

Приобретая на ярмарках и в магазинах в Казани, Уфе, Ирбите, Троицке, Москве, Константинополе, Бухаре, Ташкенте книги и манускрипты религиозного и светского характера на арабском, фарси, тюрки, Сайдуковы способствовали укреплению традиций книжной культуры и норм литературного языка. Братья-меценаты заложили основу первой в регионе татарской библиотеки (с 1888 г.), насчитывавшей 2200 книг и рукописей [19, с. 41]. Ситуация в Ембаевском медресе благоприятствовала развитию богослужебной функ-

ции татарского языка, и, как считал Р. Фахретдин, там одним из первых введен звуковой метод обучения [20, с. 196]. Шакирды становились квалифицированными имамами, а обогащенная ими во время обучения лексика отразилась в арабизмах и фарсизмах быденной речи уже их воспитанников.

Многие из состоятельных людей сами прославились как знатоки. Например, главный спонсор строительства 1-й семипалатинской мечети Шафи Бай был не только богатейшим человеком, но и прекрасным знатоком права. Он являлся постоянным участником собраний (меджлис) улемов, где принимал участие в религиозных диспутах.

Высокий авторитет предпринимательской элиты способствовал укреплению в массах религиозной идентичности. Благодаря поддержке увеличилось и число улемов, готовых теоретически отстаивать вероучение. Например, Х. Ярми учился в медресе Стерлитамака (Башкирия) и Мечкере (Татарстан), а по возвращении служил имамом в родном Кырынке, где к тому времени его воспитатель Н. Сайдуков построил мечеть [21, с. 52].

Отражая общую тенденцию в бизнесе, Ш. Шафигуллин являлся членом иркутского городского раскладочного по промысловому налогу присутствия; комиссии по разработке вопроса об упорядочении дел эксплуатации домов Самсоновых; учётного комитета банка Е. Медведниковой; биржевого комитета по делам несостоятельных должников, не оставляя благотворительности.

В стремлении утвердить приоритеты Тюменская городская Дума 11.04.1907 запретила мусульманам торговать в православные праздники. В 1910 г. отменён ясак для всех, плативших его ранее, и введён единый денежный налог. В ответ на давление господствующей идеологии обозначилось общественное брожение [22, с. 271]. Между тем в умме укрепился (во многом благодаря предпринимателям) джадидизм – движение модернизации, в начале XX в. уже господствуя в жизни элиты.

Таким образом, дореволюционная эволюция экономической культуры мусульман Сибири отражала их мировоззренческие ориентиры. И они были связаны с общероссийскими и мировыми тенденциями.

Список источников и литературы

1. Ярков А.П. Экономическая культура мусульман Азиатской части России в панораме веков и обстоятельств // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2018. С. 26-32.
2. ИЭС: в 3 т. Т. 2. Новосибирск, 2009. 807 с.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1941.
4. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. Ташкент, 1983. 44 с.
5. Башкирский край: сб. ст. Вып. 7. Уфа, 1997. С. 86-85.
6. Малоземова О.В. Торговля Руси с «Югрой и Самоядью»: исторические мифы и археологическая реальность // Россия и Восток: археология и этническая история: мат-лы IV междунар. науч. конф-ции «"Россия и Восток": проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 81-84.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1557.
8. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803.
10. Большая Тюменская энциклопедия: в 3 т. Т. 3. Тюмень, 2004.
11. Безбородов В.П. Две концепции модернизации России // Права и свободы человека: теория, история и практика (к 20-летию отмены статьи 6 Конституции СССР): мат-лы Всерос. науч. конф-ции / отв. ред. С.А. Величко. Омск, 2010. С. 50-54.
12. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2011.
13. Казакова-Апкеримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (во второй половине XIX – начале XX в.). Екатеринбург, 2008.
14. Вычугжанин А.Л. Мусульмане в банковских операциях Тобольской губернии // Сулеймановские чтения: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф-ции. Тюмень, 2012. С. 46-50.
15. Ислам на Нижегородчине: энцикл. словарь / колл. авт., сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2007.

16. Милославская Т.А., Милославский Г.В. Некоторые вопросы теории и практики финансово-экономической деятельности // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: сб. ст. М., 1985. С. 60-63.

17. Вычугжанин А.Л., Отрадных О.А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень, 2004.

18. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Информ. справочник / авт.-сост. К.Б. Кабдулвахитов. Тюмень, 2011. 120 с.

19. Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013. 264 с.

20. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. 208 с.

21. Гарифуллин И.Б., Ярков А.П. Сын муллы Хамит Ярми // Мир национальностей. 2003. С. 50-53.

22. Шершнева Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской Православной Церковью в XX в. на Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. Вып. IV / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2010. С. 269-271.

СЕКЦИЯ «СИБИРЬ И ВОСТОК: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

В.А. Василенко, канд. ист. наук
Иркутский филиал Всероссийского государственного
института кинематографии (г. Иркутск)
vgikinfo3000@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ РУССКОЙ ВЛАСТИ В ТУВЕ 1914-1917 ГГ.: К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-514-94002.

В 1914 г. Урянхайский край был принят под протекторат Российской империи. С этого времени начинается новый этап в развитии российско-тувинских отношений. Основной целью российского правительства было включение края в единое экономическое и политико-правовое пространство. Время с 1914 по 1917 г. является важным периодом развития российско-тувинских отношений в условиях действующего протектората. В настоящей статье приведена характеристика действий русской власти в крае, дано описание факторов, осложняющих становление режима протектората в Танну-Урянхайском крае в первые годы его существования.

Активную политику по усилению политического влияния в Урянхайском крае российское правительство начинает проводить в конце 1911 г. По результатам Особого Совещания Совета Министров в ноябре 1911 г. было принято решение ввести должность пограничного комиссара. «Комиссар по делам Урянхайского края является главным местным в Усинском округе и Урянхайском крае представителем Правительства. Ему принадлежит руководство и надзор за деятельностью всех лиц, входящих в состав управления данной местности» [4, с. 105]. Первым пограничным комиссаром края стал чиновник особых поручений А.П. Церерин.

Одновременно с учрежденным Пограничным комиссариатом начало свою работу Переселенческое управление, которое возглавлял заведующий русской переселенческой организацией В.К. Габа-

ев. На Переселенческое управление были возложены важнейшие задачи по содействию устройству русского населения в крае, включая устройство промышленных артелей, сельскохозяйственных предприятий, постройку общественных зданий и церквей [4, с. 60]. Переселенческий чиновник получал хорошее финансирование от Главного управления земледелия и землеустройства, постоянно, в отличие от комиссара, проживал в Туве, где развернул энергичную деятельность. Часто действия В.К. Габаева выходили за рамки его полномочий, предписываемых инструкциями: он захватывал земли у тувинцев, посягал также на земли главы Урянхай – амбын-нойона, забирал земельные отводы русских старожилов и отдавал их новоселам [3, с. 324-332]. Вскоре начались конфликты между двумя представителями русской власти в крае, что не могло не отразиться на общем характере проводимой политики [6, л. 92].

Разногласия в действиях двух русских чиновников не носили частный характер, а явились отражением мнений руководства Министерства внутренних дел и Главного управления землеустройством и земледелием. Представители первого ведомства выступали за осторожное проведение политики по освоению Урянхайского края. Руководство Управления землеустройством, напротив, стремилось форсировать заселение края русскими, развить и укрепить институты русской власти в крае как можно быстрее. По замечанию С.С. Ховалыг, В.В. Алексеева, в немалой степени противоречия проистекали из-за недостаточной проработки правовой базы управления краем [7, с. 63-65]. В итоге и В.К. Габаев, и А.П. Церерин были сняты со своих должностей. Место пограничного комиссара занял чиновник переселенческого управления В.Ю. Григорьев, а обязанности заведующего русскими поселениями стал исполнять М.Я. Шкунов. После смены чиновников в крае вышестоящие ведомства стали работать согласованно.

Одним из приоритетных вопросов, возложенных на пограничный комиссариат и переселенческое управление в период с 1914-1917 гг., было развитие и поддержание русской торговли в крае. До 1903 г. въезд на территорию Урянхай китайским торговцам был запрещен, что стало большим преимуществом для развития русской торговли. Пекинский договор 1860 г. и «Правила сухопутной

торговли» 1862 г. создали выгодные условия для развития русского торгово-промышленного капитала в Туве. Внутриполитический и экономический кризис в Цинской империи вынудил правительство пойти на уступки. Постепенно на Кемчике и Чаа-холье стали открываться торговые китайские фактории, которые в скором времени потеснили русских. Основными причинами этому стала дешевизна и более высокое качество китайских мануфактурных товаров. Проценты по кредитам были очень высокими, а взывание долгов проходило с особой жестокостью. По замечанию В.И. Дулова, «тувинец мог уклониться от платы долгов русскому, и многие долги тувинцев пропадали, но тувинец не мог избежать уплаты долга китайскому купцу» [3, с. 419]. Синьхайская революция и объявление Халха-Монголии оказали большое влияние на тувинцев, и в январе 1912 г. китайские торговцы были изгнаны с Урянхай. После этого русская торговля приобретает полномасштабный характер. К 1915 г. в Кемчике из 86 русских факторий 42 занимались торговлей [3, с. 432]. В развитии русской торговли чиновник особых поручений Главного управления землеустройством и земледелием Н.В. Терентьев выделял следующие моменты: низкое качество русской ткани (далимбы), домашней утвари. По этой причине тувинцы стараются получать китайский товар через Монголию [6, л. 54]. Чиновник также сообщал о крайней недобросовестности некоторых русских торговцев, которые часто обманывали и обвешивали местного потребителя, завышали цены на товар. Переселенческая организация пыталась выровнять ситуацию через устройство особого склада по продаже сельскохозяйственных орудий и товаров. На этом складе товары отпускались по сравнительно низким ценам как для русского и тувинского населения. Однако данная мера не смогла справиться с ситуацией [3, с. 433].

Большую роль в освоении края русскими поселенцами играла золотодобыча и золотопромышленность. Золотодобычей в рассматриваемый период занимались Черневич, Сафьянов, Леонов, Железнова, Скобеев и др. По свидетельству комиссара по делам Урянхайского края В.Ю. Григорьева, большинство сведений о развитии торговли и золотодобычи были приблизительными. В особенности искажались цифры по объему добытого золота в год. Так, за 1915 г. золота было добыто, по официальным данным, 6 пудов.

«На самом деле, – пишет комиссар, – золота добыто пудов 20, кои и проданы самими золотопромышленниками, не считая золота, утаенного рабочими. Весьма вероятно, ... часть золота и даже золота, попавшего в руки золотопромышленников, ушла за монгольскую границу» [2, д. 140, л. 83].

Как видно из сказанного, торговля с Монголией, которая носила зачастую нелегальный и полунелегальный характер, была выгодной как русским промышленникам, сбывающим золото, так и местному населению, которые предпочитали покупать китайский и другой товар через Халху [2, д. 138, л. 4].

С началом Первой мировой войны ситуация в Туве осложнилась. По словам Иркутского генерал-губернатора А. Пильца, «всеобщая дороговизна, связанная с обстоятельствами военного времени, осложненная еще беззастенчивой спекуляцией местных торговцев и скотопромышленников, также отразилась на населении Урянхайского края» [2, д. 130, л. 1]. В этот период вышестоящее руководство задерживало распоряжения по дальнейшему развитию русской колонизации края, и местные власти находились в затруднительном положении. Пограничный комиссар Григорьев в ноябре 1916 г. в письме к г.-г. Пильцу отмечал: «...в настоящее время Урянхайский край устраивается на весьма неопределенных и шатких основаниях», во многом объясняя это нехваткой штатных единиц в комиссариате и слабым финансированием [2, д. 140, л. 83].

Одним из сюжетов, связанных с деятельностью русской администрации в крае в рассматриваемый период, стала организация ветеринарной станции в устье р. Ус. Задачи по обслуживанию станции и строительству дезинфекционной камеры были возложены на частное лицо, Староградского. В течение 12 лет он обязан был содержать камеру, после чего она должна была поступить в собственность казны. Функционирование станции подробно описал общественно-политический деятель И.Г. Сафьянов в статье «Путь закрыт».

До строительства станции дезинфекция проводилась в казенном помещении в пустой комнате. «Насколько выгодно это для г. арендатора, можно судить по одному тому, что он собирает за дезинфекцию половинную плату... и с постройкой камеры, конечно, не торопится». [5, с. 4]. Сама «импровизированная камера» не

отвечала требованиям санитарии. По существу, весь товар должен был перевозиться через нее. Кроме того, за аренду помещения также полагалась оплата: за скотскую и конскую кожу по 18 коп., а за овечью – 5 коп. Пропуск всего пушного товара и шкур через станцию на р. Ус увеличивал для некоторых предпринимателей и расстояние, которые они были вынуждены преодолевать при перевозке товара, от 400 до 800 верст. «На каждом шагу ставятся всякие препятствия... наконец, хотят, чтобы все сырье, собранное в Урянхае, а в будущем и миллионы пудов шерсти из Монголии сваливались на устье Уса, где и будет все это лежать целые месяцы под дождем и солнцем, ожидать очереди попасть в импровизированную камеру... Как подумаешь обо всем об этом, то невольно скажешь, что путь действительно закрыт... для всего, что дает возможность нам выйти на путь широкого прогресса!» [5, с. 5-6].

Кроме указанных проблем, к организации и устройству ветеринарной станции добавились политические: на должность зоотехника станции был назначен иностранец, житель Германии Петр Мартинович Вейгель. Присутствие иностранного лица на территории края, находящегося на службе у русских властей, было встречено иркутским генерал-губернатором с большим недовольством [1, с. 647]. Данный вопрос русское Пограничное управление в крае держало на особом контроле.

Круг проблем, с которыми сталкивалась русская администрации в крае, на этом не был исчерпывающим. Большие сложности возникали также при оказании агрономической помощи населению. Так, планировалось создание образцового молочного хозяйства, но последнее осуществлено не было [3, с. 346].

После февральской революции 1917 г. Временное правительство стало преемником сложившейся системы управления Тувой в рамках протектората. В этот период управление было возложено на уполномоченного комиссара по делам Урянхайского края. Было организовано краевое земство, разрабатывались проекты законов о местном самоуправлении для тувинского населения с учетом традиционной системы организации управленческого аппарата, культурных традиций и правовых обычаев. В период действия Временного Сибирского правительства полномочия комиссара были расширены. С победой большевиков в Гражданской войне Тува взяла курс на обретение собственного суверенитета, что завершилось

провозглашением в 1921 г. независимой Тувинской Народной Республики.

Итак, трудности в работе российских чиновников в первые годы существования протектората были обусловлены рядом причин: несогласованной политикой вышестоящих ведомств, незнанием специфики русской колонизации в крае чиновниками переселенческого управления, отсутствием должного материального обеспечения в период Первой мировой войны. Во избежание осложнений отношений с Китаем и Монголией по «урянской проблеме», местное правительство вынуждено было действовать крайне осторожно. Помимо объективных факторов, оказывающих влияние на особенности освоения края русскими, существовали и субъективные: личные отношения между пограничным комиссаром и переселенческим начальником в 1913-1914 гг., наличием коррупции и спекуляции. Несмотря на описанные сложности и неурядицы, существующие в первые годы российского протектората над Тувой, русская колонизация имела большое значение для развития экономики и становления социально-культурных институтов, что создало благоприятную почву для дальнейшего сближения русского и тувинского народов.

Список источников и литературы

1. Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств // Вестник РУДН. 2017. Т. 16. № 4. С. 641-655.
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26.
3. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). Кызыл – Иркутск, 2013. 499 с.
4. На перекрестке времени: сборник документов // Государственный архив Республики Тыва. Бм., 2014. 479 с.
5. Минусинский листок. 1915. 8 февр. № 51.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 383. Д. 1593.
7. Ховалыг С.С., Алексеев В.В. Тува под российским протекторатом (1914-1919 гг.): забытая страница отечественной истории (1914-1919) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2014. № 3 (83). С. 62-68.

Т.Л. Гурулева, доктор пед. наук, доцент
Военный университет МО РФ (г. Москва)
gurulevatatiana@mail.ru

МЕТОДЫ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПРОСТРАНСТВУ КНР

Согласно данным Министерства образования КНР, опубликованным в апреле 2019 г., в Китае в 2018 г. обучалось 492 185 человек из 196 стран и регионов мира. По количеству студентов, обучающихся в Китае, Россия занимает 6-е место (19 239 чел.), уступая Республике Корея (50 600 чел.), Тайланду (28 608 чел.), Пакистану (28 023 чел.), Индии (23 198 чел.) и США (20 996 чел.) [1].

К 2020 г. Россия и Китай планируют довести обмен студентами до 100 000 человек. Российские и китайские студенты выезжают в Китай и Россию как для обучения по совместным образовательным программам [2], так и для обучения в совместных и сетевых университетах [3]. Кроме того, все большую популярность приобретает обучение в сезонных языковых школах, а также самостоятельная студенческая мобильность. Исходя из этого, методы обучения и социокультурной адаптации студентов в странах-партнерах с учетом типологических различий китайского и русского языков и языковых личностей вызывают все большую заинтересованность специалистов [4, 5, 6].

Что касается обучения российских студентов китайскому языку, то в рамках межкультурного подхода модель соизучения языка и культуры впервые была разработана в 2009-2010 гг., ее целью было формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в условиях одновременного взаимодействия с представителями китайской и англоязычной культур [7, 8]. Модель была апробирована в условиях международного поликультурного образовательного региона [9]. Апробация разработанной модели в КНР позволила выявить методы адаптации российских студентов к образовательному и социокультурному пространству Китая, используемые китайскими коллегами, которые в дальнейшем были нами проанализированы и классифицированы.

Проблема социализации и инкультурации разрабатывалась отечественными и зарубежными исследователями [10, 11, 12, 13, 14]. В процессе социализации и инкультурации в ином социокультурном пространстве происходят процессы иносоциализации и аккультурации. При исключении негативных форм этих процессов, таких как ассимиляция, сепарация или маргинализация, личность в процессе своего позитивного развития проходит в процессах социализации и аккультурации три последовательные стадии: адаптацию, индивидуализацию и интеграцию.

Адаптация является первой стадией процессов социализации и инкультурации, в процессе которой происходит усвоение действующих в ином обществе и культуре норм, а также овладение соответствующими формами и средствами деятельности в этом обществе и культуре. Вслед за фазой адаптации наступает фаза индивидуализации, которая вызывается противоречием между достигнутым результатом адаптации и потребностью в максимальной реализации своих индивидуальных особенностей. Далее следует фаза интеграции – идентификация себя как со старым, так и с новым обществом и культурой.

Таким образом, вхождение российских студентов в китайское общество и культуру начинается именно со стадии адаптации. Последующие стадии индивидуализации и интеграции прямо пропорциональны длительности периода обучения и его конкретным условиям. Временной период, за который отдельная личность проходит стадии адаптации, индивидуализации и интеграции индивидуален и зависит от совокупности качеств личности, конкретных условий обучения и проживания в стране, а также от опыта и мастерства педагогов образовательного учреждения, в котором организован учебный процесс.

Социализация и инкультурация, как составляющие педагогического процесса, реализуются в нем посредством соответствующих методов, форм и технологий, формируя в структуре личности деятельностно-практический компонент – ее социокультурный опыт, составным компонентом которого является опыт образовательный.

Анализ выявленных методов адаптации к образовательному и социокультурному пространству Китая, используемых китайским

коллегами при работе с российскими студентами на начальном этапе их пребывания в стране, позволил осуществить их классификацию на основании видов деятельности, осуществляемой китайскими педагогами в отношении российских студентов:

– методы юридического сопровождения. Включают методы сопровождения и необходимой помощи при осуществлении всех формальностей, связанных со статусом иностранного студента / стажера (регистрация в специальном отделе университета / полиции, получение карты студента, регистрация в месте проживания, приобретение SIM-карты, помощь в случае привода в отделение полиции и др.);

– здоровьесберегающие методы. Данная группа методов включает оказание доврачебной помощи при заболеваниях или несчастных случаях, организацию получения необходимой медицинской помощи, организацию здоровьесберегающего распорядка учебных дней и выходных, инструктаж о правилах поведения в местах повышенной опасности (море, горы и др.), организацию занятий национальными видами спорта: гимнастикой тайцзицюань, цигун и др.;

– методы первичной бытовой помощи. Включают методы помощи рациональной организации быта: обустройство комнаты, подключение Интернета, помощь в освоении бытовых приборов (стиральной машины, кондиционера / вентилятора, телевизора, кулера и др.), знакомство с территорией кампуса, расписанием работы столовой, помощь в получении учебной литературы, в приобретении предметов личной гигиены, предметов первой необходимости, канцелярских принадлежностей, первичная помощь в посещении банка, книжного магазина, парикмахерской и т.д.;

– методы формирования учебной мотивации. Данные методы включают беседы, рассказы, содержащие положительный опыт обучения, лекции, встречи с известными людьми, а также с передовыми иностранными студентами, создание интернет-платформы общения с иностранными студентами прошлых лет и др.;

– методы педагогической помощи. Данная группа методов способствует адаптации российских студентов к китайским дидактическим и методическим традициям и включает методы показа, объяснения, тренировок и др.;

– методы экскурсий. Эта группа методов включает учебные экскурсии («Китайский парк как часть образа жизни китайцев»), уроки-экскурсии («Восьмое чудо света – Нефритовый Будда») [15], экскурсии на природные памятники (национальные парки, парки, заповедники, озера, горы, ботанические сады), экскурсии на достопримечательности (площади, центры, океанариумы, мосты, рынки), посещение учреждений культуры (театры, кинотеатры, китайская опера, музеи, выставки), обзорные экскурсии (по городу, району и т.д.);

– методы погружения в естественную социокультурную среду. Например, учебная прогулка на китайский базар «Учимся шопингу по-китайски»; театрализованный урок-экскурсия «Чайная церемония» с посещением чайного базара, знакомством и дегустацией разных видов чая, а также чайным шопингом; учебный турпоход на тему «Религии и верования Китая. Буддизм», включающий посещение уникального природного заповедника «Цяньшаньское тысячегорье», музейно-туристического комплекса под открытым небом «Многоликий Будда» (на базе действующего буддистского монастыря с тысячелетней историей), участие в экзотическом обеде в деревенском ресторанчике [15]; обед-экскурсия в национальную пельменную, учебный конкурс «Китайские палочки»; мероприятие «один день» (мероприятие «один день в роли шанхайца»: студенты занимались утренней гимнастикой с горожанами, встречались с участниками клуба любителей русского языка, насладились традиционной китайской чайной церемонией и познакомились с искусством гравировки печатей и т.д. [16]); практические экскурсии (в китайскую национальную деревню, в клинику китайской народной медицины, в заведения традиционной китайской кухни, в чайную);

– методы проведения интернациональных российско-китайских мероприятий. Данная группа методов включает совместное проведение российскими и китайскими студентами вечеров дружбы, КВН, викторин, конкурсов, мини-конференций, концертов художественной самодеятельности, литературных вечеров и др.;

– художественные методы. Группа художественных методов включает методы обучения видам китайского художественного и прикладного искусства: живописи, каллиграфии, вырезке из бума-

ги, вышивке, плетению, резьбе, кулинарии, изготовлению и запуску воздушных змеев и др.

– методы психологической помощи. Включают беседы, ауто-тренинги, методы снятия психологического и эмоционального напряжения.

Как правило, в условиях краткосрочной мобильности группу российских студентов сопровождает российский преподаватель – тьютор. В этом случае работа китайских коллег по адаптации российских студентов выполняется совместно с российскими специалистами. Однако при долгосрочной и (или) самостоятельной мобильности такой возможности нет. В этом случае вся работа по адаптации российских студентов к образовательному и социокультурному пространству КНР ложится на плечи китайских педагогов.

Используемые в китайской педагогической практике методы адаптации российских студентов к образовательному и социокультурному пространству КНР создают для российских обучающихся эффективную здоровьесберегающую поликультурную образовательную среду, которая способствует приобретению студентами собственного образовательного и социокультурного опыта в стране обучения. Быстрая и качественная адаптация дает возможность дальнейшей индивидуализации и последующей интеграции российских студентов в новое для них образовательное и социокультурное пространство Китая.

Список источников и литературы:

1. 2018年来华留学统计: [Статистические данные о количестве иностранных студентов, обучающихся в Китае в 2018 году]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 17.05.2020).

2. Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 12. С. 93-103.

3. Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 108-123.

4. Гурулева Т.Л. Высшее языковое образование в России: восточный вектор // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 252-261.
5. Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) // Культура и цивилизация. 2017. Т.7. № 3А. С. 196-205.
6. Гурулева Т.Л. Технологии социокультурной интеграции иностранных студентов: опыт российско-китайского сотрудничества // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 148-153.
7. Гурулева Т.Л. Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Улан-Удэ, 2011. 47 с.
8. Гурулева Т.Л. Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): дис. ... д-ра пед. наук. Улан-Удэ, 2011. 451 с.
9. Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международно-поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 6. С. 85-92.
10. Herskovits M. Cultural Anthropology. N.Y.: Knopf, 1955. 570 p.
11. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2002. 352 с.
12. Дугарова Ц.Д. Инкультурация личности в современной национальной школе: дис. ... канд. культурологии. Чита, 2004. 167 с.
13. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Академия, 2006. 304 с.
14. Соколов В.А. Культурология. Ростов-н/Д.: Феникс, 2004. 224 с.
15. Летние курсы в Ляонинском университете науки и технологий. URL: <https://chinagroups.ru/letnie-kursy-v-lyaoninskom-universitete-nauki-i-texnologij/> (дата обращения: 17.05.2020).

16. Успешное проведение программы «Летняя школа 2012 для студентов из стран-участников и стран-партнеров по диалогу ШОС». URL: <https://rus.ecnu.edu.cn/iv4185.htm> (дата обращения: 17.05.2020)

В.Г. Дацышен, доктор ист. наук, профессор
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)
gh@sfu-kras.ru

ДОРОГИ «ВЕЛИКОГО ЧАЙНОГО ПУТИ» ПО МОНГОЛИИ В РАБОТАХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Великий Чайный Путь вызывает интерес исследователей всего мира уже несколько столетий. Однако многие вопросы остаются еще недостаточно изученными. К числу таких вопросов относятся определение маршрутов торговых караванов по Монголии и проблемы движения по этим маршрутам.

Для изучения данных вопросов целесообразно обратиться к трудам русских исследователей второй половины XIX в., проделавших большую работу по изучению проблем функционирования Великого Чайного Пути и детальному рассмотрению маршрутов движения чайных караванов между Пекином и русской границей.

Первым написал о направлении будущего «Великого Чайного Пути» российский дипломат Н.Г. Спафарий. Прибыв в 1675 г. в Енисейск, он узнал, что местные торговцы ездили из Сибири в Пекин через Селенгинск, расположенный недалеко от будущей Кяхты, и Монголию. Посланник Н.Г. Спафарий хотя и узнал о появлении прямого торгового пути в Центральный Китай через Внешнюю Монголию, сам все же поехал в Пекин через Нерчинск и Внутреннюю Монголию.

Некоторое время два пути, связывавшие Китай с Восточной Сибирью, существовали параллельно и в единой системе. Например, в 1736 г. один караван в Пекин ушел через Нерчинск, а обратно возвращался через Монголию.

После подписания Кяхтинского договора в 1728 г. Россия и Китай окончательно оформили единственное направление, связывающее Китай с Западом. Собственно, чайные караваны в Россию с середины XVIII в. шли уже только по этому направлению, через Чжанцзякоу и Кулунь до Кяхты.

На территории Монголии в XVIII-XIX вв. собственно дорог не было, а лишь имелись общие «направления». Забегая вперед, хотелось бы процитировать отрывок из работы русского военного исследователя А.А. Баторского: «Обращаясь к общему очерку караванных путей, прорезывающих Монголию, необходимо иметь в виду, что они, по нашим понятиям, не могут быть названы дорогами, так как не представляют собою постоянных и непрерывных узких путевых лент, проложенных между теми или другими населенными пунктами страны, а представляют собою только направления, по которым обыкновенно вьючные караваны...» [1, с. 134]. И Великий Чайный Путь на территории Монголии представлял из себя широкую полосу, по которой в разных местах шли караваны.

Во второй половине, после торгового каравана 1755 г., русские торговые караваны не ходили из Кяхты в Пекин до 1861 г. Чай через Монголию возили китайские торговые караваны. Однако по Великому Чайному Пути ходили русские дипломатические караваны, перевозившие членов Российской духовной миссии. В их составе были не только образованные люди, но и ученые, в т.ч. геодезисты и астрономы. Например, в 1831 г. по ВЧП проехал командированный в 1830 г. в качестве астронома 11-й Духовной миссии известный российский астроном Егор Николаевич (Георг Альберт) Фусс (1806-1854). Исследователь М.В. Певцов писал: «Фусс в передний путь ехал по Аргалинской дороге и определил на ней несколько пунктов и высот» [2, с. 163].

После подписания Пекинского договора 1860 г. русские торговцы вновь стали снаряжать свои торговые караваны в Китай. Постепенно большая часть чая по Великому Чайному Пути через Монголию стала доставляться в Россию русскими торговцами. Изменения, произошедшие в русско-китайской чайной торговле, а также открытие границ Цинской империи для иностранцев привели к тому, что в Китай стали выезжать специальные научно-исследовательские экспедиции.

Благодаря тому, что во второй половине XIX в. по Великому Чайному Пути ходили специальные научные экспедиции, Монголию посещали российские ученые и военные топографы, это направление ВЧП было довольно хорошо изучено.

В 1859 г. вместе с российским посланником Н.П. Игнатьевым через Монголию в Пекин проехал топограф Я.Г. Шимкович. От Урги (Улан-Батора) до Калгана экспедиция прошла по дороге через колодец Сайр-су. Во время этого путешествия топограф Я.Г. Шимкович составил карту пути в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. дороги на ВЧП изучал известный российский ученый Герман Александрович Фритше (1839-1913) [3]. Исследователь М.В. Певцов писал: «Кружная почтовая (китайская) дорога из Калгана в Ургу через станцию Саир-усу была посещена в 1868 и 1874 гг. Фритше, который определил на ней географическое положение некоторых станций и измерил барометром высоты» [2, с. 163].

С изучения ВЧП в Монголии началась научная карьера известного русского военного исследователя генерала Якова Федоровича Барабаша (1838-1910). В 1871 г. он был направлен в Иркутск и вскоре был назначен начальником военного конвоя при Российском консульстве в Урге. В опубликованной в 1882 г. его работе «Записка о Монголии» был выделен раздел «О путях сообщения в Монголии». Я.Ф. Барабаш писал: «В Монголии существуют два главных рода путей сообщений: почтовый и караванный... о караванных путях можно сказать, что в них постоянны только конечные пункты, ими соединяемые. Затем, между этими пунктами каждый идет своею дорогою. Так, если в одном направлении корм для скота вытравлен, то монгол выбирает другое, с более обильным кормом... В местах гористых, к северу от Урги, постоянны только перевалы через значительные горные хребты. Степь же, к югу от Урги, можно сказать, вся составляет дорогу; каждый идет по ней, как ему вздумается, соображаясь лишь с возможностью, в летнее время, хоть изредка встретить воду...» [4, с. 153].

В конце 1870-х гг. ВЧП исследовал известный русский путешественник военный топограф Михаил Васильевич Певцов (1843-1902). Этот военный исследователь выехал из Калгана в феврале 1879 г. на двух телегах, запряженных верблюдами, и имея 7 вьюч-

ных верблюдов. М.В. Певцов писал: «Переезд из Калгана в Ургу нам предстояло сделать по прямой караванной дороге, по которой ходила русская почта. Эта дорога пролегает через станции: Цаганбалгасу, Сучжи, Ирен, Ихы-удэ, Уйцзын и Ибицых» [2, с. 163].

В начале 1880-х гг. ВЧП изучал находившийся в отпуске прапорщик Шулыгин. В своих «Записках о Китае» он указывает: «Будучи уволен по домашним своим делам в отпуск в Китайскую Империю, я имел возможность проездом по Монголии и Китаю через города Ургу, Калган, мимо Пекина, Тунчжеу и Таньцзинь собрать некоторые сведения, имеющие интерес в военном отношении...» [5, с. 115]. Что касается дорог на направлении движения чайных караванов, то исследователь Шулыгин писал: «Для движения караванов с границы внутрь Китая имеется несколько дорог, удобных для движения... более удобною и лучшею дорогою считается “хырлынская”, идущая по реке Хырлын; дорога по местности Ибицыг (мною пройденная, хотя считается более прямою, но менее удобною для движения по причине встречающихся крутых подъемов и спусков, а на двух хребтах: “Монахатае” (200 верст от Кяхты) и “Гунттуе” (330 верст) крутости подъема и спуска доходит до 45 гр. И величина подъема равняется 3-4 верстам. Кроме двух встречающихся на пути рек: “Орхона” (20 вёрст от Кяхты) и “Иро” (40 верст), через которые сообщение производится на паромах, все остальные реки проходимы в брод...» [5, с. 116]. Шулыгин писал, что переход через Гоби для караванов сложен из-за недостатка воды и топлива. Далее он отмечал: «Для движения караванов в собственный Китай служат три главные дороги: “Гунжуйская”, “Гжойрипская” и “Дарханская”; из них ближайшею и лучшею считается первая; но и эта дорога местами весьма неудобна для тележного движения по причине торчащих из земли камней, что очень вредит ногам животных, а более всего колесам...» [5, с. 119].

Описывая маршрут чайных караванов в районе Чжанцзякоу русский исследователь писал: «По ущелью, составляющему когда-то дно реки, вьется дорога. Спуск с хребта очень трудный и весь загроможден камнями; длина спуска около 4-5 верст... дно ущелья составляет узкое дефиле... до 20 верст в длину, у выхода из которого стоит китайский город “Калган” ... Вся дальнейшая дорога за Калганом до Гуаньгоского ущелья, лежащего за гор. “Чадао”

(150 верст от Калгана), идет по долине реки “Яньхэ” она местами, то сходится в узкие проходы, то опять распадается в широкие долины. Перед г. “Чадао” долина незаметно повышается и оканчивается невысоким хребтом (Гуань-шин), по ширине которого тянется вторая параллель Великой Стены, имеющая для прохода большие ворота, вслед за которыми начинается знаменитое Гуаньгоуское ущелье... тянется на протяжении 20-ти верст... переходит сперва в долину, а затем в обширную равнину» [5, с. 120-121].

Среди известных русских военных исследователей, проходивших по ВЧП, следует назвать известного военного путешественника Николая Михайловича Пржевальского (1839-1898). Поскольку целью этого путешествия был Тибет, то его участники не акцентировали внимание на дорогах, хотя и сделали описание китайского торгового города в Урге [6].

Крупнейшим исследованием транспортных коммуникаций ВЧП стала обобщающая работа старшего делопроизводителя канцелярии Военно-учетного комитета Главного штаба полковника Александра Александровича Баторского (1850-1897) «Монголия: Опыт военно-статистического очерка». Военный исследователь А.А. Баторский писал: «между Ургой и Калганом... существует целая сеть взаимно переплетающихся караванных дорог. Вьющихся около этих главных направлений и бороздящих всю площадь ими ограниченную, так, между вышеупомянутыми городами существует три главных караванных дороги: западная – Гунчжу-цзам, средняя – Дарханская и восточная – Аргалинская» [1, с. 134].

Говоря об исследователях дорог Великого Чайного Пути в Монголии, необходимо отметить, что во второй половине XIX в. существовала должность русского торгового агента, с местопребыванием в урочище Йэхэ-удэ, на пути между Ургой и Калганом. В 1885 г. на эту должность был назначен войсковой старшина Забайкальского казачьего войска Александр Евграфович Петров. Он служил на торговом пути до 1891 г., когда временно исполняющим обязанности торгового агента был назначен отставной урядник ургинского консульства Каленов. А.Е. Петров составил специальную «Записку» с описанием дорог между Ургой и Калганом, которая была опубликована в специальном сборнике, опубликованном в

серии «Записки Восточно-Сибирского отдела ИРГО по общей географии [7, с.189-205]. Автор указал:

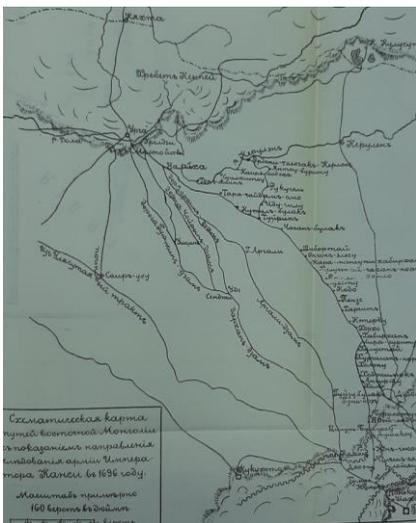
«Главных дорог, ведущих из Урги в Калган, семь; оне известны в народе под следующими названиями:

Яма-тергечин-цзам; это самый восточный...

Зурма-нари-цэцэн-хан-бэйсы; пересекает хошуны: Далай-жоном-бэйсэ...

Ихэ-дархан-цзам, идет через местность Удан и пересекает хошуны: Мэргэн-вана...

Хуре-азарга-цзам; пролегает через хошуны: Сунит, Мерген-вана...

Карта из: Путята Д.В. Китай. Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Срединной Империи и военного значения пограничной с Россией полосы. СПб.: Военная типография, 1895 [8].

Гурбун-шаранумут-цзам.

Укталей-нарын-цзам.

Харчина-ихэ-цзам; это станционный почтовый тракт» [7, с. 189].

Торговый агент А.Е. Петров подробнее описал дороги, указав, что первая из списка шла от Урги на восток до озера Баин-нур, а вторая шла на Калган западнее Долой-нора. Через местность Йэхэ-удэ (Удан) шла «Дарханская дорога», получившая свое название по находящейся на пути горе Дархан.

Следующая дорога, проходящая западнее, также выходила в район Йэхэ-удэ, что переводится как «Большие ворота». По описанию А.Е. Петрова, именно Дарханская дорога была наиболее удобной как по рельефу, так и по наличию подножного корма для животных.

Таким образом, будущее направление Великого Чайного

Пути через Монголию было открыто русскими и китайскими купцами во второй половине XVII в. Во второй половине XVIII в. направление движения торговых караванов из Чжанцзякоу через Ургу (Кулунь) до Кяхты стало единственным для караванной чайной торговли между Китаем и Россией. В первой половине XIX в. направление, по которому шли торговые караваны, было изучено российскими учеными, ходившими в составе русских дипломатических караванов до Пекина. Во второй половине XIX в. ВЧП в Монголии был изучен специальными научными экспедициями, направленными в Монголию из России. Важнейший вклад в географо-топографическое изучение Великого Чайного Пути внесли русские военные исследователи Я.Г. Шимкович, Я.Ф. Барабаш, М.В. Певцов, А.А. Баторский и другие. Большой вклад в изучение ВЧП внесли и казаки, занимавшие разные должности на торговом пути в Монголии, в частности, войсковой старшина Забайкальского казачьего войска А.Е. Петров.

Из работ русских военных исследователей мы знаем, что Великий Чайный Путь не был дорогой и даже сетью дорог в современном понимании. Это было направление, состоявшее из нескольких караванных путей, объединенных тремя пунктами – Чжанцзякоу, Урга и Кяхта. Каждый караван самостоятельно выбирал свой путь, который считал наиболее удобным или возможным для прохождения в конкретных погодно-климатических условиях. Исследователи объединяли все караванные пути, по которым шли чайные грузы, в три условные дороги: западную, центральную и восточную. Благодаря тому, что русские исследователи создали карты и указали названия станций и географических объектов на Великом Чайном Пути, современные исследователи могут более детально изучить пути движения чайных торговых караванов, связывавших Россию и Китай в прошлом.

Список источников и литературы

1. Монголия. Опыт Военно-статистического очерка. Командира 2-го драгунского С.-Петербургского Генерала-Фельдмаршала Князя Меншикова полка А.А. Баторского. Ч. II / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб.: Военная типография, 1891.

2. Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая М.В. Певцова. Омск, 1883.

3. Гипсометрические и географические определения точек, основанные на наблюдениях, сделанных в 1868-1872 годах в 12-ти разных путешествиях по северному Китаю, Монголии, Манчжурии, Приамурскому и Уссурийскому краю архимандритом Палладием, капитаном Пржевальским, г.г. Ломоносовым, Мосиным и д-ром Фритше / Обработано и на карту положено д-ром Фритше. СПб.: тип. Стасюлевича, ценз. 1874. 39 с.

4. Записка о Монголии Генерального Штаба Подполковника Барабаша // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VII. СПб.: Военная типография, 1884.

5. Записка о Китае Прапорщика 2 Восточно-Сибирского Стрелкового батальона Шулыгина // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VII. СПб.: Военная типография, 1884. С. 115-123.

6. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888.

7. Петров А.Е. Дороги из Урги в Калган // Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1890. С. 189-205.

8. Путята Д.В. Китай. Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Срединной Империи и военного значения пограничной с Россией полосы. СПб.: Военная типография, 1895.

Ю.В. Кузьмин, доктор ист. наук, профессор
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
kuzminUV@yandex.ru

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И СИБИРСКИЕ ЦЕНТРЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-59-44008 Монг_а: Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии.

Российское монголоведение имеет глубокие традиции изучения истории, литературы и культуры Монголии. Географическая близость России к соседней кочевой стране, языковое и конфессиональное единство монголоязычных и тюркских народов Сибири определили глубокий научный интерес русской научной мысли к Монголии. Становление и развитие российского монголоведения происходило в XVIII–XIX вв. и связано с именами выдающихся российских монголоведов Я.И. Шмидта, А.В. Игумнова, О.М. Ковалевского, А.В. Попова, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Н.Н. Поппе, Б.Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано [1]. Сибирское монголоведение занимает в настоящее время важное место в России и представлено научными исследованиями в Улан-Удэ, Барнауле, Кызыле, Иркутске, Чите.

К началу XX в. российское монголоведение превратилось в цельную комплексную область научного знания и получило мировое признание и приоритет. В XX в. в российском востоковедении и монголоведении происходили существенные изменения: трансформируется тематика и методология научных исследований. Это происходило особенно кардинально в 1920–1930-е и 1990-е гг. В настоящее время происходит возврат к традиционной тематике российского монголоведения и восстановление престижа в мировой науке. В 1990-е годы сибирские центры серьезно укрепили свои позиции в российском монголоведении, особенно усилился научный центр в Улан-Удэ: ИМБиТ и БГУ, расширили исследовательскую деятельность в Чите, Барнауле, Кызыле.

Современное мировое монголоведение переживает период своего успешного развития. Благоприятная международная ситуация, связанная с разрушением мировой системы двух противоположных лагерей, упрощение международных контактов и визового режима для целого ряда стран облегчили поездки монголоведов в Монголию на международные конференции и форумы, в научные экспедиции и археологические раскопки. Монголоведы западных стран, США, Австралии, Японии, Южной Кореи стали свободно и регулярно приезжать и изучать Монголию, монгольский язык и монгольскую культуру. Расширилось число стран, где стали изучать монгольский язык и литературу, монгольскую культуру и живопись, историю Монголии, ее экономику, социологию, философию, духовное наследие.

Происходят важные изменения и в географии монголоведных исследований в России: ослабляется роль прежде основных центров монголоведения (Москва, Санкт-Петербург) и усиливается роль региональных центров России: Улан-Удэ, Элиста, Казань, Новосибирск, Кызыл, Иркутск, Владивосток, Барнаул. Представляется, что ведущим центром современного российского монголоведения становится Бурятия, которая имеет значительное число профессиональных монголоведных специалистов, серьезную источниковую базу восточных источников, часто проводит международные научные конференции. Институт Монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ), возглавляемый академиком РАН Б.В. Базаровым, и Бурятский государственный университет являются ведущими центрами подготовки российских монголоведов и издания обобщающих коллективных работ, существенно продвигающих развитие российского востоковедения и монголоведения. Рукописный фонд Института обладает уникальными восточными источниками, рукописными материалами, которые постоянно вводятся в научный оборот. Ряд научных сотрудников получили востоковедное образование и высокую научную квалификацию в Ленинграде/Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН или на восточном факультете университета, на кафедре монголо-тибетской филологии, тюркской или китайской филологии, а также аспирантуре Института Востоковедения РАН и Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.

Наличие специалистов московской и петербургской научных востоковедных школ значительно усиливает научный потенциал сибирского научного центра.

Вопросы новейшей истории Монголии XX в. и историографии исследуют в Иркутске: Центр изучения Монголии Байкальского государственного университета и кафедра мировой истории и международных отношений Иркутского госуниверситета. Исполнение двух научных проектов РГНФ и РФФИ в БГУ, публикация 9-томного издания «Россия и Монголия в первой половине XX века» – важная веха научного исследования истории и историографии Монголии [2].

В 1990-2000-е гг. результативно заявил о себе Алтайский международный центр азиатских исследований Алтайского госуниверситета. Исследование политики России и Китая в Центральной Азии в XIX-XX вв. – предмет серьезных и глубоких исследований научных коллективов кафедры востоковедения исторического факультета АГУ и кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического института. Основателем кафедры востоковедения АГУ в 2000 г. выступил известный российский востоковед и китаевед Владимир Анисимович Моисеев (1948-2007), ученик китаеведа Б.П. Гуревича, автор монографии «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» (2003). Его успешным последователем выступил доктор исторических наук, профессор Александр Владимирович Старцев, который плодотворно занимался проблемами русско-монгольских экономических и торговых отношений во второй половине XIX – начале XX в. Ученый опубликовал ряд ценных монографий и статей по данной теме, выполнил оригинальный научный проект РГНФ «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность», под его научным руководством издана коллективная монография «Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.» (2014) (И.В. Анисимова, В.А. Бармин, И.Б. Бочкарева, Н.В. Кольцова, Ю.А. Лысенко, А.В. Старцев) и опубликован сборник документов «Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.», вошедшие в «золотой фонд» российского востоковедения и китаеведения. Монографии В.А. Бармина «Советский Союз

” и Синьцзян в 1918-1941 гг.» (1999), С.В. Моисеева «Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864-1877 гг.)» (2003), проведенные крупные научные конференции свидетельствуют о серьезном научном потенциале Алтайского востоковедного центра в России.

Александр Владимирович Старцев хорошо известен среди российских востоковедов своими глубокими исследованиями проблемы российского предпринимательства на Алтае, русско-монгольской пограничной сибирской торговли. Об этом, в частности, свидетельствуют его ранее опубликованные монографии: «Сибирский купец А.Д. Васенев» (1994), «История предпринимательства в Сибири» (1999, в соавторстве), «Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.» (2001, в соавторстве), «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)» (2003) [3].

А.В. Старцев активно занимался научно-исследовательской работой, опубликовал более 350 научных работ, в числе которых монографии, учебные пособия, сборники документов, статьи, тезисы докладов. А.В. Старцев – крупный специалист в области истории народного хозяйства и предпринимательства Сибири, истории торгово-экономических и культурных связей Сибири со странами Дальнего Востока и Центральной Азии.

Фундаментальное научное исследование профессора А.В. Старцева «Российско-монгольские экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в.» (2013) органично вписывается в целую серию востоковедных и монголоведных исследований, посвященных истории российско-монгольских дипломатических, экономических и культурных отношений двух соседних стран [4]. Данное издание алтайского востоковеда вошло в «золотой фонд» российского монголоведения.

Успешно продолжает научные исследования его дочь – Александра Александровна Сизова, опубликовавшая известную монографию «Консульская служба России в Монголии (1861-1917)» [5], доцент Высшей школы экономики в Москве. Глубокое знание архивных материалов, владение китайским и английским языками позволили ввести в научный оборот уникальные документы и со-

здать цельную картину деятельности российских дипломатов в Монголии.

История российского монголоведения – область постоянного внимания современных отечественных ученых. Данная область историографических исследований имеет глубокие научные традиции в нашей стране, особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи поиском новой парадигмы монголоведных исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовал значительного переосмысления научного творческого пути целой области востоковедения, так и научного вклада отдельных монголоведов.

Российские монголоведы активно и плодотворно занимаются вопросами истории монголоведения: российского, монгольского и западного. Об этом свидетельствуют обзорные статьи в коллективных обобщающих работах «Очерки истории русского востоковедения», «История отечественного востоковедения» в двух томах, монографии, статьи, рецензии и обзоры. Этими исследованиями занимаются специалисты соседних специальностей: востоковеды (китаеведы, японоведы), филологи, отечественные историки. Издана подробная библиография отечественных работ по монголоведению Е.В. Бойковой, опубликованы обзорные статьи по истории российского монголоведения, творческого вклада известных монголоведов Н.П. Шастиной, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, Б.В. Базарова, В.Д. Дугарова, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, С.К. Рощина, Г.С. Матвеевой (Яскиной), И.Я. Златкина, И.В. Кулганек, В.Л. Успенского, Л.К. Герасимович, С.Г. Кляшторного, А.В. Старцева и др.

В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения, об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990), «История востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Рос-

сийское монголоведение». Особо следует выделить исследования академика В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н.И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879), многочисленные статьи Н.П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила ее, а также монографии Д.Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.» (1997) [6], Ш.Б. Чимитдоржиева «Российские монголоведы (XVII – нач. XX в.)» (1997), «Выдающиеся бурятские деятели».

Одним из направлений историографических исследований является подготовка творческих биографий крупных историков-монголоведов. Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г.Ф. Шапов о профессоре О.М. Ковалевском (1983), Н.Е. Единархова о Я.П. Шишмареве (2009), В.М. Алпатов о Н.Н. Поппе (1996), Е.М. Даревская о С.А. Козине (1994), О.Н. Полянская о О.М. Ковалевском (2001). Основательно изучена научная деятельность бурятских монголоведов Д. Банзарова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, много лет проводятся научные чтения. Наиболее популярен пока уровень отдельных статей, посвященных биографии монголоведов, имеющий в основном юбилейный характер. Монографический уровень пока только осваивается. Заслуживают специального монографического исследования творческие биографии таких крупных российских монголоведов, как Я.И. Шмидт, Н.Я. Бичурин, А.В. Игумнов, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, И.Я. Златкин, С.Д. Дылыков, Л.К. Герасимович, М.И. Гольман. Творческое наследие крупных монголоведов сложнее исследовать, требуется значительное время и глубина анализа. Исследователю необходимо соответствовать научному уровню корифеев монголоведения. Специального изучения заслуживает проблема научного взаимоотношения между разными поколениями ученых. Характер научных взаимоотношений определяет различие научных подходов и формирование неформальных групп в научной среде, а также фактор профессиональной конкуренции и личных взаимоотношений. Осмысление итогов исторических исследований по истории Монголии XX века

позволит выявить уровень и глубину исследования важных и наиболее сложных проблем истории, персональный вклад отдельных известных авторов в изучение наиболее дискуссионных научных проблем истории Монголии, выявить малоизученные вопросы и определить перспективы дальнейших научных поисков.

В современном монголоведении назрела проблема подготовки обобщающей коллективной работы, посвященной истории российского монголоведения на протяжении трех веков. Предприняты первые успешные попытки отдельных российских ученых. Так, в 2015 г. в Бурятии – ведущем российском центре отечественного монголоведения – опубликована фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Владимира Доржиевича Дугарова «Российская историография истории Монголии» [7].

В последние годы историей российского монголоведения плодотворно занимается доцент Бурятского госуниверситета О.Н. Полянская, опубликовавшая монографии о О.М. Ковалевском и ряд оригинальных статей о российских монголоведах, основанных на архивных материалах [8]. Зарубежное монголоведение – предмет многолетних исследований ведущего монголоведа России М.И. Гольмана [9].

История российского монголоведения нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. Большого внимания заслуживают проблемы развития ключевых проблем монголоведения, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и ее региональных подразделений, имеющих особенности и специфику [10]. Это не должно быть традиционное перечисление имен ведущих монголоведов и их трудов, а проблемное и критическое изложение развития науки. Основное внимание предполагается обратить на эволюцию ключевых направлений и концепций российского монголоведения. Творческое наследие известных монголоведов имеет не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но некоторые ошибочные заключения и научные заблуждения, поэтому необходимо усилить элемент критичности научного анализа. Сибирское монголоведение занимает ключевые позиции в российском монголоведении, заслуживает историографического исследования.

Список источников и литературы

1. История отечественного востоковедения. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1990. 435 с.
2. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. История Монголии и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. 232 с.
3. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 308 с.
4. Старцев А.В. Русско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 414 с.
5. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861-1917). Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2015. 295 с.
6. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения. Улан-Удэ, 1997. 216 с.
7. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 376 с.
8. Полянская О.Н. Монголоведение в России первой половины XIX века: О.М. Ковалевский и А.В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2019. 324 с.
9. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). М.: Наука, 1988. 221 с.
10. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII-XX вв.) / под науч. ред. А.П. Суходолова. Иркутск, 2014. 438 с.

С.В. Моисеев, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
moiseev-tpg@rambler.ru

А.К. Бутенко, канд. филос. наук
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
butenkoak@buimvd.ru

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ АДМИНИСТРАЦИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ АНГЛО-РУССКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1907 Г.

В 1905 г. англо-русские отношения претерпевают значительные изменения, наступательное движение дипломатии Британской империи на российские позиции уступает место поиску компромиссов. В качестве основного мотива поворота английской внешней политики выступила возможность использования Российской империи в качестве союзника в противостоянии с Германией, а также во вмешательстве в ситуацию в Иране [1, с. 93]. Россия также преследовала свои цели в изменившихся обстоятельствах. Предлагалось использовать Англию в качестве посредника в урегулировании отношений с Японией. Обсуждение вопросов, касающихся заключения договора, началось в 1906 г. Инициатором переговорного процесса выступила Британская империя [2]. В общественно-политических кругах это событие вызвало неоднозначное отношение и острые дискуссии. Представители интеллигенции и торгово-промышленных кругов выступали за сближение с Англией, военные и часть правительственных чиновников придерживались прогерманских позиций [2].

Генерал-губернатор Туркестанского края Г.И. Гродеков, его военное и дипломатическое окружение разделяли мнение об изменении формата отношений с Британской империей и выступили в поддержку предполагаемого соглашения. По мнению генерал-губернатора, появилась возможность «...не изменяя стратегического положения России в Средней Азии и даже усилив его, стать на почву более тесных и мирных сношений с Англией» [1, с. 94].

В российской столице вопросы изменений в политике в отношении Великобритании обсуждались на специальных совещаниях

при правительстве. Так, совещания, проходившие 7 сентября 1906 г. и 1 февраля 1907 г., были посвящены обсуждению соглашения в целом, а также его главного раздела – иранской проблеме [1, с. 94]. Участники консультаций пришли к консенсусу по вопросу о разделе Ирана на секторы контроля с условием передвижения граничной линии на юг, за пределы, определенные английской стороной.

На совещаниях, проходивших 14 апреля и 11 августа 1907 г., рассматривались английские предложения по Афганистану. Итогом стало решение о признании афганской территории, зоной на которую не распространяется влияние Российской империи. Вместе с тем на этом этапе предложенный вариант соглашения был отклонен по причине отсутствия с английской стороны надлежащих гарантий по сохранению статус-кво на афганской территории [3].

Основой англо-русских переговоров стала особая докладная записка российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева от 25 августа 1907 г., которая была разослана для обсуждения и выработки предложений в министерства [3], в т.ч. копия была направлена в адрес администрации Туркестанского края.

14 мая 1907 г. состоялось совещание у командующего войсками Туркестанского военного округа, на котором обсуждался вопрос о политическом значении Афганистана [1, с. 94]. Свидетельством прямого участия представителей туркестанских властей в процессе подготовки англо-русского соглашения являются черновики писем с рекомендациями по афганскому вопросу, составленные чиновником по дипломатической части А.Д. Калмыковым первоначально для Туркестанского генерал-губернатора в мае 1907 г. Два были направлены начальнику Главного штаба А.Е. Эверту. Первый вариант предложений и рекомендаций А.Д. Калмыкова содержал анализ предложений английской стороны. По мнению чиновника администрации Туркестанского края, в первую очередь необходимо было выяснить у англичан, насколько они готовы обеспечить суверенитет Афганистана в рамках территории, подконтрольной эмиру, «или низвести его страну на уровень прочих индийских владений» [1, с. 95].

А.Д. Калмыков полагал, что существуют четыре варианта решения афганской проблемы. Первый сводился к предоставлению

полной независимости Афганистану, что не могло быть воспринято положительно англичанами, в силу ситуации, сложившейся в этой стране, и что могло бы создать предпосылки для развития конфликта с вероятностью перерастания в военные действия. Второй вариант предполагал разграничение афганских владений между двумя империями по направлению Гиндукуша и линиями рек от названного горного хребта к северу и к югу. Реализация этой идеи была маловероятна, по причине отторжения ее Англией и сопротивления афганцев. Третий ход развития событий предполагал абсолютную уступку англичанам Афганистана при разрешении свободного доступа на территорию последнего подданных Российской империи, что давало возможность России обозначить и закрепить свои позиции в Средней Азии. Четвертое предложение предполагало консервацию сложившегося состояния, что, по существу, означало нейтрализацию соглашения с Британской империей. Негативное последствие такого варианта развития событий предполагало увеличение рисков прямого конфликта с англичанами, что повлекло бы за собой проблемы финансового характера.

В итоге предложения А.Д. Калмыкова свелись к следующему: разделить территорию Афганистана по хребтам Гиндукуша с разделением на подконтрольные Великобритании южные районы с предоставлением равнозначных прав англичанам и подданным Российской империи, что предполагало ликвидацию Афганистана в виде буферного государства и установление стратегической граничной линии с владениями Британской короны; формирование нейтральной зоны в северных афганских районах и Герата с предоставлением права афганцам иметь небольшие военные подразделения с ограничением строительства новых крепостей, с условием допущения в Мазари-Шариф и Герат российских дипломатических представителей; в афганской столице предлагалось произвести открытие филиалов Учетно-ссудного либо Русско-китайского банка, а также обеспечить продвижение в Афганистан и торговой деятельности купцов со стороны Российской империи.

Последовали переговорные перипетии. Анализ ситуации российскими дипломатическим и военным ведомствами обозначили иную конфигурацию разрешения проблемы. Туркестанская администрация открыто выразила обеспокоенность в связи с нарастаю-

щей угрозой позициям России в Афганистане со стороны британских подданных. Подконтрольное англичанам государство, по сути, становилось базой для активной военно-дипломатической интервенции в среднеазиатские владения Российской империи. Развитие ситуации в этом направлении было неприемлемым для российских региональных устремлений.

Администрация Туркестана выдвинула условия о предоставлении возможности купцам – мусульманам, в первую очередь, права торговать на афганской территории и о разрешении представителям Российской империи осуществлять свою деятельность в населенных пунктах и городах северных территорий Афганистана, сохранить право движения речных судов по реке Аму-Дарье, предоставления права непосредственных контактов туркестанского генерал-губернатора с вице-королем Индии и афганским правителем.

Этот вариант был более умеренным, чем предложенные А.Д. Калмыковым.

Англо-русский договор был подписан 31 августа 1907 г. Опубликование текста соглашения вызвало острые дискуссии в обеих империях и противоречивые оценки документа. Так, положительно отнеслись представители российских либеральных партий, а большевики обозначили резко негативное отношение, в частности В.И. Ленин определил его как «империалистический грабительский англо-русский союз, направленный против русской революции и национально-освободительного движения народов Азии» [4].

10 сентября 1907 г. международный акт был ратифицирован. Туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков положительно оценил итоги подписания договора, аргументируя свою позицию тем, что удалось ликвидировать предполагаемый конфликт с Англией с сохранением влияния Российской империи в Средней Азии.

Подводя итог, можно заключить, что высшие чиновники Туркестанской администрации активно участвовали в подготовке проекта англо-русского соглашения в части афганского вопроса и, несмотря на общее положительное отношение к результатам подписания договора, представители Военного министерства Российской империи на местах, не оставляли без внимания стратегические проекты строительства региональных железнодорожных линий в

направлении Кабула, с возможностью их масштабного использования в случае обострения ситуации.

Список источников и литературы

1. Тер-Егиазарова Р.М. Туркестанское генерал-губернаторство и англо-русское соглашение. Материалы по присоединению Средней Азии к России. Ч. 1. Ташкент, 1969. С. 93-99.

2. Бестужев-Лада И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906-1910 гг. URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view> (дата обращения: 26.08.2020).

3. «Красный архив». 1933. Т. 1 (56); 1935. Т. 2-3. С. 69-70. URL: <https://www.prlib.ru/item/823482> (дата обращения: 20.08.2020).

4. Ленин В.И. Тетради по империализму. Тетрадь материалов о Персии. М., 1939. С. 621. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/В-И-ЛЕНИН-ТЕТРАДИ-ПО-ИМПЕРИАЛИЗМУ> (дата обращения: 20.08.2020).

Е.Н. Наземцева, доктор ист. наук

Институт востоковедения Российской академии наук (г. Москва)

elenanazz@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ СИНЬЦЗЯНА В 1917 Г. (ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОГО КОНСУЛЬСТВА В ШАРАСУМЭ)

Во второй половине XIX – начале XX в. Россия активно продвигалась в Центральную Азию. Алтайский округ провинции Синьцзян являлся одной из так называемых буферных зон между Китаем и Россией. Традиционно в таких зонах смешанное население: здесь проживают как коренные народы, так и мигранты.

Этническая разнородность, слабость позиций центра, прозрачность границ способствовали активизации здесь экономической деятельности. В XIX в. в Центральную Азию, Сибирь и на Дальний

Восток направились огромная масса русских крестьян. По официальным данным, с 1861 по 1885 г. за Урал ушло около 300 тыс. переселенцев. В Северном Казахстане переселенцы получали землю в постоянное владение, платили за нее поземельную подать, несли казенные и земские повинности [1, с. 28].

Процесс продолжился в начале XX в., что было обусловлено следующими факторами: а) в 1890-1891 гг. часть Европейской России пережила голод, и голодающие крестьяне бежали на окраины империи; б) в 1910 г. в рамках аграрных реформ П.А. Столыпина был отменен введенный в 1896 г. запрет на поселение в Русском Туркестане [2, с. 70]. Кроме того, в массовом сознании русских крестьян издавна господствовала своеобразная «миграционная парадигма» – представление о вольных землях [3, с. 11].

Среди мигрантов было много староверов. Первоначально обосновавшись на окраинах Российской империи, некоторые из них позже принимали решение покинуть ее территории и уйти в Китай. В частности, значительная их часть перебралась в Китайский Алтай – Алтайский округ Сынцзяна. Старообрядцев всегда привлекали горные труднодоступные территории, на которых им легче было вести замкнутый образ жизни. Важным было и наличие на новых землях ранее прибывших сюда единоверцев, с которыми поддерживались конфессиональные, бытовые и семейно-родственные связи [4, с. 283]. В Китайском же Алтае к этому времени уже существовали небольшие поселения русских крестьян, в т.ч. старообрядцев.

Миграционные процессы служили обоснованием для образования экономических «буферных зон» под контролем России. Русские переселенцы в этих землях и в приграничных с Россией китайских территориях выступали в роли русской «мягкой силы». Например, российские власти активно стимулировали аграрное переселение в Маньчжурию в начале XX в. Для этого был даже разработан комплекс мероприятий, содействующих заселению полосы отчуждения КВЖД русскими крестьянами [5, с. 82]. Тем же, кто селился в восточной части Семиреченской и Семипалатинской областей, предлагались специальные субсидии [2, с. 71]. К 1913 г. общая численность населения Семиречья составляла 864 тыс. чело-

век, оно состояло из казахов, уйгуров, дунган и русских земледельцев [6, с. 140].

Следует отметить, что имперская экспансия России в этнически иные территории часто осуществлялась при поддержке или попустительстве местной элиты [7, с. 396]. В то же время для царской России было важно, чтобы Китай оставался единым и дружественным соседом. К началу XX в. Россия достигла «стабильного равновесия» на китайском направлении и не стремилась менять сложившуюся к этому времени систему двусторонних отношений [7, с. 421]. Это четко проявлялось в политике российских консульств на местах, в т.ч. в Алтайском округе Синьцзяна. В 1911 г. здесь открылось Российское консульство, что и позволило русским поселенцам официально приобретать землю и недвижимость. К 1916 г. в округе уже существовало девять русских поселков, где проживал 861 чел. [9, с. 294].

Занятие русскими земель в Китайском Алтае вызывало недовольство как китайских властей, так и местного населения. Вопрос о выселении русских из пределов Алтайского округа возникал неоднократно. Как отмечалось в документах российского военного ведомства, за последние годы в приграничной полосе с Россией «расселилось некоторое количество русских и русско-подданных мусульман, ведущих значительную торговлю и занимающихся хлебопашеством. Поселенцы эти тревожили внимание китайских властей, которые неоднократно обращались в консульство с требованием выдворить наших торговцев с самовольно занятых земель». Тем не менее этот вопрос удалось урегулировать «ввиду того, что наши поселенцы занимали лишь пустопорожные земли», китайские власти обещали представителям Российских властей «их не тревожить» [9, л. 154об.].

Другую часть мигрантов в округе составляли киргизы (казахи). Следует отметить, что до 1925 г. в отношении казахов использовался этноним «киргизы» [10, с. 21]. Первая мировая война и восстание 1916 г. в Средней Азии вызвали массовую эмиграцию в Синьцзян местного населения. По разным данным, в Синьцзяне оказалось от 150 до 300 тыс. беженцев из Российской империи [11, с. 20]. Ситуация осложнилась тем, что между Китаем и Россией не был урегулирован вопрос подданства перемещенного населения.

Китайская сторона расценивала беженство как усиление российского влияния в Синьцзяне и опасалась ввода российских войск на свою территорию [11, с. 21].

Кроме того, с началом Первой мировой войны и последующим падением престижа Российской империи отношение к русским подданным как со стороны китайских властей, так и со стороны местного населения Синьцзяна ухудшилось. С весны 1917 г. российские консулы неоднократно направляли в российское министерство иностранных дел сведения о притеснениях со стороны китайской администрации и о случаях оскорблений русских подданных со стороны местных жителей [12, л. 75].

События Февральской революции практически не затронули русскую колонию в Китайском Алтае, но приход к власти в России Временного правительства обсуждался в столице округа – г. Шарасумэ. Российский консул В.Ф. Люба разъяснял значение произошедших в России событий местному русскому торговому обществу и гарнизонному конвойному отряду [13, л. 314].

Для ознакомления русских колонистов с новым строем в России, приведения их к присяге на верность Временному правительству, создания на местах коллегиальных органов власти в форме исполкомов и третейских судов, оценки численности и конфессионального состава русских колонистов, специфики межэтнических отношений в регионе, а также их материального положения и оказания продовольственной помощи весной 1917 г. в русские поселки Китайского Алтая был командирован прапорщик артиллерии Мошкин. За два месяца он посетил девять русских поселков (Заречный Чонкур, Чонкур, Калгутон, Теректы, Чубур-Чилик, Кульдуден-Булак, Ушаши, Нижняя Дала-Каба и Верхняя Дала-Каба) и составил подробный отчет, отложившийся в Архиве внешней политики Российской империи [полный текст отчета см.: 14].

В Заречном Чонкуре, состоявшем из одиннадцати православных русских семей и трех семей чувашей, проживающие здесь крестьяне, по данным Мошкина, «привыкли смотреть на киргиза как на рабское и бесправное существо, с которым можно лишь расправляться, но не судиться» [13, л. 340]. В поселке Чонкур ситуация была аналогичной: «Например, киргизы молотят хлеб, помогают засаживать и полоть, толкут в ступах просо, плетут из камы-

ша ковры – и за все это получают обрезки хлеба, остатки снятого молока, ни на что не нужное тряпье, да и это подаяние они имеют после долгих просьб и ожиданий. Таким же образом чонкурцы оплачивают и тяжелый труд перевозчика через Бурчум, которым для русских установлена минимальная плата 10 коп. с лошади, тогда как с киргиз они берут и до 50 коп. Не в лучших условиях протекает труд киргиза – постоянного работника, который за рабочий сезон получает 5 пудов семян, право пользования плугом и жалкие остатки обеда» [13, л. 342].

Периодически возникали и столкновения на почве земельных интересов. Например, в поселке Кульдюден-Булак русские крестьяне жаловались на киргиз, которые при кочевке вытаптывали их пашни, а киргизы жаловались на поселенцев, запахавших всю кочевую дорогу. В результате киргизский цзанги Джелмакай попросил российское консульство выселить отсюда самовольно явившихся русских колонистов [13, л. 345].

Пренебрежительным со стороны русских было отношение к киргизам и в поселке Ушаши: русские разбивали посуду, из которой пил «поганый киргиз» и обмывали дверные скобы, за которые «бралась киргизская рука» [13, л. 348].

Однако были и исключения. В старообрядческом поселке Теректы отношения русских крестьян с киргизами были удовлетворительными, хотя и имели место единичные пропажи лошадей с пашен, а также потравы лугов и пашен, что объяснялось отсутствием пастуха и охраны скота [13, л. 343].

Хорошими были отношения русских крестьян с киргизами в поселке Чубар-Чилик. Здесь проживали тринадцать старообрядческих семей. Свое право на запахиваемую землю крестьяне основывали на письменном и словесном разрешениях киргизских старшин [13, л. 345].

Были в русских поселках Китайского Алтая и настоящие «культуртрегеры». Таким был казак Иван Афанасьевич Мокин. Он принимал у себя киргиз за чашкой чая, прекрасно владел киргизским языком, знал их обычаи и нравы. В результате они шли к нему не только за разрешением своих тяжб с русскими, но и за разбором между собой. Работавшим у него киргизам Мокин наряду с жалованием платил выкуп за их невест [13, л. 348].

Причины таких межэтнических отношений были разными. Прежде всего, это огромная этноцивилизационная разница тюркской и восточнославянской культур. Русские крестьяне традиционно являлись весьма замкнутой в социокультурном плане группой с архаичными представлениями об окружающем мире. Они часто опасались, а подчас и не желали принимать кардинально отличающуюся от них культуру, оставаясь в рамках собственных социокультурных границ.

Не последнюю роль во взаимоотношениях с местным населением играли казаки консульского конвоя. Они обладали административной властью на местах. До 1917 г. китайская власть в глазах местного населения не была авторитетной, свобода крестьян была ничтожной, в это время казаки пользовались как уместного населения, так и у колонистов большим авторитетом. После Февральской революции и последующих революционных преобразований в России, предоставивших гражданам, в т.ч. крестьянам, широкие права самоуправления, авторитет казака сохранился только в глазах киргиз, относящихся с уважением к любому носителю власти [13, л. 355]. Крестьяне же, осознавая не только свою свободу, но и безнаказанность, прекратили воспринимать казаков как представитель власти, что приводило к более развязному поведению.

Кроме того, в связи с массовым потоком беженцев восстания 1916 г. из России в регионе существенно осложнилась продовольственная ситуация. Консульству при содействии Правителя Алтайского округа с трудом удалось провести период запашек и посевов весной 1917 г. Однако ситуация оставалась напряженной. Во избежание недоразумений крестьянам было предложено все дела разбирать при содействии возникших в поселках исполнительных комитетов и выборных от туземного населения, а также агентов консульства и китайских властей. Русскими консулами даже обсуждался проект участия китайских киргиз в русских исполнительных комитетах, но он был отклонен Правителем округа [13, л. 357].

Важной причиной сложности межэтнических взаимоотношений являлись проблемы юридического характера: неопределенность юридического положения колонистов и их прав на арендуемые земли, а также отсутствие в местах поселений российских органов исполнительной власти и правосудия.

Следственная власть и судебные функции в пределах компетенции мирового судьи были сосредоточены в руках консула. На местах эта власть осуществлялась консульством через уполномоченных лиц, командируемых в поселки. Такими лицами являлись офицеры консульского конвоя без специальной юридической подготовки и без предоставленного по закону права производить следственные действия. Их работа сводилась лишь к производству дознаний и склонению сторон миром или третейским судом покончить споры, поездки таких лиц не достигали своего назначения, и консулу приходилось для производства следствий и решений дел вызывать граждан в Шарасумэ. Споры и недоразумения крестьян с туземцами, не выходящие за пределы вопросов, подлежащих, согласно трактатам, совместному разрешению консула и цинся, находили разрешение в единоличном постановлении китайского галдая и в совместных съездах спорящих сторон. На этих съездах дела разрешались миролюбивым соглашением при участии казаков и киргизских цзальнов. Однако эти «международные» суды не носили периодического характера и не пользовались вниманием русских колонистов.

Таким образом, права как отдельных лиц, так и целых обществ не находили соответствующей судебной и административной защиты на местах. По мнению российского консульства в Шарасумэ, для осуществления «мирной культурной политики колонизации края в основе общественных и личных отношений, как самих колонистов, так и их с киргизами должны быть положены правовые начала и созданы постоянные, компетентные и авторитетные органы». По предложению консульства такими органами должны были быть: 1) специальный представитель консульства с судебно-административными функциями консула – краевой судья, который, находясь в одном из центральных поселков и периодически совершая поездки по колониям, мог бы исполнять все возложенные на него законом задачи; 2) в каждом поселке необходимо создание выборного народного суда с компетенцией Волостного Суда в России, для которого апелляционной и кассационной инстанцией являлся бы суд краевого судьи. Причем для разрешения дел, где будут затронуты интересы киргиз, должны были привлекаться в качестве полноправных судей киргизские власти или выборные от киргиз. Административное управление на местах должны были сохра-

нить старосты, наряду с возникшими в 1917 г. сельскими комитетами их взаимоотношения, права и обязанности должны регулироваться специальной инструкцией. Только такая судебно-административная реформа, по мнению консульства, могла помочь колонистам построить свою жизнь на началах права и справедливости и «высоко поставить знамя русского гражданина за границей, воспитывая в нем светлое чувство любви к Родине и уважения к туземцам, как членам дружественной нам Великой Китайской Республики» [13, л. 356].

Консульство неоднократно ходатайствовало о скорейшем проведении в жизнь реформ, регулирующих политико-правовое положение русских в Алтайском округе, но эти предложения не нашли поддержки.

Таким образом, в последние десятилетия Российской империи на ее окраинах и вблизи границ произошли серьезные демографические, экономические и политические изменения. Демократизация режима в самой Российской империи и в соседнем с ней Китае отразилась на демографической ситуации по обе стороны границ. Взаимодействие разнотипных в цивилизационном отношении культур стало более сложным. Особенно ярко это проявилось в таком полиэтничном регионе, как в Восточный Туркестан. Алтайский округ Сынцзяна стал в этом плане наиболее показательным примером. Контакты русских поселенцев с местным населением были осложнены особенностями взаимодействия в условиях поликонфессионального общества и неурегулированностью правового положения русских. Предпринимаемые российским консульством попытки решить эту проблему посредством проведения необходимых реформ не увенчались успехом.

Список источников и литературы

1. Козорезова Л.А. К вопросу о переселении крестьян из России в Северный Казахстан (конец XIX – начало XX в.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг.): сб. науч. ст. / под ред. И.В. Курьшева. Ишим, 2006. С. 26-31.
2. Камерон С. Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М., 2020. 360 с.

3. Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX в. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905-1921 гг.): сб. науч. ст. / под ред. И.В. Курышева. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. С. 11-17.
4. Куприянова И.В. Миграции старообрядцев Алтая в 1920-1930-х гг. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: мат-лы конф-ции / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул, 2003. С. 283-287.
5. Восточные ветви в прошлом и настоящем (Коллективная монография) / отв. ред. Д.С. Панарина. М., 2019. 312 с.
6. Тулекова М. Население Семиречья (1867-1920 гг.) // Востокведные исследования на Алтае. Вып. III: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул, 2002. С. 136-143.
7. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. 600 с.
8. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. 345 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп.1. Д. 3685.
10. Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX в.: сб. док-тов и мат-лов / отв. ред. Д.А. Аманжолова. М., 2017. 592 с.
11. Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. 255 с.
12. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357.
13. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640.
14. Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 67-86. URL: <http://www.istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-06.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).

А.А. Насонов, канд. ист. наук, доцент
Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово)
nas.kemgik@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI В.

Изучение истории Сибири с позиции междисциплинарного подхода остается актуальной задачей. Одной из проблем, которая традиционно рассматривается в этом ракурсе, является динамика и специфика форм межконфессионального взаимодействия в Южной Сибири и Центральной Азии. В XX – начале XXI в. определились основные подходы к характеристике этих процессов, однако научно-исследовательский потенциал этой темы на сегодняшний день не исчерпан, о чем свидетельствует обилие современных публикаций. В рамках данной статьи, как представляется, невозможно в полной мере осветить всю сложность процесса изучения межконфессионального взаимодействия, однако можно обозначить наиболее существенные тенденции.

Основу исследований процессов межконфессионального взаимодействия на сопредельных территориях Южной Сибири и Центральной Азии составили изыскания деятелей научных обществ и объединений, оформившихся в Российской империи в XIX – начале XX в. (Императорское Русское географическое общество, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении), а также описания служителей православных миссий, организованных и действовавших в различных областях Сибири и странах Востока.

На рубеже XIX-XX вв. накопление эмпирического материала о специфике вероучений и религиозной динамики Южной Сибири и Центральной Азии произошло в результате проведения комплексных академических востоковедных исследований А.М. Позднеевым, В.В. Радловым, Б.Я. Владимирцовым и другими [1], снаряжения военизированных экспедиций для обследования северной части Цинской империи (Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова,

П.К. Козлова и многих других) [2], изучения религиозной культуры Тибета деятелями бурятского происхождения под видом паломнических поездок (Г.Ц. Цыбиковым [3], Б.Б. Барадийном [4]), описания традиционной культуры сибирских этносов православными миссионерами (например, В.И. Вербицким [5]). Эти материалы стали основой последующих исследований и не утратили свою актуальность по сей день.

Предреволюционный период изучения межконфессионального взаимодействия на территориях Южной Сибири и Центральной Азии отличался разнообразием подходов и исследовательских оценок. Так, предметом научной дискуссии стала сущность синкретического религиозного движения – бурханизма, публично проявившегося на Алтае в начале XX в. Эти споры интересны тем, что отразили разные способы интерпретации особенностей распространения мировых религий в регионе, воздействия их на традиционный комплекс верований, значение трансграничного конфессионального влияния. Религиозная ситуация рассматривалась с позиции борьбы с прозелитарными процессами, в контексте роста популярности миллениаристских идей и сопротивления политике унификации, проводимой государственными административными органами [6, 7].

Под влиянием революционных событий и становления советской государственности в 1920-е гг. акцент при анализе межконфессионального взаимодействия сместился в сторону его характеристики как фактора национально-освободительного движения (работы А.В. Анохина [8], А.Г. Данилина [9] и др.). Позже, в 1930-е гг., под воздействием антирелигиозной пропаганды в исследованиях закрепился тезис об активных религиозных акторах как проводниках националистических реакционных движений, сначала обслуживавших интересы привилегированной верхушки национальных окраин, а затем пытавшихся организовать сопротивление новому курсу советской власти [10, с. 412-424]. Эта установка господствовала на протяжении нескольких десятилетий, не способствуя развитию исследований по рассматриваемой тематике.

В 1960-е – середине 1980-х гг. произошла актуализация проблематики межконфессионального взаимодействия через проведение системных этнографических исследований. Несмотря на со-

хранение концепции религиозных пережитков при характеристике религиозных явлений, этнографы советской школы комплексно подходили к решению научных задач, фиксируя не только бытовавшие формы духовной культуры народов Южной Сибири и Центральной Азии, но детально изучая их предыдущие состояния. Актуализация межконфессиональной проблематики произошла в работах Н.Л. Жуковской [11, 12].

С середины 1980-х гг. стал наблюдаться постепенный отказ от обличительных оценок в отношении религиозных явлений, оживление интереса к изучению исторической динамики духовных процессов, а также произошло расширение спектра научных подходов и исследовательских интерпретаций. Относительно изучения межконфессионального взаимодействия на сопредельных территориях Южной Сибири и Центральной Азии эти историографические тенденции обозначились в работах А.М. Сагалаева [13] и Л.И. Шерстовой [14].

В исследованиях конца XX – начала XXI в. обозначились два подхода, которые условно можно назвать как эндогенный и диффузный. Для представителей первого из них (Л.И. Шерстовой [14], Н.А. Тадиной [15], Н.В. Екеева [16] и др.) характерно восприятие межконфессионального взаимодействия как одного из факторов внутренних этнических тенденций. Представители диффузного подхода (Ю.А. Лысенко [17], А.А. Знаменский [18], А.А. Насонов [19] и др.) выступают с позиции изучения локальных религиозных процессов как составляющих общее региональных, трансграничных и глобальных процессов. Следует отметить, что исследования, проводимые в рамках эндогенного подхода, тяготеют к микроисторическому уровню, а изыскания диффузного подхода оперируют макроисторическими категориями и нацелены на решение проблем сопоставления и определение взаимосвязей южносибирских и центральноазиатских исторических процессов. Эти подходы отражаются на сегодняшний день в коллективных монографических изданиях по конфессиональной проблематике [20].

Несмотря на различия в интерпретациях и споры, периодически возникающие на научных конференциях, оба эти подхода можно рассматривать одновременно как результат изучения межконфессионального взаимодействия на протяжении XIX-XX вв., пока-

затель глубины поднимаемых и обсуждаемых вопросов, так и перечень потенциально возможных направлений развития религиозно-ведческой востоковедной мысли.

Список источников и литературы

1. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998. 344 с.

2. Бойкова Е.В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2014. 264 с.

3. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск, 1991. 256 с.

4. Барадийн Б.Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906-1907 гг.). Улан-Удэ, 2002. 256 с.

5. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. И. Кропачев. Новокузнецк, 2008. 372 с.

6. Новиков И. Волнения и движения среди алтайского язычества в мае и июне текущего года // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 6-8.

7. Клеменц Д.А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1905. Т. XLI. Вып. 1. С. 155-159.

8. Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 162-167.

9. Данилин А.Г. Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993. 206 с.

10. Потапов Л.П. Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с.

11. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. 200 с.

12. Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969-2011. М., 2013. 480 с.

13. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. Новосибирск, 1984. 121 с.

14. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. 288 с.

15. Тадина Н.А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 6. № 4. С. 159-166.

16. Екеев Н.В. Алтай: история и культура (избранные труды). Горно-Алтайск, 2015. 472 с.

17. Лысенко Ю.А. Этапы и особенности институционального развития Русской православной церкви в религиозном пространстве Степного края (XVIII – начало XX в.) // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 3. С. 350-362.

18. Знаменский А.А. «Белая вера» в Горном Алтае: тибетский буддизм, Монголия и ойротское пророчество (1880-е – 1920-е гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 123-151.

19. Насонов А.А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Кемерово, 2013. 198 с.

20. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. Барнаул, 2014. 214 с.

Р.Ш. Харунов, канд. ист. наук

Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Улан-Батор, Монголия)
rkharunov@gmail.com

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Россия – многонациональная страна, на территории которой проживают представители 190 народов. Это обстоятельство определило сложное федеративное государственное устройство, состоящее из 85 субъектов. Каждый из субъектов обладает своими особенностями исторического развития, но с углублением социальной, экономической, культурной и информационной интеграции постепенно складывается осознанная российская идентичность. Необходимо поддерживать этот процесс современной политикой, принимать меры по выравниванию уровня и качества жизни в регионах, снижать социальную дифференциацию, которая может угрожать сохранению единой государственности.

Множество национальных проектов и федеральных программ не может учитывать специфики всех регионов Российской Федерации. В Республике Тыва для решения местных проблем с 2013 г. начали запускать губернаторские проекты, направленные на точечное решение вопросов развития сельского хозяйства, системы образования, муниципальных объектов, спортивного движения и пр. Эта инициатива республиканского масштаба не имеет аналогов в других субъектах Федерации, поэтому все механизмы приходится создавать и отрабатывать по ходу внедрения.

В рамках данной статьи рассмотрим ряд наиболее значимых для республики проектов, результаты которых уже оказали влияние на социально-экономическое развитие Тувы.

Губернаторский проект «Одно село – один продукт»

В Послании Верховному Хуралу на 2013 год Глава Республики Тыва Шолбан Валерьевич Кара-оол объявил о новом губернаторском проекте «Одно село – один продукт», направленном на развитие малого и среднего предпринимательства, открытие и развитие

производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции на основе конкурсного отбора и выделения субсидий и грантов из федерального и республиканского бюджетов.

Всего на реализацию проекта за 4 года была направлена господдержка участникам в размере 884,5 млн руб. Проект побудил инициативные слои населения к предпринимательству, за период с 2013 по 2016 г. появилось 160 стартапов, которыми создано в общей сложности 1744 новых рабочих места.

Совокупный объем продукции и услуг, произведенных участниками проекта, составил 749,7 млн руб. В целом участниками проекта произведено 142 вида продукции в различных отраслях: мясоперерабатывающей, молокоперерабатывающей, рыбопереработке, производстве национальных продуктов питания, производстве стройматериалов, производстве овощной продукции, переработке дикоросов, розливе воды и чайных напитков.

Проект позитивно отразился на развитии отдельных отраслей экономики и социальных показателей, в т.ч. и в сельском хозяйстве. Для реализации произведенной продукции при поддержке правительства республики созданы 6 крупных сельскохозяйственных рынков в Кызыле и кожуунных (районных) центрах, на их площадках организованы ярмарки «выходного дня» [1].

Губернаторский проект «В каждой семье – не менее одного ребенка с высшим образованием»

Проект начался в 2014 г. с целью создания для детей из малообеспеченных семей республики условий для получения высшего образования, доступность которого во многом определяется ресурсным потенциалом их семей.

Основные задачи проекта: подготовка к получению высшего образования ребенком из семьи, в которой в трёх поколениях нет ни одного члена семьи с высшим образованием; социальная поддержка участников проекта – одаренных выпускников школ из малоимущих семей; социализация неблагополучных семей; формирование интеллектуального и образованного общества.

Проект рассчитан на период с 2014 по 2020 г., и его участниками стали выпускники школ, колледжей и техникумов Республики Тыва, соответствующие критериям. При поступлении в вуз и во

время обучения учащиеся могли получить один из видов поддержки в год: выплата стипендии; оплата за обучение; возмещение стоимости проживания в студенческом общежитии; возмещение части затрат на оплату проезда к месту учебы и обратно; возмещение затрат на уплату процентов при предоставлении образовательных кредитов.

Кроме того, в проект входит обучение на подготовительном отделении Тувинского государственного университета в течение 7 месяцев к сдаче ЕГЭ.

Необходимо отметить результативность проведенной работы, например, в 2015 г. в Республике Тыва из семей – участников проекта было 822 выпускника общеобразовательных организаций, из них поступили в вузы 478 чел. (58%).

Губернаторский проект «Кыштаг (зимняя стоянка) для молодой семьи»

Проект запустили в 2016 г. с задачей оказания организационной, правовой и финансовой поддержки молодым семьям из сельской местности в создании собственного животноводческого хозяйства.

После регистрации крестьянских (фермерских) хозяйств молодых семей, власти выделяют земельные участки под летнее и зимнее пастбища, специалисты на местах помогают участникам с оформлением необходимых документов; Народный банк Тувы открывает доступ участникам к льготной кредитной линии для приобретения 200 голов овец.

Строительство зимних стоянок с хозяйственными постройками производится по типовому проекту от Министерства строительства Республики Тыва. На конкурсной основе по результатам полученного приплода скота 100 участникам проекта для электроснабжения установлены солнечные батареи.

Всего для участия в проекте с 2016 по 2019 г. отобраны на сходах граждан 416 молодых семей, в т.ч. в 2016 г. – 105, 2017 г. – 103, 2018 г. – 105, 2019 г. – 103.

Государственная поддержка в рамках реализации проекта производилась за счет следующих источников: субсидии из бюджета республики – 32 326,7 тыс. руб.; субсидии начинающим фермерам на

общую сумму 195 930,0 тыс. руб., в т.ч. из федерального бюджета – 146 493,9 тыс. руб., республиканского бюджета – 49 436,1 тыс. руб.; субсидии из местного бюджета на общую сумму 6747,9 тыс. руб.

По информации администраций кожуунов (районов) по состоянию на 2019 г. общее количество скота всех участников проекта 2017-2019 гг. составляло: крупного рогатого скота (КРС) – 1676 голов, мелкого рогатого скота (МРС) – 68 916 голов [2].

Губернаторский проект «Маршрут здоровья»

Проект стартовал в 2014 г. с целью улучшения медицинских услуг в районах Тувы. Была организована работа выездных мобильных медицинских бригад по комплексному медицинскому обслуживанию населения, особенно жителей отдаленных сел.

В 2014 г. осуществлены выезды во все кожууны (районы) республики, проведена диспансеризация 17 380 чел. и по результатам 378 чел. направлены в специализированные медицинские организации.

В 2015 г. врачами – специалистами детской и взрослой службы осмотрено уже 17 731 чел., и по итогам всех обследований у 41,4% чел. выявлена патология, требующая лечения в условиях специализированных отделений лечебных учреждений Тувы и высокотехнологической медицинской помощи за пределами республики.

В 2016 г. особое внимание было направлено на диспансерные группы населения, в т.ч. чабанов-участников губернаторских проектов «Корова-кормилица», «Кыштаг для молодой семьи».

Губернаторский проект «Корова-кормилица»

Этот социальный проект был рассчитан на оказание адресной натуральной помощи нуждающимся многодетным малоимущим семьям Республики Тыва на период 2016-2018 гг. В соответствии с критериями малоимущая семья, имеющая 5 и более детей, зарегистрированная и фактически проживающая в сельском поселении, могла бесплатно получить корову для обеспечения продуктами питания собственного производства.

Финансовые средства на приобретение скота составляли 13 689,9 тыс. руб. В ходе сельских собраний были выбраны 369 семей (с 1545 детьми) участников.

Губернаторский проект «Формирование управленческих кадров в образовательных организациях из числа мужчин-педагогов»

Данный своеобразный проект был призван возродить в школах гендерные подходы к воспитанию в соответствии с народными традициями, усиливая активное участие в воспитательной деятельности учителей-мужчин.

До начала проекта доля педагогов-мужчин среди 6906 учителей школ составляла 932 чел. К концу 2014 г. их количество увеличилось на 103 чел., при этом 197 чел. из учителей-мужчин трудятся на руководящих должностях – 37 директоров и 160 заместителей директора. В общей численности управленческих кадров мужчины занимают 23,4%.

По результатам 2014 г. в школах снизился уровень правонарушений среди несовершеннолетних на 6,8%, и в этом, несомненно, прослеживается увеличение мужского влияния в школьном воспитании.

Губернаторский проект «Спорт – во дворы»

Миссией проекта является создание и развитие доступной для широких слоев населения инфраструктуры спортивно-массовых сооружений с целью создания условий для занятий физической культурой по месту жительства, приобщение максимального числа детей и молодежи к здоровому образу жизни.

Бюджет проекта составил 28 млн руб. (из республиканского бюджета 16 млн руб., муниципального – 7,81 млн руб., сторонняя помощь в размере 4,6 млн руб.). За два года в рамках проекта установлены сотни турников, отремонтированы и благоустроены волейбольные и баскетбольные площадки, футбольные поля, построены скейт-парк в г. Кызыле и стадион в с. Эрзин, реконструированы 7 стадионов.

Губернаторский проект «Чаа сорук (Новая жизнь)»

В 2019 г. в Послании Главы республики Тыва Верховному Хуралу озвучил идею о создании нового проекта – «Чаа сорук (Новая жизнь)», направленного на создание условий для социальной реабилитации и адаптации бывших осужденных путем содействия в создании своего фермерского хозяйства для профилактики рецидива.

Основная задача проекта – привлечение лиц, освободившихся из мест лишения свободы к ведению традиционных отраслей жи-

вотноводства, что будет способствовать укреплению семьи и созданию благоприятных условий для воспитания детей; увеличение количества лиц. На одного участника размер оказываемой государством помощи будет составлять 1150 тыс. руб. [3].

С высоты федеральных программ данные губернаторские проекты выглядят малобюджетными и локальными по значимости, но в республиканских масштабах несомненна их социально-экономическая эффективность для Тувы. Причем многие результаты мы увидим позже, после получения участниками высшего образования, укрепления здоровья населения, развертывания малого и среднего бизнеса в сельской местности, увеличения сельскохозяйственной продукции и т.д. Помимо этого, одним из важнейших итогов является повышение социальной ответственности граждан, ослабление иждивенческих мотивов в их поведении.

Список источников и литературы

1. Губернаторский проект «Одно село – один продукт». URL: <http://www.khural.org/press/news/2060/> (дата обращения: 10.04.2020).

2. Счетной палатой Республики Тыва проведен мониторинг губернаторского проекта «Кыштаг для молодой семьи» за 2017-2019 гг. URL: <http://tuva24.ru/news.php?id=74289> (дата обращения: 10.04.2020).

3. Информация о ходе реализации нового проекта «Чаа сорук» («Новая жизнь»). URL: <https://mintrudtuva.ru/?p=16902> (дата обращения: 10.04.2020).

Т.С. Хрипля

Омский государственный университет (г. Омск)
starowoitowat@gmail.com

В.А. Жукова

Языковая школа «Омский востоковед» (г. Омск)
furong86@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ АСПЕКТУ НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Лингвокультурологический аспект является неотъемлемой частью обучения иностранному языку, в частности китайскому, независимо от уровня и возраста учащихся. Тем не менее, когда речь заходит об обучении этому аспекту на уроке, преподаватель сталкивается с ограниченным количеством форм внедрения данного аспекта в учебный процесс. Как правило, культурный компонент вводится через рассказ преподавателя, который может сопровождаться различного рода наглядным материалом. При этом учащимся остается только непосредственно воспринимать получаемую информацию, то есть их работа сведена к минимуму.

Полагаем, что обучение культуре можно организовать намного интереснее, задействуя и развивая аналитическое мышление и воображение учащихся. В данной статье мы предлагаем представлять страноведческий материал в виде занимательных заданий, позволяющих учащимся под руководством учителя получать знания индуктивным путем. Курс, основанный на указанной выше методике, считаем целесообразным разделить на два этапа: начальный и продвинутый. При этом подразумевается преемственность изученного материала, т.е. знания, полученные на начальном этапе, учащийся сможет применять при анализе культурных элементов продвинутого уровня. Данный курс может быть использован в дополнение к основному учебному материалу в виде культурологического блока, рассчитанного на 5-10 мин. в начале или в конце занятия.

На начальном этапе учащиеся знакомятся с символикой цветов, цифр, растений и животных в китайской культуре. На продвинутом этапе учащиеся, основываясь на полученных ранее знаниях, анализируют образцы архитектуры, произведения изобразительно-

го и декоративно-прикладного искусства, праздничные традиции и обычаи.

Далее покажем возможные варианты заданий для начального и продвинутого этапов обучения.

1. Начальный этап лингвокультурологического курса.

Задание: Посмотрите на приведенные ниже рисунки и определите, что в китайской культуре символизирует красный цвет (红 hóng), обоснуйте свой ответ (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Китайский новый год

Рис. 2. Традиционная китайская свадьба

Ответ: Красный цвет символизирует праздник или торжество и является счастливым предзнаменованием.

Задание: В какой государственной символике Китая используется красный цвет?

Ответ: Государственный флаг и герб КНР.

Задание: Соедините цифры с созвучными иероглифами и сделайте вывод о том, каким символическим значением наделяются данные числа в Китае (см. табл. 1).

Таблица 1

四	发 (财)
五	久
七	死
八	福
九	(生) 气

Ответ: Цифра «四 sì» созвучна с иероглифом «死 sǐ» (смерть) и ассоциируется со смертью [1, с. 36]. Цифра «五 wǔ» созвучна с иероглифом «福 fú» (счастье) и является счастливым числом [1, с. 42]. Цифра «七 qī» созвучна с иероглифом «气 qì» (сердиться) и ассоциируется с ссорой [1, с. 49]. Цифра «八 bā» созвучна с иероглифом «发 fā» (разбогатеть) и связывается с богатством [1, с. 56]. Цифра «九 jiǔ» созвучна с иероглифом «久 jiǔ» (долгий) и считается символом долголетия [1, с. 63].

Задание: Как вы думаете, когда в Китае отмечают день пожилых людей (敬老节 jìnglǎojié) и праздник Цинмин (清明节 qīngmíngjié), в который поминают усопших родственников?

А. 四月四日、五日或六日 Б. 九月九日 (农历)

Ответ: День пожилых людей отмечают 9-го числа 9-го месяца по лунному календарю, поскольку число «9» символизирует долгую жизнь. А праздник Цинмин приходится на начало апреля, поскольку число «4» связывается с уходом из жизни.

2. Продвинутый этап лингвокультурологического курса.

Рис. 3

Задание: Перед вами традиционная лубочная новогодняя картина (年画 niánhuà) [2, с. 2]. Что обозначают отдельные компоненты рисунка, какой символический смысл они передают? Какое новогоднее пожелание заложено в данной картине (см. рис. 3)?

Ответ: Четные числа в китайской культуре имеют положительное значение (пара детей, карпов, уток мандаринок). Персики означают долголетие. Пара уток-мандаринок символизирует семейное счастье, а рыба – достаток в доме [3, с. 183]. Таким образом, в данной лубочной картине заложено пожелание счастья и долголетия.

Задание: Образы каких животных представлены на данной вырезке из красной бумаги? Найдите перевод чэньюя «马上封侯» (mǎshàng fēnghóu). Какое пожелание выражает данное изображение (см. рис. 4)?

Рис. 4

Ответ: Здесь представлены образы обезьяны, лошади, двух ласточек и бабочка. Иероглиф «猴» hóu (обезьяна) созвучен с иероглифом «侯» hóu (хоу, второй аристократический титул в феодальном Китае), поэтому данное изображение обезьяны, стоящей на спине у лошади, означает «вот-вот пожалуют почетный титул хоу»,

т.е. приближающееся повышение по службе. Две ласточки символизируют счастливое предзнаменование [4, с. 37], а иероглиф со значением «бабочка» (蝴 hú) созвучен с иероглифами «богатство» (富 fù) и «счастье» (福 fú) [5, с. 402]. Таким образом, данная вырезка из бумаги передает пожелание богатства и счастья в связи с грядущим повышением по службе.

Полагаем, что данные задания позволят не только сформировать базовые лингвокультурологические знания, но и помогут превратить учащихся в активных участников учебного процесса, будут способствовать развитию логики и гибкости мышления. Такие знания, полученные в ходе анализа аутентичных материалов и известных произведений искусства, не только хорошо запомнятся, но и существенно расширят кругозор учащихся, а также позволят повысить мотивацию и интерес к изучению языка и культуры Китая.

Список источников и литературы

1. У Сяопин. Самые «китайские» иероглифы и слова (最有中国味儿的字和词：汉俄对照). Пекин, 2010. 156 с.

2. У Гохэн, Ли Гуанцзян. Сборник лубочных картин «няньхуа» поселка Янлюцин (杨柳青年画鉴赏集). Тяньцзинь, 2006. 55 с.

3. Ши Цзи. Панорама китайской культуры. Учебник для среднего уровня. Том 1 (文化全景。中级汉语教程, 上). Пекин, 2009. 186 с.

4. У Цзуин. Занимательное изучение искусства вырезки из бумаги. Животные (趣味学剪纸.动物篇). Пекин, 2018. 182 с.

5. Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: учеб. пособие. СПб., 2004. 960 с.

Л.П. Черникова, канд. ист. наук, доцент
Институт востоковедения Российской академии наук (г. Москва)
Larisa-che@mail.ru

РЕПАТРИАНТЫ ИЗ КИТАЯ: РАЗМЕЩЕНИЕ В СОВЕТСКИХ СИБИРСКИХ ГОРОДАХ И СЕЛЕНИЯХ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Возвращение в неизвестную страну. Статья посвящена процессу репатриации российской эмиграции из Китая после Второй мировой войны, хотя сама тема репатриации затрагивает гораздо больший временной период. В данном случае мы освещаем события приема репатриантов, принципы размещения и условия принимающей стороны (СССР) после войны и в 1950-е гг.

Отметим, что начиная с 1941 г. ежегодная репатриация в СССР имела место из Китая вплоть до 1964 г., после 1945 г. въезд исчислялся несколькими тысячами (по 5-6 тыс.) чел. Таким образом, за 1940-1960-е гг. в СССР въехало более двухсот тысяч человек, но поскольку въезд осуществлялся мелкими партиями, инфильтрацией в небольшие города и поселки урало-сибирского региона, – это возвращение не стало сенсацией века. Мы знаем сегодня о тех репатриантах, чьи имена и последующая деятельность стали известны примерно во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., когда были опубликованы воспоминания и свидетельства бывших репатриантов. Но сотни тысяч безвестных советских граждан, репатрированных в указанное время в удаленные регионы СССР, тяжело

адаптировались в советском обществе, пытаясь «поднять» целинные и залежные земли или принять участие в других трудовых событиях, помогая советскому народу ликвидировать последствия тяжелейшей мировой войны.

Источниками служат документы архива ГАРФ, АВП РФ. Об азиатском векторе репатриационной политики СССР (вторая половина 1940-х гг.) писала Н.Н. Аблажей [1, 2], а также написано немало литературы и статей [3, с. 94]. Также были использованы воспоминания и интервью бывших советских репатриантов, размещенных в Сибири в разных населенных пунктах и городах.

Что касается репатриации из Китая, она происходила с 1920-х гг. до первой половины 1960-х гг. *Первые репатрианты* из Китая вернулись в СССР еще в 1920-е гг., и им удалось даже некоторым образом встроиться в местную жизнь. Нам встречались упоминания в документах и электронной базе «Мемориала» о тех, кто репатриировался на родину в 1920-е гг., а затем был в годы большого террора выявлен как японский, китайский или американский шпион.

Второй массовый поток репатриантов в СССР датируется в связи с продажей КВЖД и репатриацией более 25 тыс. советских железнодорожников, почти на 99% репрессированных в последующие годы как китайские, японские и иных стран шпионы. Репатрианты-железнодорожники с семьями были тогда размещены в городах, где находились вагоноремонтные мастерские или вагоностроительные предприятия: это, главным образом, были предприятия Урала, Сибири, Дальнего Востока. Необходимо подчеркнуть, что накануне репатриации в Китай эти советские граждане пережили немалые трудности и репрессии и даже террор со стороны японских властей [4].

Третий поток репатриантов датируется годами Второй мировой войны и ее окончанием в Китае, т.е. 1940-ми гг. (в т.ч. депортированных). Из репатриантов этого потока немалая часть пострадала от репрессивной машины следственных органов, в вину этим людям был поставлен сам факт пребывания за границей, участие в различных общественных организациях, «сотрудничество с японцами». События этого времени изложены и в воспоминаниях И.С. Ильина, одного из эмигрантов восточной волны. В свидетель-

ствах Ильина описывались ужасы советского присутствия в Китае в августе-сентябре 1945 г. [5, с. 130-152]. В частности, автор вспоминал, что число внезапно схваченных советской контрразведкой эмигрантов в то время определялось примерно в 5-10 тыс. человек.

Четвертый поток – это репатрианты из Китая периода 1947-1964 гг. По последним двум периодам можно нарисовать схему возвращения в СССР репатриантов из Китая в период с 1940-х по 1960-е гг.:

1940-е гг. (1939-1943 гг., Вертинский + Сталинградская битва).

1944-1945 гг. – ГАРФ, документы по репатриации.

1946-1949 гг. – ГАРФ, документы по репатриации.

1950-е гг. (1950-1956 гг.) – АВП РФ, ГАРФ, документы по репатриации.

1957 г. – ухудшение советско-китайских отношений после XX съезда КПСС.

1958-1959 гг. – Большой скачок в Китае 1958-1961 гг., обострение советско-китайских отношений.

1960-е гг. (1960-1966 гг.) – разрыв отношений и высылка советских специалистов и дипломатических сотрудников.

Перед началом Второй мировой войны в состав Западной Сибири включались Алтайский край, Новосибирская и Омская области (по административно-территориальному устройству 1939 г.). Таким образом, регион вбирал в себя типично сельскохозяйственные районы (Алтайский край, юг Новосибирской и Омской областей) в сочетании с индустриально развитым, высоко урбанизированным Кузбассом (территория современной Кемеровской области, выделившейся из состава Новосибирской области в 1943 г.). Самыми крупными городами Западной Сибири в январе 1941 г. по-прежнему оставались Новосибирск (451 тыс. жителей), Омск (301 тыс.), Сталинск (178 тыс.), Барнаул (165 тыс.), Томск (149 тыс.), Кемерово (143 тыс.), Прокопьевск (115 тыс.) [6]. В Западно-Сибирский регион (по современной сетке) входят: Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ. В Дальневосточный регион сегодня входят: Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Саха (Яку-

тия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Из Сибирского пространства в Восточно-Сибирский регион (по современной сетке) вошли: Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область.

В 1947 г. по прибытии в Находку репатрианты были определены в города центральной части России¹, Урала и Сибири.

Согласно живописному рассказу О. Лундстрема, история въезда в страну в 1947 г. имела несколько драматический оттенок. «А мы еще когда в Шанхае собирались в дорогу – поспорили. Мои женщины (мама и тетки) говорят: надо бы купить замки покрепче для ящиков, чтобы чего не украли. Я возмутился: как же так вы можете?! Это же подумать только – в стране социализма разве может быть воровство?! В общем, разругался с ними, замки вешать не стали. В то время с вагонами была, видно, напряженка после войны, и нас посадили в некий «пассажирский» поезд («теплушку» – Л.Ч.)... А в хвостовые вагоны собирали отбывших срок уголовников, они там ехали в одном из вагонов. И на какой-то станции кто-то из пассажиров подбегает к нам и кричит, что наш вагон обворовали. А мы сами едем в теплушках, а имущество оркестра, весь багаж – в отдельном грузовом вагоне. Мы бросились туда. Видим: пробита топором стена, ну и сундуки вскрыты топором – и оттуда вытащили всякие костюмы наши, вещи экзотические китайские и т.д. Моментально по селектору дали сигнал на следующую станцию. Милиция и охрана сразу же подошли к вагону с уголовниками. Приказали: – Открывай! Выходи по одному! – Они начали выскакивать. – Снимай тулуп! (а под ним смокинг надет, и так все с тюками, – кто во что горазд). Их тут же всех собрали и завернули назад, в Сибирь. После этого – мы тоже быстро научились! – нарежали дубинки березовые и стояли на площадках – наготове. Холодно было уже, ноябрь. В Иркутске было минус 40! Мы таким образом и приехали...» [7].

К месту назначения ехали в теплушках, питаюсь весьма скудно (выданной им селедкой и тем, что удавалось выменять на вокзалах,

---

¹ Главным образом в Казань, Пермь и Свердловск.

жертвуют, главным образом, своей дефицитной в те послевоенные годы одеждой). Однако, судя по воспоминаниям Н. Ильиной, Л. Хаиндровой и других переселенцев, это не очень их смущало. Ведь они ехали на Родину. Так или иначе, расселившись по городам, они находили свое «место под солнцем» – жили в первое время на частных квартирах, устраивались на работу, продолжали учебу. После репатриации высшие учебные заведения страны наполнились десятками русских студентов из Китая, которые стремились получить дипломы по разным специальностям [3, с. 92].

По документам архивов, в сибирские области и края в 1954 г. въехали репатрианты, разместившись в самых разных городах и поселках.

Таблица 1

Справка о размещении семей советских граждан, прибывших из КНР в области и края РСФСР

№ п/п	Области и края	Количество прибывших семей	Прибыло человек	Трудоспособных:		Кол-во МТС
				Всего	В т.ч. мужчин	
1.	Алтайский край	75	244	179	76	10
2.	Красноярский край	175	460	369	167	32
3.	Иркутская обл.	75	254	161	74	12
4.	Кемеровск. обл.	101	258	187	88	10
5.	Курганск. обл.	75	209	148	71	15
6.	Челябинск. обл.	103	371	268	126	9
7.	Новосибир. обл.	150	470	343	147	46
8.	Омская обл.	151	454	355	146	12
9.	Чкаловск. обл.	100	322	241	107	12
	Всего:	1005	3042	2251	1002	158

Начальник Главного переселенческого управления В. Волчков /без даты/ [ноябрь 1954 г.]» [8, л. 61].

При конкретных случаях размещения совграждан из Китая (репатриантов) происходили настоящие драмы и даже трагедии в жизни людей, попавших в Сибирь без соответствующей экипировки и психологической подготовки накануне суровой зимы. Так, репатрианты писали письма с просьбой о возможности вернуться в Китай, мотивируя это отсутствием теплой одежды, атеизмом окружающего советского населения, непониманием самой социальной среды в СССР. Но ведь это – не преступление, правда? – читается между строк их прошений о выезде обратно в Китай [9, л. 26-26об., 27]. Самое известное объяснение такому положению дал в свое время Ремарк: «Люди, не имевшие корней, были чрезвычайно нестойки – в их жизни случай играл решающую роль» [10].

Действительно, многие репатрианты были совершенно не приспособлены к сибирским реалиям послевоенного времени (кто бы усомнился). Так, в ноябре 1954 г. были зафиксированы довольно многочисленные случаи спешного избавления совхозов от грамотных и настойчиво требующих нормальных условий репатриантов (в первую очередь – от активно «качающих права»). По Новосибирскому облуправлению сельского хозяйства прошел приказ № 514, запрещающий без ведома управления отправку в Новосибирск (куда репатрианты мечтали попасть) «возвращенцев» из Китая. «Запретить директорам МТС увольнять с работы по сокращению штатов граждан, прибывших из КНР», – гласил вердикт и.о. начальника Облуправления сельского хозяйства области В. Кислова [11, л. 14]. В частности, среди прочих в приказе описывались два вопиющих случая отправки ст. бухгалтера МТС тов. Жутаева М.А. (уволенного по сокращению штатов), вынужденного выплатить шоферам по 100 руб. каждому за переезд на автомашинах до г. Новосибирска. Также упоминается работавший в штате МТС тов. Чепцов П.В. [12], «потерявший в настоящее время трудоспособность в результате несчастного случая», жена которого также оказалась не трудоустроена. Семья жила «в крайне тяжелом материальном положении, не обеспеченная на зиму топливом, картофелем, овощами, теплой одеждой, валенками...». В приказе указывалось, что с шоферов надлежит взыскать по 100 руб. в пользу МТС (странная справедливость. – Л.Ч.), и «оказать необхо-

димую материальную помощь семье Чепцова, а также трудоустроить его жену» [11].

Льготы переселенцам давались всего лишь на 2 года [13, л. 181]. Всего, например, Алтайский край принял 4100 семей (больше, чем планировалось) [14, л. 120, 153].

Таким образом, за годы войны в советские консульства и на имя командования Советской армии обратились несколько сотен тысяч людей с просьбой о принятии в совгражданство. Первый вывод: в результате победоносной Великой Отечественной войны Советского Союза изменилось политическое лицо русской эмиграции в Китае. Аналогичные изменения произошли и в других странах.

За этим последовал Указ Президиума ВС СССР, предоставивший бывшим подданным царской России возможность приобрести гражданство СССР и лицам, потерявшим гражданство СССР, – восстановить его. В результате на 30 сентября 1946 г. в Китае было подано 155 090 заявлений о приеме и восстановлении в гражданстве СССР. Из них по Маньчжурии – 47 564, по Северному Китаю и Шанхаю – 12 529, по Синьцзяну – 94 997. Итого 155 090 чел. [15, л. 57-68].

Репатриация советских граждан и бывших российских подданных в СССР проходила по окончании Второй мировой войны и после февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г., посвященного подъёму целинных и залежных земель, в результате чего было принято решение правительства о привлечении к разработке целины русских, живущих в Китае. В результате репатриации в СССР было ввезено около 140 тыс. чел.

В ходе рассмотрения источников и собственных размышлений автор приходит к выводу о типичном положении в России-СССР, когда «гладко было на бумаге, да забыли про овраги», и документы партии и правительства входили в полное противоречие с жизненными обстоятельствами и условиями на местах, отсутствием квалифицированных кадров, нежеланием коренных советских тружеников (об эмпатии и речи не было) входить в положение неприспособленных к сельскому труду эмигрантов – бывших служащих на иностранных предприятиях в Китае.

После тяжелейшей Второй мировой войны эмигранты на советской земле постоянно чувствовали свою вину в связи с неуча-

ствием в героическом сопротивлении советского народа. И все же, при всех бытовых недоразумениях и неурядицах, эмигранты обрели родину и заботу государства, определенные права (отягощенные нередко особого рода надзором), а со временем все без исключения репатрианты из сельской местности перебрались в города Сибири (Новосибирск, Иркутск, Тюмень, Кемерово, Красноярск и др.), а некоторая их часть – и в европейскую часть СССР. Это было связано с тем, что репатрианты были «людьми следующего этапа развития», стремящимися в города, и активными акторами истории, коренные же советские люди были воспитаны в традиционалистских устоях, в сохранении обычного образа жизни в сибирской глубинке.

Список источников и литературы

1. Аблажей Н.Н. http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/social-ekonom/Ablazhej_S_vostoka_glava_3-4.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

2. Аблажей Н.Н. Русские эмигранты из Китая: репатриация, карательная политика и трудоустройство во второй половине 1940-х годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4 (45). С. 24-35, 6 ч/б ил. Примеч.: С. 24. Библиогр.: С. 34-35.

3. Таскина Е.П., Мухин И. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40-50-х годов XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91-99.

4. АВП РФ. Ф. 100б. 1935 г. Оп. 2. Пап. 11. Д. 10. Политические преследования граждан СССР [со стороны японских властей]; Ф. 100б. 1936 г. Пап. 16. Д. 11. Политические преследования граждан СССР (аресты, обыски, депортация и т.д.) [со стороны японских властей]. Референтура по Маньчжурии.

5. Ильин И.С. Советская армия в Харбине // The New Review. Новый журнал. Кн. 96. Нью-Йорк, The New Review Publishing, 1969. 457 с. Ильин в 1942 г. был уволен из японской военной школы за «оборончество» и остался без работы.

6. Исупов В., Коробейникова Н., Семенов М. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939-1945 гг. // Демографическое обозрение. № 2. М., 2016. Т. 3. С. 144-170. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-zapadnoy-sibiri-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny-1939-1945-gg> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Лундстрем О.Л. Как мы возвращались из Шанхая. Из фильма «Осенние портреты». Дорога домой. Телекомпания Альма Матер, 1998; Из беседы с В. Дерингом, Казань, май 2008 г. Из собр. Л.П. Черниковой.

8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 124.

9. АВП РФ. Ф. 100. 1948 г. Оп. 35. Пап. 138. Д. 8.

10. Ремарк. «Тени в раю». <http://www.peremeny.ru/blog/9767#more-9767> (дата обращения: 14.12.2011).

11. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 124.

12. ГАХК. База данных БРЭМ: Чепцов Павел Васильевич. Даты документов 1936-1948. 5 листов.

13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 123.

14. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 125.

15. Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию) // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. 1947 г. П. 132. Д. 48.

Л.И. Шерстова, доктор ист. наук, профессор
Томский государственный университет (г. Томск)
Sherstova58@mail.ru

УЛУСНАЯ ТРАДИЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА СИБИРСКИХ НАРОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XX В.: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Несмотря на то, что проблеме выделения евразийской цивилизации в отечественной историографии и общественно-политическом пространстве уделяется значительное внимание, чаще всего это сводится к идеологизированным и геополитическим конструкциям. Между тем в исследованиях основателей концепции евразийства П. Савицкого, Н. Трубецкого, Г. Вернадского, а также Л. Гумилева заложены методологические принципы определения специфики евразийской цивилизации. В связи с этим особое значение приобретает понятие «месторазвитие», по поводу которого

П. Савицкий писал: «Россия – Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический... “ландшафт”» [1, с. 283]. Образование такого ландшафта во многом являлось следствием этнокультурных процессов, протекавших в Северной Евразии. Поэтому евразийство можно определить как синтез культурных явлений, включая социальные институты и политические отношения разновременных и разноэтничных общностей как европейского, так и азиатского происхождения на территории Евразии, как результат широтных миграций населения как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток. Вместе с населением непосредственно или опосредованно переносились культурные элементы и социальные институты, которые закреплялись у населения региона, принимая схожие формы и общепонятное содержание [2, с. 264].

Особое понимание связи «земли и людей», воплотившееся в концепции евразийцев, наложило отпечаток на восприятие ими российской истории. Поэтому в их работах большое внимание уделялось «монгольскому наследию» в развитии российского государства и государственности. В середине XV в. Золотая Орда рассыпалась на несколько небольших ханств. «Правители Москвы, – писал Г. Вернадский, – были достаточно проницательными, чтобы извлечь выгоду из нового положения вещей... С основанием в 1452 г. вассального княжества в Касимове Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [3, с. 21].

Из восприятия обитателей Сибири как «изначально» подданных Москвы проистекал государственный патернализм. Поскольку все народы Сибири (присоединенные и не присоединённые) считались заведомо «подданными» – с ними следовало обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью».

О государственных интересах свидетельствуют указы Бориса Годунова (1604 г.) и Василия Шуйского (1608 г.) сибирским воеводам, дословно повторяя друг друга: «И они б сибирские земли всякие люди... и братью и дядью и племя и племянников, и друзей отовсюду призывали и волости полнили» [4, с. 140]. Отсюда – сохранение и даже создание таких податных единиц, которые бы определялись самим наличием тяглого контингента, а не жесткой

пространственной привязкой или четкими географическими границами. Поэтому сибирской администрации пригодилась давно воспринятая московской властью центрально-азиатская традиция государственного устройства через улус. Под этим термином в Золотой Орде подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение»; народ, данный в феодальное держание [5, с. 118].

Возникнув в «кочевых империях Евразии» как наиболее удобная форма социальной организации, улус был воспринят монголами и в какой-то степени внедрен в московскую государственность, т.к. в допетровской Руси под влиянием монголов функционировала аналогичная административная система. «Каждый район..., способный выставить десять воинов в сочетании с другими такими же составлял сотню..., десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали тьму (от монгольского «тумен»)...., т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – ревизских душ в Российской империи» [3, с. 74]. Таким образом, московские власти у большинства народов Сибири обнаружили уже привычную и для них форму образования административно-фискальной единицы, в основе которой лежали не размеры территории, а наличие населения, также имевшую центрально-азиатское происхождение, но несколько адаптированную к российским условиям.

Русская власть опиралась на уже существовавшую в Сибири податную систему – сибирские ханы собирали ясак с хантов и манси, ханты стремились подчинить манси, а ненцы – хантов; в степных пространствах от Урала до Енисея дань собирали калмыки (джунгары) и енисейские киргизы, кеты платили дань бурятам и тунгусам, а якуты собирали дань с тунгусов и ламутов и т.д. Перед русской властью стояла задача не столько создания административно-фискальных единиц, т.к. у большинства сибирских народов они были, сколько их переориентация в свою пользу.

Сибирские материалы XVII в. позволяют понять, насколько глубоко в московской государственности укрепилось евразийское понимание значимости численности подвластного населения для величия государства. Многочисленность зависимых людей, объединенных в рамках административно-фискальных единиц, в осно-

ве которых лежал «центрально-азиатский улус», чьим аналогом в Сибири являлась аборигенная волость, обеспечивала реальную и ментальную силу сибирских воевод, московских царей и государства в целом. Вопрос о праве на землю решался тезисом «чьи люди, того и земля», что существенно отличало московскую государственность от западноевропейской – «чья земля, того и люди», но сближало с центрально-азиатской и китайской моделями.

Важно также обратить внимание и на то, что образ московских правителей легко вписался в привычную картину мира сибирских аборигенов. Обычным эпитетом московских государей был термин «Белый Царь». В связи с этим напомним, что Золотая Орда вплоть до XV в. официально именовалась «Белая Орда». Ее распад и усиление Москвы воспринимались сибирским населением как политическая междоусобица в границах единого политического пространства, и, следовательно, одержавший верх правитель приобретал соответствующий титул и прерогативы. Таким образом, не только московские цари смотрели на себя как на наследников Орды, но и зависимое от монголов или находившееся под их контролем население Сибири воспринимало правителей Москвы в том же качестве. Это обстоятельство также облегчало продвижение русских по Сибири и снижало ментальное отчуждение от последних.

На укорененность евразийского представления об отсутствии прямой связи населения с землей в смысле государственности не повлияли ни модернизационные процессы Петра Великого, ни реформы М.М. Сперанского. С передачей Колывано-Воскресенских горных заводов в безраздельное владение императрице Елизавете, все земли по Иртышу, Верхней и частично Средней Оби стали собственностью императорского дома, подчиняясь Кабинету Е.И.В. К началу XIX в. к заводам и рудникам было приписано фактически все сельское население Томского и Кузнецкого уездов, и в ведении губернских властей осталась лишь небольшая часть государственных крестьян и ясачные аборигены.

Таким образом, с середины XVIII в. аборигенное население Южной Сибири оказалось в ситуации, когда оно административно подчинялось губернскому правлению, а проживало на землях, принадлежавших Горному ведомству, т.е. Кабинету.

Особое положение Колывано-Воскресенских заводов и их администрации косвенно затрагивало интересы губернских властей

на монопольное владение Южной Сибирью. Отсюда их явная незаинтересованность в розыске и наказании виновных, особая подозрительность по отношению к действиям чиновников горного ведомства. Губернские чиновники нередко открыто противостояли представителям Горного правления, защищая права подчиненного им населения. В 1830 г. в Томскую казенную палату обратился кузнецкий окружной землемер Павел Берестов. У него случился конфликт с шихтмейстером Нечкиным, поводом для которого послужило то, что последний наказал палками «лучшего из инородцев Андрея Мандеева губернского ведомства». Берестов «вошел в защиту обиженного», и тогда Нечкин обвинил его в том, что он «человек вредный и совершенно не знающий закона, т.к. вступился в разбирательство людей, себе не принадлежащих». Коллизию рассматривали лично Томский гражданский губернатор и главноначальствующий Колывано-Воскресенских заводов, после чего губернские власти потребовали издать специальное распоряжение «О вменении чиновникам со стороны Горного ведомства, командированным для размежевания земель, чтобы они отнюдь не дозволяли себе делать какие-либо притеснения, и тем паче обиды крестьянам или ясадным губернского ведомства» [6, л. 245-247].

Улусная традиция организации податного аборигенного населения проявилась в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) в виде широкой автономии, позволившей ему иметь свое сословие, органы самоуправления, право на сохранение своего образа жизни, что подкреплялось правом «на земли, ими обитаемые». Проявлением несвязности населения и территории стало выделение нескольких экстерриториальных инородных управ. В этом смысле весьма показательным существованием в XIX – начале XX в. Кумышской и Шуйской инородных управ Томского округа, которые вообще не имели собственных территорий. Население Кумышской управы было разбросано по 20 селениям в 3 крестьянских волостях Томского и одной волости Кузнецкого округов. Эти аборигены ни в административном, ни в податном отношении не сливались с русскими крестьянами, хотя и проживали в смешанных деревнях и сильно обрусели.

Сибирские материалы XVII – начала XX в. конкретизируют черты евразийской цивилизации, проявлением которой, среди прочего, были «несвязность» территории и населения, а также и

стремление государства увеличивать численность подданных – т.е. того, что определяет суть центрально-азиатского улуса. Его укорененность в московской государственности позволила ему не только сохраниться, но и весьма причудливо трансформироваться, несмотря на административно-фискальные преобразования Сибири в XVIII-XIX вв., т.к. и сама Сибирь была частью евразийской цивилизации задолго до прихода русских.

Начало XX в. для Российской империи ознаменовалось усилением европейских тенденций в ее развитии, проявлением чего в Сибири стала административно-аграрная реформа П.А. Столыпина. Именно тогда, несмотря на сопротивление аборигенного населения, порой приобретающее ярко враждебную форму, окончательно были ликвидированы улусные традиции московской государственности. В результате преобразований аборигены были слиты с крестьянами, образуя в административно-фискальном плане единые волости, жестко соотносимые с конкретной территорией. Наконец-то сибирские народы были «привязаны» к земле, а их права и обязанности, за малыми исключениями, стали идентичными крестьянским. Евразийская цивилизация со своими социально-политическими институтами, культурным и ментальным наследием наконец-то и в Сибири уступила модернизационным процессам «европеизации». Двухсотлетнее противостояние двух цивилизационных начал в России фактически закончилось.

Список источников и литературы

1. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
2. Шерстова Л.И. Мировоззренческие константы русско-аборигенных коммуникаций в Сибири // Коммуникативная культура: история и современность: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф-ции (в рамках Международного научного форума «Наследие»), 1 ноября 2019 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 264-271.
3. Вернадский Г.В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
4. Древнейший документ о нашем городе // Томск. Март-июнь. 1946. С. 138-142.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 270 с.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 2. Д. 21.

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ»

С.А. Ан, доктор филос. наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет
(г. Барнаул)
sveta.an.2021@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ФЕНОМЕНУ СЛАВЫ

Актуальность исследования феномена славы в том, что слава выражает глубинную потребность общества в кумирах и в оценке личных заслуг наиболее значимых людей.

Понятие славы связано с древностью, поскольку прославились племенные вожди, позже – императоры, полководцы, затем – учёные, сегодня – актёры. Причём слава не была источником доходов.

Сегодня потребность в славе отдельных лиц и общества также востребована. Блестящий пример её выражения – это недавно вышедшая из провинции инициатива шествия «Бессмертного полка» в День Победы в Великой Отечественной войне.

Важно отметить, что слава и известность входят в те ресурсы, обладание которыми создаёт в обществе неравенство. Люди неравны по своим способностям уже от природы. Они неравны по социальному, материальному положению. Также нужно учесть, что стремление к славе формирует ценностные установки все большего числа людей, что конкуренция за неё постоянно растёт.

К исследованию феномена славы учёные обратились не так давно. Обратим внимание на работу Л.Е. Гринина [1], в которой он доказывал, что в последние десятилетия все более заметным и влиятельным становится социальный слой, названный им «люди известности», по аналогии с «людьми знания» П. Бергера, главный капитал которых образование [2]. Эта социальная группа становится знаменитой, если в неё входят популярные люди, эксплуатирующие свою известность, конвертируя её в разные блага: в деньги,

должности, связи, основная часть которых исходит от широких масштабов и высокого уровня её известности.

Известно, что титул, власть, богатство можно передать по наследству. Но завещать славу невозможно (хотя родственники селебрити активно пользуются их именем). Отметим: если ранее слава выступала как дополнительная социальная характеристика, то сегодня она становится основной характеристикой большого количества людей, и конкуренция за неё постоянно растёт. В последние годы по телевизору регулярно идут популярные детские и взрослые программы «Минута славы» и подобные им под другими названиями. Участники многочисленных конкурсов сразу объявляются звёздами. Явно завышается оценка и самооценка личности.

Монотеистические религии боролись со стремлением людей выделиться и выделить кого-то из общества. Это объясняет одну из заповедей декалога Моисея: «Не сотвори себе кумира». Религии были против гордыни – в христианстве это один из семи смертных грехов, а без гордыни стремление к славе невозможно.

Безусловно, в любом обществе слава имеет социальные функции: 1) создаёт мотивацию поведения; 2) способствует поддержанию традиций в обществе; 3) посмертная слава является особой формой коллективной памяти; 4) служит одной из наиболее гибких форм социальной стратификации и мобильности.

Феномен славы тесно сопрягается с темой героизма. Уроки истории воспитывают волю, учат бдительности [3]. Об исторических героях написано немало книг. В своих трудах Геродот, Фукидид, Плутарх, А. Тойбни, Н.А. Берядев, Э. Фромм и другие размышляли о творческой активности человека, его подвиге, героизме. «История оригинального человека, – писал Т. Карлейль, – достойна того, чтобы её знать. Сила воли, вошедшая в плоть и кровь существа, созданного одинаково с нами, имеет в себе что-то привлекательное... О всяком человеке, который избрал себе особый путь жизни, куда бы, впрочем, этот путь ни привёл, – и прошёл его с успехом, мы всего более стараемся узнать, как он совершил этот путь, и что ему на пути встречалось» [4, с. 263]. А современный узбекский философ Р.Р. Замилова справедливо замечает, что героизм в человеческой личности формируется, прежде всего, знанием истории своей страны, лучших традиций народа, уверенностью в правоте дела,

ради которого люди шли и идут на подвиг» [5, с. 47]. Безусловно, героизм и подвиг, готовность к ним в духовном наследии народа являются собой важнейший стратегический фактор мощи страны, показатель крепости государства, его военной организации. Ведь человек себя проявляет настоящим воином только тогда, когда он убеждён в духовной правоте своего государства, своего жизненно-го дела, черпает в них свою решимость к ответственным героическим свершениям, о чём свидетельствует история и её биографы.

Представляется важным обратить внимание на то, что в мифологическом сознании, сформировавшем основы культуры у каждого народа, слава героев породила эпос. Появились профессиональные сказители, которые слагали поэмы о великих воителях и культурных героях. Причем в русских былинах, исландских и скандинавских сагах, алтайском героическом эпосе и других этносов часто в основе сказания лежали реальные события и герои.

Также отметим: выдающиеся путешественники нередко становятся героями мифов и преданий, начиная с греческих аргонавтов. Пантеон таких славных героев пополнился представителями эпохи великих географических открытий. С развитием религиозного сознания прославляются пророки, основатели храмов. В Новое время прославляются ученые, сделавшие существенный вклад в науку.

Мощной информационной технологией в развитии феномена славы стала письменность. Она расширила и увековечила возможность поддержаний феномена славы. Письменное слово позволило прославиться значительному слою интеллектуалов-философов, писателей, историков, ораторов, особенно в античном обществе и в Китае. Недаром К. Ясперс назвал этот период «осевым временем». Одновременно с письменностью возникли различные канонические тексты, некоторые из них запечатлели образы выдающихся религиозных деятелей.

С появлением государств возникло новое поле для реализации возможностей правителей, стремящихся к славе, и материальная база для её закрепления: символические памятники, мавзолеи; их публичная письменная информация: указы и пр. Мы, потомки, до сих пор изучаем законы Хаммурапи и законы Ману.

Уже в Древней Греции ценилась спортивная слава. Она не была коммерческой как сегодня. Победитель олимпийских игр имел

привилегию от сограждан пожизненно обедать за счёт города. Причем такие привилегии не покрывали затрат на подготовку спортсмена. А победа не давала средств к богатой жизни, несмотря на славу.

С XIX в. к славе в Европе и в России присоединяется благотворительность купечества. Например, имя купца П.М. Третьякова сохранится надолго у потомства – любителей живописи. Имена бийских купцов Морозовых связаны с благотворительностью в сфере образования.

В конце XX – XXI в. резко возросла роль развлекательного бизнеса. Одной из веских причин этого процесса явилось появление новых технических средств: фотографии, звукозаписи, кино, телевидения, массового развития грамзаписи, Интернета. Теперь актёру или блогеру возможно сыграть одну роль, и он приобретает всенародную известность, даже славу. И этому могут способствовать два фактора: 1) положительный, когда действительно талантливое или героическое становится знаменитым; 2) отрицательный, когда нечто искусственно раскрученное возводится в ранг славы, когда возникают случайные «звезды», включая детей, когда слава проплачивается. С нашей точки зрения, даже талантливый, хорошо «раскрученный» на гастролях портится как личность. В современном обществе потребления известность начинает производиться по определённым технологиям, превращаться в товар, продаваться и покупаться.

Таким образом, в обществах с жёстким социальным расслоением и антагонистическими отношениями существовала социально-идеологическая оценка славы. Поэтому Пугачев с позиции дворянства и государства был разбойником, а с крестьянской точки зрения – народным героем, которого прославляли песни, образ его описал А.С. Пушкин. Сегодня удельный вес известности и даже славы со знаком минус повышается. Кроме того, как справедливо отмечает известный кинорежиссер А. Кончаловский: «Сегодня слава создаётся манипулятивно, с помощью СМИ. Она стоит денег» [6]. А феномен славы представляет собой социально-культурный ресурс, являющийся элементом лидерства и обеспечивающий её обладателям статусные материальные или моральные преимущества, реальный или мнимый авторитет.

Список источников и литературы

1. Гринин Л.Е. Феномен славы. Историко-культурный экскурс // Человек. 2011. № 5. С. 171-178.
2. Бергер П.Л. Капиталистическая революция: Пятьдесят предложений к процветанию. Равенство и свобода. Нью-Йорк, 1986. 216 с.
3. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому. Ташкент, 1997. 274 с.
4. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. 344 с.
5. Залимова Р.Р. Роль героической личности в истории // Вестник Российского философского общества. 2015. № 1. С. 45-47.
6. Кончаловский А. Победа рынка над искусством // Рос. газета. 2005. 9 февр.

П.А. Афанасьев, канд. ист. наук

Алтайский государственный педагогический университет

(г. Барнаул)

pavel_afanasev@mail.ru

БАЙСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Е.П. КЛЕВАКИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00448.

Евгений Поликарпович Клевакин – рядовой представитель российской провинции, живший во второй половине XIX – начале XX в. Для алтайских историков и краеведов он известен тем, что оставил после себя уникальное по полноте и видовому разнообразию рукописное наследие, сконцентрированное в его личном фонде в Государственном архиве Алтайского края. Поскольку первую половину жизни его автор провел на Урале, переехав в Западную Сибирь лишь в 1883 г. в возрасте 42 лет, то алтайские историко-краеведческие исследования долгое время отображали жизнь

Е.П. Клевакина лишь во второй ее половине. Учитывая региональный интерес к его документальному наследию, провинциальный чиновник интересовал исследователей преимущественно как автор воспоминаний и писем о своей службе и жизни на Алтае, а его личность оказывалась в тени оставленных им источников. Это в полной мере касается первого места пребывания Е.П. Клевакина на Алтае – Бийска, куда он приехал служить весной 1885 г. Историки неоднократно обращались к запискам Евгения Поликарповича о Бийске. Его воспоминания послужили единственным источником информации о стачке рабочих, произошедшей во время строительства городской тюрьмы [1, с. 363]. Записки о Бийске первыми из всего документального наследия мемуариста были введены в научный оборот и опубликованы А.В. Старцевым [2]. Позже они неоднократно переиздавались в краеведческих изданиях в более или менее полных вариантах [1, с. 357]. Однако само пребывание Е.П. Клевакина в Бийске получило относительно целостное описание лишь в недавнем биографическом очерке о нем [3, с. 47-50]. Поэтому настоящая статья посвящена не столько событийной реконструкции, сколько оценке места и роли бийского периода в жизни и службе Е.П. Клевакина, с которого начался алтайский этап в его биографии.

Долгое время единственным источником о бийском периоде жизни Е.П. Клевакина были только его же воспоминания и записки [1, с. 3-106]. Несмотря на стремление их автора к беспристрастному описанию стороннего наблюдателя, в некоторых их моментах заметно его стремление к выделению своей роли. Лишь недавно во время изучения личного фонда Е.П. Клевакина и подготовки его материалов к публикации были обнаружены новые источники. К ним относятся фельетоны газеты «Восточное обозрение», затронувшие отдельные аспекты служебных начинаний Евгения Поликарповича [4, 5]. Также сохранились единичные делопроизводительные материалы, характеризующие службу Е.П. Клевакина с позиции его непосредственного начальника и освещающие ее по-иному, нежели авторские эго-документы [6]. При этом делопроизводство не сохранило деталей службы Е.П. Клевакина в Бийске, поэтому его воспоминания, а также письма по-прежнему остаются основным источником информации о бийском периоде его жизни.

Перевод Евгения Поликарповича на службу в Бийск оказался неожиданным. Еще будучи смотрителем Томского тюремного замка, Е.П. Клевакин стал хлопотать о возможности перевода на другую должность, мотивируя это ослаблением здоровья на тюремной службе. «Просился у начальствующих лиц о перемене места служения и тоже ничего не вышло – один превосходительный сказал: “...переводить некуда, мест нет”», – писал он о своих хлопотах по этому делу своему дяде [7, л. 72]. Поэтому когда 11 февраля 1885 г. состоялось желаемое перемещение Е.П. Клевакина на другую должность, оно было неожиданным лишь своей внезапностью. Его перевели на должность помощника томского исправника. Однако уже на следующий день губернатор изменил это решение, и Е.П. Клевакин был переведен в Бийск на аналогичную должность. Ходатаем за Евгения Поликарповича выступил председатель губернского правления Н.Н. Петухов. С его подачи губернатор изменил первоначальное решение, руководствуясь доводом о расширенном здоровье Клевакина, которое можно поправить на новом месте службы, «потому что в Бийске климат хороший» [8, с. 325].

В Бийск Е.П. Клевакин с семьей приехал 14 марта 1885 г. Новая должность по своему кругу обязанностей была принципиально иной, чем служба в тюрьме. Уже в день приезда в Бийск Евгений Поликарпович встретился с окружным исправником Аполлоном Каллистратовичем Поршенниковым. По словам Е.П. Клевакина, они несколько часов проговорили о делах [7, л. 77]. Вероятно, руководитель ввел в курс дел своего нового помощника, вряд ли представлявшего на первых порах всю полноту своих обязанностей. Позже А.К. Поршенников отмечал, что вначале приходилось мириться с незнанием Клевакиным полицейского делопроизводства [6, л. 10]. Поэтому Е.П. Клевакин честно писал своим знакомым, что в первое время при возникновении затруднений А.К. Поршенников «охотно разъясняет мне все недоразумения» [7, л. 79].

О многочисленности обязанностей своей новой должности Е.П. Клевакин упоминал в письмах к своим знакомым: «Полиции много дела и почти во все она вмешивается, только не ленись, так дело есть постоянное на каждом шагу» [7, л. 87об.]. При этом он отмечал, что не всегда служба связана с выполнением какого-либо

дела, а только с необходимостью присутствия на важных мероприятиях, называя это «быванием»: «Я даже теперь в известных случаях обязательно должен бывать при церковных службах, в особенности же при архиерейском служении, а бывание везде отнимает много времени и утомляет значительно» [7, л. 75об.]. В записках о бийской жизни Евгений Поликарпович также упоминает свое присутствие в качестве чина полиции на общественных вечерах [1, с. 21]. По должности помощник окружного исправника был членом различных комиссий и комитетов, присутствуя на их заседаниях [7, л. 88].

Важную часть служебных обязанностей составляла бумажная работа. По оценке Е.П. Клевакина, через полицию ежедневно проходило около сотни бумаг, требовавших его подписи. На краткое ознакомление с ними уходила первая половина рабочего дня. Возможно, рутинность этой части обязанностей тяготила Евгения Поликарповича, что сквозит в оставленном им описании: «Сидишь, рисуешь свою фамилию, мельком пробегаешь бумаги, прочитывая со вниманием только следственные дела и судебно-полицейские журналы и определения о взыскании акцизных штрафов, о взыскании долгов, да решения бродяг, которых полиция приговаривает к наказанию плетью и ссылке или в каторжные работы, или к поселению на житье в отдаленнейшие округа Восточной Сибири» [7, л. 88]. Судя по воспоминаниям, эту времязатратную деятельность Е.П. Клевакин мог выполнять во время заседаний комитетов и комиссий [1, с. 53]. Сказался также опыт предыдущих мест службы, приучивших его к работе с документами. Поэтому можно вполне довериться воспоминанию самого Евгения Поликарповича о том, что томский губернатор А.Ф. Анисьин при посещении бийской полиции остался вполне доволен этой стороной деятельности помощника окружного исправника [1, с. 51].

Довольно быстро Е.П. Клевакин стал известен горожанам своими стараниями развить городское благоустройство. Наиболее известной стала его деятельность по выполнению обязательных постановлений городской думы об осушении улиц от воды и грязи. Приехав в Бийск, Е.П. Клевакин не устал писать своим знакомым, а затем отметил и в записках о новом месте жительства как о «городе грязи» [1, с. 4; 7, л. 75об., 77об., 84]. На такое восприятие

немало повлияло весеннее время прибытия в город. Но это первое впечатление, несомненно, давало Евгению Поликарповичу убежденность в правоте порученного ему А.К. Поршенниковым исполнения горожанами городских постановлений о создании водоотводных канав на улицах. Учитывая игнорирование этих требований в течение предшествующих шести лет, Е.П. Клевакин скептически отнесся к перспективам возложенной на него задачи: «С этим делом придется так повозиться порядочно, да, пожалуй, и врагов наживу из здешних жителей» [7, л. 81]. Очевидно, помощник исправника принял за дело со всей ответственностью, вызвавшей ответную реакцию горожан: «Теперь и встречаются частенько-таки столкновения по этому поводу» [7, л. 82об.]. О такой же реакции части городского общества не менее красноречиво намекал фельетон, в котором высмеивалась эта деятельность Е.П. Клевакина, очевидно, за излишнюю инициативность. Автор газетной заметки увидел в стремлении помощника исправника по созданию водоотводных канав намерение превратить Бийск в подобие Венеции. Суть фельетона раскрывало завершающее его четверостишие, свидетельствовавшее о негодовании части горожан принудительно-полицейским характером исполнения этого начинания [5, с. 22]. Тем не менее позже в воспоминаниях Евгений Поликарпович отметил частичные успехи в этой деятельности, коснувшиеся некоторых улиц города [1, с. 4-5].

Источники не позволяют подробно реконструировать всю полноту служебной деятельности Е.П. Клевакина в Бийске. Еще меньше в них можно найти о частной жизни чиновника вне службы. Можно утверждать, что вначале по своей должности, а затем по своим качествам Е.П. Клевакин стал вхож в бийское общество, стараясь при этом держать нейтралитет в спорах разных его группировок. Сблизиться с городскими общественниками помощнику исправника помогло его азартное увлечение карточной игрой. Сохранились его записи выигрышей и проигрышей в карточные игры за два месяца [8, с. 367-369], подтверждающие слова его же записок, что карты «процветают во всех видах» [1, с. 9], а сам Евгений Поликарпович пристрастился к ним в качестве активного участника. К этому добавилась не осуждавшаяся в бийском обществе любовь к спиртным напиткам, пристрастие к которым временами бы-

вало у Е.П. Клевакина раньше и, по-видимому, возобновилось в Бийске. Эти две черты его поведения послужили последней каплей в его отношениях с А.К. Поршенниковым.

Взаимоотношения бийского окружного исправника и его помощника стали стержнем, вокруг которого развивалась служба Е.П. Клевакина в Бийске. Перед отъездом из Томска Е.П. Клевакина предупредили, что его новый начальник «крут нравом и вообще придиричив» [8, с. 325]. Но впечатления первых двух месяцев позволили Евгению Поликарповичу охарактеризовать его как человека «дружелюбного», «хорошего» и «любезного» [7, л. 77об., 79; 8, с. 325]. Последовавшее летнее двухмесячное пребывание исправника в округе также не позволило Е.П. Клевакину ближе познакомиться со своим начальником. Можно утверждать, что только с осени 1885 г. начальник и его помощник стали ближе узнавать деловые и личные качества друг друга, и в последующие полгода их отношения стали напряженными. В более поздних воспоминаниях Е.П. Клевакин отметил, что исправник «тайно подыскивал (т.е. подкапывался, придирился. – П.А.)» его [1, с. 48]. Такое отношение, скорее всего, вытекало из того, что на время частых отъездов А.К. Поршенникова в округ Е.П. Клевакин оставался старшим полицейским чиновником в городе. Его стремление к самостоятельности действий на занимаемых должностях в данном случае, вероятно, настроило исправника против своего помощника. Однако на возникавшие придири к нему Е.П. Клевакин в силу своего характера давал отпор А.К. Поршенникову, которого злило такое поведение помощника: «Я всегда, несколько не стесняясь, высказывал свое мнение и подчас спорил с Поршенниковым. А это ему не нравилось» [1, с. 46, 50]. Именно поэтому, как считал Е.П. Клевакин, исправник желал сместить его, чему препятствовало лишь отсутствие принципиальных замечаний по выполняемым обязанностям [1, с. 46, 50].

Негодование А.К. Поршенникова своим помощником воплотилось в его рапорте томскому губернатору, отправленном в начале марта 1886 г. Поводом к его написанию стала поразившая исправника после очередного возвращения «крайняя распущенность всего состава полиции», в которой «старшие не служебными делами занимаются, а развлечениями и картами» [6, л. 11]. Было ясно, что

это обвинение относилось к Е.П. Клевакину как старшему чину полиции в отсутствие исправника, поэтому рапорт стал своеобразным «обвинительным заключением» против него. А.К. Поршенников низко оценил делопроизводственную работу помощника, который за год службы «не решил ни одного дела и из бумаг исполнил самостоятельно очень немногое». Отдельное негодование начальника вызывало его «ежедневное путешествие по гостям и... неумеренное употребление спиртных напитков». Вывод А.К. Поршенникова вряд ли сулил Клевакину хороший исход рассмотрения рапорта: «Как человек он прекрасен, но как помощник исправника совершенно никуда не годится» [6, л. 10]. Поэтому он просил губернатора подыскать Е.П. Клевакину новое место службы. Обвинительный тон рапорта, очевидно, сыграл решающую роль. Томский губернатор А.Ф. Анисьин, прибывший в Томск из Курской губернии в октябре 1885 г., не знал Е.П. Клевакина, в отличие от предыдущего губернатора И.И. Красовского. Даже положительное отношение к деятельности Е.П. Клевакина, проявленное в ходе посещения губернатором Бийска в феврале 1886 г., вряд ли смогло перевесить доводы А.К. Поршенникова. В результате 30 апреля 1886 г. Е.П. Клевакин был назначен полицейским приставом в Зыряновск [6, л. 15].

В позднейших воспоминаниях Е.П. Клевакин считал, что его сместили с должности помощника исправника «положительно без всяких причин и указаний», подкопавшись под него окольными путями. Конечно, в своем понимании Евгений Поликарпич полагал, что «действительных, за дело, замечаний не за что было делать», поскольку он «старался служить честно» [1, с. 46]. Но непродолжительный бийский опыт службы оказался необходим для Е.П. Клевакина, т.к. продемонстрировал ему, что не только исполнительность по службе была решающим критерием оценки деятельности. На должности, предполагавшей коммуникацию с населением, для руководства более значимыми, видимо, оказались черты поведения служащего, которые перевесили его дела как полицейского администратора.

Хотя источники о бийском периоде жизни и службы Е.П. Клевакина не позволяют составить подробную и целостную картину, за ее широкими штрихами с отдельными уточняющими деталями

можно отчетливо увидеть тенденцию, характерную для всей чиновничьей службы Е.П. Клевакина. Она заключается в его большей предрасположенности к работе с документами в четко очерченных рамках. Короткий бийский период жизни чиновника лишь подтвердил эту его служебную черту, нашедшую полное воплощение в разные годы на счетно-бухгалтерских должностях.

Список источников и литературы

1. Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае / изд. подгот. П.А. Афанасьев. Барнаул, 2017. Т. 2. 458 с.
2. Старцев А.В. Е.П. Клевакин. Очерки из бийской жизни // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 1994. С. 116-127.
3. Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае / изд. подгот. П.А. Афанасьев. Барнаул, 2017. Т. 1. 420 с.
4. Восточное обозрение. 1885. 29 августа. С. 12-14.
5. Восточное обозрение. 12 декабря. С. 21-22.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2346.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 27.
8. Клевакин Е.П. Дневники (1864-1886 гг.) / отв. ред. П.А. Афанасьев; сост. П.А. Афанасьев, А.А. Калашников. Барнаул, 2019. 512 с.

С.И. Бондаренко, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (г. Барнаул)
bonsvet@bk.ru

Т.А. Артамонова, канд. филос. наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (г. Барнаул)
art-katun@mail.ru

АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31304.

Крестьянство сыграло большую роль в социально-экономическом развитии Сибири. Как отмечал один из крупнейших советских специалистов по истории крестьянства в Сибири В.И. Шунков, «в то время как служилая бюрократия, промышленные и торговые люди занимались выкачиванием из Сибири пушнины, подрезая часто самые основы промыслового хозяйства местного населения, крестьянство несло сюда свои производственные навыки и развивало здесь земледелие» [1, с. 226]. Проблема в рассмотрении социально-исторических и правовых аспектов освоения Сибири заключается в определении эффективности поддержки государства крестьян-переселенцев. По мнению историка П.Ф. Никулина, именно самодержавное государство было «центром и организующим началом в русской цивилизации», и в дореформенную эпоху (XVII – первая половина XIX в.) государство в колонизационном деле опиралось на прямую силу, организуя поток переселенцев в Сибирь [2, с. 55]. Это привело к тому, что к концу XVII в. крестьянское население в Западной Сибири по численности равнялось служилому населению и в 4 раза превосходило население посадов. По ведомости сибирских городов 1698-1699 гг. население Тобольского, Тюменского, Верхотурского, Туринского уездов было преимущественно крестьянским [1, с. 5].

Западная Сибирь XVI-XVII вв. заселялась разными категориями крестьян. Прежде всего, это были «государственные переселенцы», т.е. те крестьяне, которые по «указу» или «прибору» царя

направлялись в Сибирь для распашки государственных земель и снабжения хлебом служилых и посадских людей. Вторую группу составляли ссыльные, которые также использовались для обработки государственной пашни. В третью группу входили крестьяне, приехавшие в Сибирь по собственной инициативе и составившие основу сибирского крестьянства.

Первоначально крестьянам, отрабатывающим повинность на «государевой десятинной пашне», предоставлялась временная льгота, ссуда и подмога в виде денежной или натуральной помощи. Крестьянская льгота заключалась в освобождении вновь прибывшего крестьянина от несения государева тягла в течение определенного количества лет; подмога – безвозвратная помощь для устройства крестьянином собственного – «собинного» хозяйства; ссуда подлежала обязательному возвращению. Но эта поддержка не могла обеспечить нормального развертывания хозяйства, поэтому со временем была отменена.

В течение всего XVII в. происходил рост феодально-крепостнического гнета в сибирской деревне. Ключевым моментом в этом процессе можно считать утверждение московским правительством «Уложения», отменявшего урочные годы и прозванного среди крестьян «проклятою книгою». Увеличение крестьянских повинностей в Сибири происходит за счет введения дополнительного хлебного и денежного оброка. В архивах сохранились заявления крестьян на тяжесть «пашенного и оброчного обложения», что подтверждается фактами недоимок как по государевой пашне, так и по оброчному хлебу [1, с. 207]. Также крестьяне Сибири несли такие повинности, как заготовка банных веников; вывоз навоза на государевы пашни; помол государева хлеба и содержание мельниц, амбаров и других построек; доставка леса; строительство острогов; выращивание солода и доставка его на винокурни и многое другое. Часто эти повинности приходилось выполнять во время страды или пашни. Попытки крестьян хотя бы частично освободиться от тягла встречают самый решительный отпор даже со стороны «мира», являющегося гарантом сбора государственных податей.

После отмены крепостного права государство не утратило главенствующей роли в аграрной колонизации Сибири, при этом ведущим методом управления становятся товарно-денежные отно-

шения. Государство было заинтересовано в развитии Сибири. Крестьянские хозяйства постепенно втягивались в товарно-денежные отношения. Эти отношения толкали крестьян к переселению. Вместе с увеличивающимся потоком переселенцев Сибирь получала более высокий уровень товарно-денежных отношений: усовершенствованную сельхозтехнику, кооперацию, наем, аренду.

Колонизационные задачи государства в дореформенный период сводились в основном к решению военно-стратегических задач, пополнению казны и организации мест ссылки преступивших закон. В пореформенный период в связи с усилившимся оттоком крестьян на «сибирские просторы» государство вынуждено было подкорректировать свою колонизационную политику.

Характеризуя правительственные решения, касающиеся переселенческих дел в период с 1861 по 1905 г., профессор М.К. Чуркин определяет их как неопределенные и непоследовательные. Что, по мнению автора, характеризуется исторически сложившейся сложностью решения аграрных задач в общегосударственном масштабе, удаленностью региона, весьма слабой отработкой взаимодействия центральной и местной власти [3, с. 263].

В конце XIX в. правительство издает серию указов о порядке переселений и землеустройстве в сибирских губерниях. Большая роль в колонизаторском процессе отводилась созданному Переселенческому управлению. В 1889 г. был принят Переселенческий закон о переселении, что, по сути, означало признание колонизации государственной задачей.

Строительство за счет казны Транссибирской магистрали ускорило темпы земледельческой колонизации региона. С конца XIX в. переселенческое движение все больше подчиняется решению аграрного вопроса центральных губерний. Правительство увеличивает государственные вложения в переселенческое дело.

Столыпинские реформы открыли новый этап в аграрной колонизации Западной Сибири. 10 марта 1906 г. царем было утверждено положение, по которому в стране вводилась свобода переселения крестьян. Впоследствии появляется серия указов, способствовавших созданию земельного фонда для переселения. Основные из них: указ от 12 августа 1906 г. о передаче сельскохозяйственных уделных (царских) земель Крестьянскому банку; указ от 27 авгу-

ста 1906 г. о порядке продажи казенных земель; указ от 19 сентября 1906 г. о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); указ от 19 октября 1906 г. о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог наделной земли. Эти указы означали приватизацию части государственных земель. Переселение являлось составной частью реформы и решало несколько проблем: оно должно было обеспечить землей малоземельных крестьян центра и вместе с тем отселить из центральных областей России революционно настроенных крестьян. Организация переселения состояла из ссуд на домообзаведение, отвод специальных участков, строительство школ, дорог и т.д. Переселенцы по закону могли получить до 15 десятин удобной земли и 3 десятины леса на душу мужского пола [4, с. 34].

По мнению историка А.Д. Агеева, правительство, в первую очередь, все же думало о сохранении переселенцев как податного сословия и в меньшей степени заботилось о свободе и самостоятельности сибирского крестьянина [5, с. 33]. Этим во многом объясняется ограничительно-регламентирующая роль государства в аграрной колонизации сибирского региона. Эту роль государство частично передало и крестьянскому «миру», который исторически представлял собой крестьянскую общину или, позднее, сельское сообщество.

Крестьянский «мир» должен был обеспечивать сбор государственных податей, следить за качеством обработки земли, наказывать нерадивых хозяев. Решением Сената от 10 сентября 1891 г. сельским обществам было дано «право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдельными домохозяевами на их наделных участках мирской полевой земли» [6, с. 124]. Как известно, даже после отмены крепостного права крестьяне не получили долгожданной свободы. Важно отметить, что в ходе аграрных реформ в России в конце XIX в. община из самоорганизующейся общности превратилась в административно-фискальное звено государственной машины. Царское правительство, как и помещики, стремились «уложить» общину в «прокрустово ложе» и сделать из нее контролируемый инструмент социального управления.

В 1898 г. было принято Временное положение о крестьянских начальниках, просуществовавшее до 1917 г. В задачи крестьянских начальников входило крестьянское общественное управление. Крестьянские начальники должны были контролировать действия должностных лиц крестьянского управления, следить за действиями волостных и сельских писарей. Они имели право отстранять их от должности, подвергать аресту до 7 дней или штрафу до 5 руб. [7, с. 148]. В обязанности крестьянских начальников входил контроль поземельного устройства крестьян, устройство переселенцев, наблюдение за санитарными и социальными делами, а также на них возлагались судебные функции.

Крестьянские начальники могли подвергать крестьян аресту сроком до трех дней или штрафу до 15 руб. за неисполнение законов и распоряжений властей. Они имели право рассматривать дела с исками до 10 руб., свыше 10 руб. дела передавались уездному съезду крестьянских начальников [7, с. 149]. Крестьянские начальники назначались сверху, и чаще всего это были случайные люди, которые впоследствии покидали вверенную им губернию. В большинстве случаев они не пользовались доверием крестьян.

Безусловно, община стремилась самостоятельно решать хозяйственно-административные вопросы внутриобщинной жизни. Но с развитием капиталистических отношений усиливалось социальное расслоение крестьянства. Ввиду этого обострялись внутриобщинные и межобщинные отношения; обострялись противоречия между общиной и административными властями. Сходы во второй половине XIX в. стали собираться чаще, но, как отмечали участники сходов: «Получить на нашей сходке положительный результат суждения – дело большой редкости» [8, с. 139]. По мнению исследователей, дезорганизация принятия коллективных решений на сходе была вызвана комплексом причин: рост хозяйственных противоречий среди общинников, стремление администрации поставить решения схода под свой контроль, приток переселенцев с разнообразными общинными традициями, стремление к индивидуализации отдельной личности и падение влияния старшего поколения в условиях модернизации [8, с. 138].

Все это привело к состоянию нравственной отчужденности и расслоению крестьян, а также к изменению принципов общинного

самоуправления. Развал общинных устоев, а следовательно, и традиционных крестьянских ценностей начался после реформы 1861 г. Во-первых, усилился процесс бюрократизации общинного мироустройства: в общине увеличивалось число должностных лиц; процесс делопроизводства стал более затяжным; принятие решений всё чаще носило формальный характер. Во-вторых, исполнение полицейской и финансовой функций крестьянского «мира» стало опираться не столько на общинный обычай, сколько на письменные инструкции и материальные интересы зажиточных крестьян. Сельская община постепенно превращалась в сословную корпорацию крестьянства, санкционированную государством и помещиками [6, с. 433-434]. Но все же, несмотря на все трудности принятия коллективных решений, по данным источников, крестьяне старались самостоятельно решать свои хозяйственные вопросы, прибегая к мнению чиновников только в самых конфликтных ситуациях [8].

Таким образом, санкционированное государством переселение крестьян сыграло ведущую роль не только в аграрном освоении Сибири, но и в развитии новых капиталистических отношений в аграрном секторе в конце XIX – начале XX в. Новые аграрные отношения получали правовую поддержку и были неотъемлемой частью процесса колонизации Сибири.

Список источников и литературы

1. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 228 с.
2. Никулин П.Ф. Особенности аграрной колонизации и Северной Америки во второй половине XIX – XX в. // Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: мат-лы междунар. науч. конф-ции (4-6 октября 1996 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 54-58.
3. Чуркин М.К. Переселенческое движение в Западную Сибирь в оценках и решениях российского правительства (1861-1905 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). С. 261-166.
4. Бондаренко С.И. К вопросу о переселенческой политике П.А. Столыпина и ее значении для социально-экономического раз-

вития Сибири и Алтай // Аграрная наука – сельскому хозяйству. V междунар. науч.-практ. конф-ция: сб. ст. В 3 кн. Кн. 1. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. С. 33-36.

5. Агеев А.Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеш» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: матлы междунар. науч. конф-ции (4-6 октября 1996 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 30-36.

6. Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016. 480 с.

7. Почеревин Е.В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-3 (56). С. 148-150.

8. Якимова И.А. Сельский сход в системе крестьянского самоуправления на Алтае во второй половине XIX в. // III научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул. Азбука, 2005. С. 136-141.

Ю.А. Денякин

Межрегиональная общественная организация ветеранов (пенсионеров) пограничной службы ФСБ России по г. Москве и Московской области (г. Москва)
ydenyakin@yandex.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ЗАЙСАНСКОМ УЕЗДЕ СТЕПНОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Православная церковь имела важное значение в жизни русского человека в дореволюционный период и служила для него опорой. История развития православия в Степном крае имеет множество еще неизвестных страниц, требующих раскрытия, изучения

и осмысления. В немалой степени для истории важны имена людей, связавших свою жизнь и пастырское служение с далекими окраинами Отечества, но при этом не считавших свои труды, свое житие чем-то особенным, не требовавших дополнительных наград и поощрений.

Одним из таких дальних мест служения в дореволюционной России, на юго-восточной окраине Степного края, был пограничный город Зайсан (ныне Республика Казахстан). Основанный в 1867 г. генералом И.Ф. Бабковым как военный пост Джемени на территории Зайсанского края, отошедшего от Китая к России согласно Чугучакскому протоколу, он стал не просто укрепленным опорным пунктом на границе, но и центром управления войсками и населением края, нуждавшимся в водворении законности и в защите от внешних нападений [1].

В целях установления и поддержания порядка в образованном в 1868 г. Зайсанском приставстве, а также для охраны государственной границы в военном посту Джемени был размещен усиленный воинский гарнизон, в который вошли 3-й конный полк Сибирского казачьего войска, 4-й Западно-Сибирский линейный батальон и 4-я легкая батарея Западно-Сибирской артиллерийской бригады [2]. С того времени, когда для войск, расположившихся на постоянную дислокацию в посту, стали воздвигаться казармы, появились и мелкие торговцы, мастеровые и рабочие. Вместе с постройками казенных зданий выросли и частные постройки торговцев, семейных офицеров гарнизона, людей мастеровых и хижины женатых солдат. К началу 1870 г. встал естественный для того времени вопрос о строительстве православной церкви и отправлении религиозных нужд для русскоязычного населения [3].

К моменту получения разрешения от руководства Томской епархии на строительство церкви укрепленный пост, имевший первоначальное название Джемени, высочайшим указом от 15 марта 1871 г. был переименован в Зайсанский пост [4]. Новый деревянный храм был заложен на возвышенном месте западного берега бурной речки Джемейки. Руководство строительством взял на себя командир артиллерийской батареи подполковник Н.А. Герасимов совместно с офицерами штаба гарнизона. Средства на по-

стройку храма были изысканы через сбор частных пожертвований, начало которым положил кокпектинский купец Г. Проскураков [3].

В документах Томской епархии указано, что 12 декабря 1872 г. небольшая, размером в 80 квадратных аршин, деревянная церковь была освящена во имя святого Благоверного князя Александра Невского по благословению Преосвященного Платона, Епископа Томского и Семипалатинского [5, с. 192].

Первым священнослужителем Александро-Невской церкви, упомянутым в сохранившихся метрических книгах церкви за 1873 г., был протоиерей Петр Морев, положивший начало духовному окормлению воинов гарнизона, а также православных жителей Зайсанского поста, недавно устроенной казачьей станицы Зайсанской и казачьего поселка Кендерлыкский [6, л. 5].

Значительная удаленность Зайсанского поста от крупных административных и епархиальных центров Российской империи накладывала определенный отпечаток на несение сложной воинской службы по охране границы, а также на уклад жизни местного населения. Неудобность его расположения не позволяла правящим в то время архиереям Томской кафедры беспрепятственно добираться до самой южной окраины епархии. В период служения в качестве настоятеля Зайсанской церкви и военного священника иерея Михаила Щеголева, в 1883 г. 3 июня, в канун дня Святой Троицы, Зайсанский пост посетил Преосвященный Владимир, Епископ Бийский и викарий Томской епархии. Для воинов гарнизона и всего населения Зайсанского поста, как русских, так и местных киргиз, никогда не видевших архиерейских служений, приезд епископа оставил неизгладимый след в их жизни. «Гуманное, поистине отеческое со всеми обращение и глубоко-назидательные беседы Преосвященного произвели на зайсанцев сильное впечатление. Трехдневное его пребывание у нас было для всех большим праздником», – так священник Михаил Щеголев оценил значение визита Владыки во вверенный ему приход [7].

Прибывший в конце 1883 г. на настоятельское место священник Арсений Ивановский прослужил в Зайсанском посту без малого 12 лет, окормляя местных прихожан, а также солдат и офицеров военного гарнизона, старательно проповедуя Слово Божие перед воинами, укрепляя в них любовь к вере, Государю и Отечеству.

Зайсанская церковь, изначально построенная небольшого размера из-за отсутствия достаточных средств, с трудом вмещала в себя 120 молящихся. В 1890 г. приход церкви составлял до 3500 душ, включая как военное, так и гражданское население Зайсанского поста и прилегающих к нему поселений. При такой численности прихода и чрезвычайной тесноте существующего храма единственный священник маленькой церкви был уже не в состоянии справляться со своими служебными обязанностями.

Во время настоятельства протоиерея Арсения Ивановского и по его просьбе зайсанский уездный начальник есаул Николай Кирьянов обратился к Епископу Томскому и Семипалатинскому Макарию о назревшей необходимости в постройке нового каменного храма в Зайсане с полным причтом [8, л. 47-47об.]. Заручившись поддержкой и благословением Владыки, уездный начальник, обращаясь в феврале 1893 г. к военному губернатору Семипалатинской области Карпову с ходатайством о постройке в Зайсанском посту нового каменного храма, так высказывал свои доводы: «Невозможность из-за тесноты помолиться Богу в храме всех желающих православных христиан может породить среди войск и православного населения поста равнодушие к церкви и даже религии, что, конечно, представляет на государственной границе явление слишком вредное. <...> Зайсанская церковь должна иметь особое значение против церквей внутренних центров области, ибо эта церковь на государственной границе с Китаем, единственная между Алтайской и Бахтинской церквями на расстоянии 600 верст служит представительницей и хранительницей русского православия и народности и по ее положению, виду и заботе о ней судят о силе православия и могуществе народности все инородцы, приезжающие в Зайсан» [8, л. 50-50об.].

Последовавшее ходатайство на разрешение строительства в Зайсане нового каменного храма на 600 человек с приложенным проектом от генерал-губернатора А.Ф. Карпова к Степному губернатору барону М.А. Таубе и при соответствующем сношении с Епископом Томским и Семипалатинским Преосвященным Макарием в итоге было одобрено в июле 1893 г. Ober-прокурором Святейшего Синода [8, л. 1-3]. Первого октября этого же года Зайсан-

ский пост получил право городского поселения и название Зайсан [9, с. 226].

Указанный выше проект нового величественного каменного храма с тремя приделами и расчет сметы на его строительство, применительно для сложных зайсанских условий, были выполнены в то время малоизвестным инженером Иваном Феодосиевичем Носовичем, а в будущем талантливым архитектором Западной Сибири. Однако в силу различных причин, в большей степени связанных с трудностью ассигнования от казны испрашиваемых по смете 50 тысяч рублей на строительство храма, а также средств на содержание притча, к строительству новой каменной церкви так и не была приступлено.

Принявший после протоиерея Арсения Ивановского в 1895 г. место настоятеля Александро-Невской церкви барнаульский священник Василий Дуплев последующие шесть лет своего служения в Зайсане решал те же проблемы малопоместительного храма, не удовлетворявшего нужды достаточно многочисленного прихода. Возбужденное им в 1899 г. очередное ходатайство об ассигновании средств за счет казны на постройку каменного храма для города стало еще более животрепещущим.

Но уже через год возбужденное ходатайство стало неактуальным. Положительное решение о выделении средств на строительство нового каменного храма в Зайсане было принято, но не Св. Синодом, а Военным министерством. В середине июля командиру 3-го Сибирского казачьего полка полковнику Ерковскому было сообщено, что на высочайше дарованные средства в 1901 г. для вверенного ему полка Военный Министр, генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, назначил построить церковь на 630 человек по проекту архитектора Ф.М. Вержбитского, одобренному его императорским величеством Николаем II. На постройку церкви, которую было предположено начать весной следующего года, было ассигновано 40 000 руб. [8, л. 73].

Возведение храма вместо ожидаемого 1903 г. закончилось только в 1905 г. Пятого октября этого же года храм был освящен во имя Святителя и Чудотворца Николая с благословения Епископа Омского и Семипалатинского Михаила Ермакова [10, с. 879]. Освящение невиданного до того момента по своему благолепию и

размерам каменного храма в Зайсане было настоящим праздником не только для воинов гарнизона, но и всех православных горожан.

Зайсанская Свято-Никольская церковь была причислена в ведение протопресвитера военного и морского духовенства. Однако назначение штатного военного священника в далекий азиатский гарнизон произошло не сразу. С момента освящения нового войскового храма службы в нем, включая повседневные требы для воинов, а также занятия в учебных командах 3-го Сибирского казачьего полка, по возможности совершал местный приходской священник Геннадий Коченгин, назначенный в апреле 1904 г. настоятелем Зайсанской Александро-Невской церкви и прослуживший в ней более 15 лет [11].

Упомянув о зайсанских священнослужителях, нельзя не сказать о коротком, но весьма знаковом для Зайсанской Александро-Невской церкви периоде служения известного просветителя Западной Сибири и Туркестана, миссионера и проповедника протоиерея Михаила Путинцева. К моменту назначения в августе 1901 г. на настоятельское место к Зайсанской церкви протоиерей Путинцев уже состоялся как духовный писатель и автор многочисленных воспоминаний о первом алтайском миссионере архимандрите Макарии, о высокопреосвященном Варлааме, о святителе Иннокентии Иркутском и о многих других сибирских подвижниках благочестия. Среди его публикаций были очень известные и читаемые всей православной Россией письма епископа Феофана (Говорова), известного как святитель Феофан Затворник, с которым о. Михаил состоял в переписке долгие годы [12]. Но, к сожалению, Зайсан стал последним местом его служения. 30 января 1902 г. протоиерей Михаил Путинцев скоропостижно преставился ко Господу [13, л. 57]. Личность протоиерея Путинцева и его творческое наследие представляются выдающимися для своего времени и вызывают безусловный интерес для современных историков.

В мае 1906 г. по указу Императора первым настоятелем Зайсанского войскового храма был назначен корабельный священник, участник морских сражений русско-японской войны, иеромонах Алексей Оконешников, прослуживший по сентябрь 1907 г. [14].

Назначенный в сентябре 1907 г. настоятелем Зайсанской Свято-Николаевской церкви и военным священником 3-го Сибирского

казачьего полка священник Петр Кузнецов, также участник русско-японской войны, отметил созданием местного отделения «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне» под высочайшим покровительством, которое оказывало поддержку пострадавшим на войне с Японией солдатам, а также семьям, потерявшим кормильцев. В 1909 г. в период службы священника Кузнецова состоялось торжество столетия знамени 3-го Сибирского казачьего полка и освящение нового, высочайше пожалованного полку юбилейного знамени.

Одной из особенностей служения военного священника Николая Бржезинского, назначенного в Зайсан в 1912 г., было окормление русского экспедиционного отряда, дислоцировавшегося в китайском городе Шара-сумэ. Более чем тысячный по численности Шарасумэский отряд, состоявший из трех сотен 3-го Сибирского казачьего полка, батальона пехоты и артиллерийской батареи обеспечивал с 1913 по 1917 г. безопасность российских консульств, а также русских подданных на территории Западного Китая и Монголии, власти которых находились в военном противостоянии. Пастырские обязанности, связанные с опасными поездками и церковными службами за пределами России, легли на войскового священника Зайсанской Свято-Николаевской церкви [15, л. 34об.].

Последние доступные записи в метрических книгах Зайсанской войсковой Никольской церкви за подписью священника Николая Бржезинского датированы декабрем 1918 г.

Свержение самодержавия, Октябрьская революция и последовавшая за ней братоубийственная Гражданская война в корне изменили государственный строй и прежний уклад жизни, подвергнув тяжелейшим испытаниям православную церковь во всей обновленной России.

После окончательного установления советской власти в Зайсане войсковая Никольская церковь была закрыта, «обезглавлена» и со временем обращена в клуб Зайсанского пограничного отряда, образованного в феврале 1924 г. и расквартированного в казармах бывшего 3-го Сибирского казачьего полка.

Не менее, если не более печальная участь постигла городскую Александро-Невскую церковь. Последними служившими в ней и пострадавшими за веру были священники Симеон Тараненко, арестованный в 1918 г., и Николай Бржезинский, арестованный в 1920 г.

ствованный в 1921 г., и Киприан Тютюник, осужденный в 1928 г. на 6 лет лагерей. Само же здание деревянного храма сгорело дотла в 1947 г. [11].

Искаженный облик Никольской войсковой церкви сохранился до настоящего времени на территории Зайсанского пограничного отряда. В советское время, чтобы ничто не напоминало о том, что когда-то здесь был православный храм, стены с крестами были густо оштукатурены. Неизменным осталась лишь принадлежность Никольского собора военным. В казармах царского времени существующего и поныне пограничного отряда по-прежнему квартируют солдаты, а в церкви устроен гарнизонный клуб [16].

В настоящее время здание бывшей церкви занесено в списки памятников истории и архитектуры Республики Казахстан как единственное сохранившееся в Зайсанском районе православное культовое сооружение, относящееся к дореволюционному периоду, о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде. Но имена людей, связавших свою жизнь и духовное служение с окраинами в дореволюционной России, были долгое время преданы забвению. Несомненно, деяния зайсанских православных священнослужителей можно назвать подвижническим подвигом, а их имена достойны уважения и светлой памяти.

Список источников и литературы

1. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875 гг. СПб., 1912. 575 с.
2. Тарыкин А.П. История 3-го Сибирского казачьего полка. Омск: Тип. Штаба Омск. в. окр., 1912. 229 с.
3. Сибирская газета. Томск, 1882. № 25. С. 605-609.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том XLVI. Отделение 2. 1871. СПб.: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1874. № 46856.
5. Скальский К.Ф. Омская Епархия. Омск: Типография А.К. Демидова. 1900. 427с.
6. ГАВКО. Ф. 752. Оп. 30. Д. 4.
7. Томские епархиальные ведомости. Томск. 1883. № 15. С. 448-450.
8. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37.

9. Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург: Типо-литография П.Н. Жаринова, 1898. 884 с.
10. Голошубин И. Справочная книга Омской Епархии. Омск: типография «Иртыш», 1914. 1250 с.
11. Денякин Ю.А. Зайсан православный. М.: Сам Полиграфист, 2017. 293 с.
12. Письма преосвященного Феофана Затворника к протоиерею Михаилу Петровичу Путинцеву // Душеполезное чтение. 1895. Ч. 1. С. 105-107.
13. ГАВКО. Ф. 752. Оп. 30. Д. 15.
14. Старостина М.И. Жизненный путь иеромонаха Алексия (Оконешникова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 2 (9). С. 34-40.
15. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 75.
16. Иеромонах Иустин (Ларионов). Православное зодчество Восточного Казахстана. Усть-Каменогрск: Издательство Восточно-Казахстанского областного Фонда поддержки культуры и искусства, 2007. 144 с.

Е.В. Дроботушенко, канд. ист. наук, доцент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)
DRZZ@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ

Православные монастыри, плотно заняв свое место в социально-религиозном пространстве русской, а затем и российской государственности, выполняли целый ряд функций. Они становились своеобразной отдушиной для «страждущих», потерявших смысл в жизни. Они давали возможность аскетического образа жизни для тех, кому это было нужно. Содержав странноприимные дома, обители давали приют путешественникам, поддерживали больных,

стариков и малоимущих. Монастыри активно занимались просвещенческой работой, при них открывались школы и училища. Они являлись научными центрами, при которых были библиотеки, писались и переводились книги.

Наряду со сказанным православные обитатели занимали важнейшее место в экономической жизни государства. Нередко они были достаточно богаты, имели большие угодья с приписными деревнями, подворья в крупных городах, занимались торговлей.

Озвученная выше проблематика находила отражение в рамках научных публикаций, причем начиная с досоветского периода. Не стали здесь исключением и обитатели Восточной Сибири [1, с. 117-143; 18; 19; 21; 22 и др.], однако не все регионы и не все православные обитатели изучены, в рамках предметного поля статьи, в равной мере. Так, на наш взгляд, недостаточную характеристику на сегодня получила хозяйственно-экономическая деятельность православных монастырей Забайкалья. Нет ответа на вопрос: «Какова роль православных монастырей региона в его экономическом развитии?».

Нельзя сказать, что забайкальские православные обитатели своей хозяйственно-экономической деятельностью занимали в экономике региона значительное место. Документы нам дают определенное представление о ее видах и объемах, что позволяет говорить о не слишком больших ее объемах.

В широком смысле хозяйственная деятельность – это совокупность всех видов деятельности, связанных с производством, обменом, продажей какого-либо товара. Относительно забайкальских православных монастырей мы бы разделили ее на две части, хозяйственную как производство и экономическую как предпринимательство. Дело в том, что, при и незначительных объемах в рамках Забайкалья всей монастырской хозяйственной деятельности, основная масса производилась для своих нужд.

Источники нам не дают практически никаких данных по обмену и торговле монастырей региона в рассматриваемое время. Когда мы анализируем финансовое положение обитателей, то наталкиваемся, главным образом, на пожертвования. Говорить о серьезных доходах от торговли не приходится.

На виды и объемы хозяйственной деятельности православных обитателей Забайкалья влияло несколько факторов. Первый – это время появления монастыря. Несомненно, что монастыри, которые появились до конца XIX в., находились в своеобразном привилегированном положении (в рамках рассматриваемой проблематики). Они имели земельные владения, рыбные статьи, приписные деревни. Здесь речь идет о трех обителях: Посольской Спасо-Преображенской, Селенгинской Свято-Троицкой и Нерчинской Успенской. Первые две основаны членами первой забайкальской духовной миссии (Даурской) в 1681 г. Последняя – в начале XVIII в., но ее история была недолгой и в результате секуляризационных процессов середины XVII в. она была закрыта.

Все три названных монастыря получили от государства во владение земли. В то же время, каковы были виды хозяйственной деятельности и доходы от нее на первом, достаточно длительном этапе их существования, на сегодняшний день сказать сложно.

Относительно достоверные данные имеются только по Селенгинской обители. Их можно привести в качестве иллюстрации степени участия православных монастырей Забайкалья в хозяйственной деятельности региона.

Известно, что монастырь в конце XVII – начале XVIII в. владел тремя вотчинами: Тимлюйской, Хилоцкой и Кудринской, усадьбами в Иркутске, Кяхте, Селенгинске. Количество принадлежавших ему крестьян составляло, по разным данным, от 334 до 600 чел. Земельные владения составляли около 1500 десятин. Каждый крестьянин был обязан обрабатывать по десятине монастырской земли, засевая ее монастырскими же семенами. Всего было около 10 деревень, где проживали крестьяне Селенгинского монастыря, располагались они вдоль трех рек – Хилок, Буй и Куналей. Монастырь располагал также обширными рыбными угодьями на озерах Байкал и Котокель, на нескольких реках. Также ему принадлежали соляные варницы вблизи г. Селенгинск у соляного озера. Работали они с 1709 г., а в 1719 г. был построен солеваренный завод. На варницах и заводе работали монастырские крестьяне [2, л. 13, 16; 7, л. 17; 8, л. 3; 9, л. 19; 10, л. 2; 11, л. 1; 12, л. 30; 13, л. 9; 16, с. 220; 17 с. 6, 9; 19, с. 151; 20, с. 19; 23, с. 19, 20; 24, с. 66].

В результате секуляризации 1764 г. Селенгинский и Посольский монастыри были причислены к третьему классу согласно определенным штатам и лишились большей части своих земельных и водных угодий. Все угодья закрытой Нерчинской обители были заселены бывшими приписными ее крестьянами, а бывшие замки преобразованы в села Монастырское, Каменское, Шивки, Усть-Ага и Кироча [2, л. 16; 3, л. 2; 4, л. 46; 5, л. 1; 16, с. 220].

Несмотря на то, что земельные владения и рыбные статьи Посольского и Селенгинского монастырей значительно сократились, определенное количество их осталось.

Те же монастыри, которые появляются в регионе позднее приписных деревень, больших земельных угодий и рыбных ловель не получили. Некоторые небольшие земли с рыбными статьями по р. Чикой получил основанный в 1820-е гг. Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь. А вот монастыри, появившиеся в конце XIX – начале XX в., уже ничего от государства не получали. Точнее Староселенгинский Спасский получил земли и рыбные статьи, но там сложилась особая ситуация. Открыт он был переводом Чикойской обители, и ему просто достались угодья старого монастыря.

Читинский Богородицкий (с мая 1915 г. – Покровский) и Мысовской Успенский женские монастыри угодий не имели. Максимум, что у них было, – это, к примеру, заимка у читинской обители.

Второй фактор, влиявший на объемы хозяйственной деятельности православных монастырей, – это их расположение. Посольская, Селенгинская и Нерчинская обители располагались на территории, где можно было заниматься сельскохозяйственными работами, были пахотные земли. Чикойский монастырь находился в гористой таежной местности, небольшие земельные владения располагались в удалении от него. Читинская обитель, располагаясь в городе, была ограничена даже в своей территории. Мысовской монастырь на станции Мысовск (современный Бабушкин) располагался на берегу озера Байкал, у подножья северных отрогов хребта Хамар-Дабан, в месте с отсутствием больших земельных угодий. Староселенгинская же обитель, появившись только в 1915 г., в условиях Первой мировой войны и в преддверие Революции 1917 г. просто физически не могла серьезно развить свою хозяйственную деятельность.

Очевидным является и третий аспект, предопределявший степень участия православных монастырей как Забайкалья, так и всего государства в целом, – это, несомненно, политика властей. Секулярная направленность светской власти в плане секуляризации материальных ценностей в XVIII в., ограничения на наделение православных обителей угодьями в XIX – начале XX в. привели к тому, что забайкальские монастыри, став в определенной степени хозяйствующими субъектами, в экономическом развитии региона играли далеко не самую большую роль.

Таким образом, можно констатировать, что православные монастыри занимали определенное место в экономических процессах Забайкалья. Объемы их хозяйственно-экономической деятельности нельзя назвать особо большими, при этом ее виды соотносятся с таковыми для обителей иных регионов России и, конечно, территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это хлебопашество, рыболовство, разведение скота, огородничество. Источники не дают нам данных о том, что монашествующие и послушники занимались бортничеством. Основная масса производимой сельскохозяйственной продукции уходила на нужды самих монастырей. Данных об объемах монастырской торговли на сегодняшний день нет. Данная проблематика требует дальнейшего серьезного изучения.

Список источников и литературы

1. Волков М.С. Мужские православные монастыри Тамбовской епархии в XVIII-XIX веках: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 2019. 267 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Оп. 1. Д. 4.
3. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 220.
4. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 381.
5. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 453.
6. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 729.
7. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 949.
8. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1002.
9. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2130.
10. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2153.

11. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2500.
12. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2760.
13. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2779.
14. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3122.
15. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3154.
16. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 540 с.
17. Кашик О.И. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: [б.и.], 1952. 25 с.
18. Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские университетские известия. 1866-1867. № 7. С. 351-577.
19. Машанова Л.В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1973. С. 151-160.
20. Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.). Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1988. 90 с.
21. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. Сочинение Д.И. Ростиславов. СПб.: Печатано в типографии Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1876. 396 с.
22. Наумова О.Е. Хозяйственная деятельность монастырей Русской Православной Церкви в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 1(18). С. 35-41.
23. Шмулевич М.М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1982. 63 с.
24. Шунков В.И. Из истории земледелия Бурятии // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. Вып. 1. С. 65-71.

И.А. Ерёмин, доктор ист. наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет
(г. Барнаул)
iaeremin61@yandex.ru

ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мобилизация летом 1914 г. запасных и ратников ополчения в Западной Сибири, в состав которой в тот период входили Тобольская и Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области, прошла в целом успешно. Наиболее ярким проявлением патриотизма во время призывной кампании явилось добровольческое движение. В 1914 г. добровольцами, или, как было официально указано в документах, «охотниками», было зачислено на военную службу очень мало людей, относительно общей массы призванных. Это выглядит странно на фоне патриотического подъёма в стране, официально вступившей во вторую Отечественную войну. Отчасти такая ситуация объяснялась тем, что осенью был объявлен призыв в армию студентов вузов, среди которых добровольческие настроения были наиболее сильны. В Западной Сибири десятки студентов изъявили желание вступить добровольцами в ряды действующей армии [1]. Студенты призывались как рядовые в запасные полки с последующим распределением по своим основным специальностям, на основе которых проходило военное обучение. После прохождения краткосрочного (от 4 до 8 месяцев) курса в военных училищах бывшие студенты приобретали первый офицерский чин – прапорщик [2, с. 151].

В официальных изданиях региона, а также в местной прессе сообщалось о просьбах многих людей зачислить их добровольцами в ряды войск. Однако начавшийся призыв новобранцев в Омском военном округе (ОмВо) дал фронту немногим более полусотни добровольцев [3, с. 79]. Если учесть, что в призыв 1914 г. ряды вооруженных сил пополнили в регионе около 40 тыс. новобранцев, то один доброволец приходился в среднем на 900 призывников. Следовательно, добровольчество в 1914 г. не стало массовым явлением среди лиц призывного возраста.

Самыми юными добровольцами в крае были подростки. Они десятками в тайне от родителей бежали на фронт. Учитывая, что из-за возраста их не имели права призывать на военную службу, власти не включали их в официальную отчетность по вопросам мобилизации. Чаще всего с помощью полиции таких беглецов возвращали домой к родителям. Но иногда юные добровольцы достигали своей цели и становились настоящими бойцами. Именно такая история произошла с пятнадцатилетними добровольцами из Новониколаевска П. Камневым и А. Семеновым. В начале 1915 г. они тайком от родных ушли на войну с одним из уходивших на театр военных действий эшелонем войск. На фронте ребята служили разведчиками и были награждены за боевые заслуги Георгиевскими крестами. В ноябре 1915 г. они вернулись в родной город в кратковременный отпуск [4, с. 109]. Ученик 8-го класса одной из омских гимназий Машинский, «добровольно поступивший в действующую армию», за боевые отличия был награжден в начале 1915 г. георгиевской медалью «За храбрость» [5, с. 39].

Обращает на себя внимание факт добровольческого движения в Западной Сибири среди священников Русской православной церкви. Они стремились попасть на существовавшие тогда в русской армии должности военных священников. Вот как в сентябре 1914 г. объяснил свое желание идти на фронт добровольцем настоятель Чулышманского монастыря из Бийска о. Виктор: «Я по происхождению казак и не могу с самого начала войны найти покоя, все тянет туда, где льется братская кровь» [6]. Добровольцем в действующую армию ушел священник Воскресенской церкви Новониколаевска о. А. Смычков, которому в день отъезда прихожане преподнесли икону [7, с. 578].

Стоит отметить, что подчас священники-добровольцы предлагали свои услуги не только в качестве духовных пастырей, но и организаторов добровольческих воинских подразделений для фронта из числа своих земляков. Именно так поступил священник из алтайцев о. Стефан Борисов из с. Буланихинского Бийского уезда Томской губернии в декабре 1914 г. Через епархиальное начальство и командующего войсками ОмВо он добивался своей отправки «в качестве пастыря-добровольца на турецкий театр военных действий». О. Стефан Борисов обещал создать из добровольцев-

«инородцев» Горного Алтая специальный разведывательный отряд. Исправную службу своих земляков он гарантировал тем, что они «...отличные наездники и стрелки..., способные разведчики» [8].

Не осталось в стороне от добровольческого движения и женское население региона. Женщины-добровольцы, как правило, просились на службу в медицинские учреждения и структуры тылового обеспечения действующей армии. Иногда они откликались на патриотические инициативы своих подруг из охваченных войной западных регионов страны и выражали конкретные пожелания о направлении их в соответствующее подразделение. Именно так поступила весной 1915 г. 23-летняя барнаульская мещанка А.Ф. Шитова. Откликнувшись на инициативу гомельских женщин, она подала заявление «о принятии ее в члены женского добровольческого легиона для несения тыловой службы» [9]. В Тобольской губернии самой известной женщиной-добровольцем является Римма Казакова, до войны работавшая учительницей в Туринском уезде. С начала военных действий она добровольно пошла на фронт в качестве сестры милосердия. 9 сентября 1915 г., во время упорного боя, Р. Казакова, заменив погибших офицеров, возглавила атаку на вражеские позиции, в ходе которой погибла. За этот подвиг она единственной из женщин России (не считая императриц) была посмертно награждена орденом Святого Георгия четвертой степени [10, с. 139].

Но были среди женщин и такие, которые стремились сражаться на фронте в качестве солдат наравне с мужчинами. Самым ярким примером этого патриотического служения Родине в масштабах не только Западной Сибири, но и всей страны, может служить боевой путь Марии Леонтьевны Бочкаревой. М.Л. Бочкарева из Томска в октябре 1914 г. послала на имя Николая II телеграмму о своем желании поступить на военную службу. Царь разрешил, и М.Л. Бочкарева была зачислена рядовым 25-го Томского сибирского запасного батальона. Она объясняла причину, из-за которой решила пойти добровольцем сражаться на фронт, чувством патриотизма и готовностью «умереть за родину». Через 2,5 месяца военной подготовки с маршевой ротой М.Л. Бочкарева была отправлена на фронт и стала служить в 28-м Полоцком стрелковом полку 7-й стрелковой дивизии 5-го армейского корпуса. Сражаясь в со-

ставе 28-го полка, она была четырежды ранена и награждена Георгиевскими крестами всех четырех степеней. После Февральской революции М.Л. Бочкарева была инициатором создания первого в России женского добровольческого батальона. 27 июня 1917 г. в Исакиевском соборе Петрограда было освящено знамя батальона, которое торжественно вручил М.Л. Бочкаревой генерал Л.Г. Корнилов. Свой первый бой батальон в составе 1-го Сибирского корпуса принял под Крево. За этот бой она была представлена к золотому оружию и произведена в подпоручици, а затем в поручици. За помощь адмиралу А.В. Колчаку в годы Гражданской войны в создании женского добровольческого санитарного отряда Особый отдел ВЧК 5-й Красной армии приговорил М.Л. Бочкареву к расстрелу [11, с. 78-81].

Таким образом, в годы Первой мировой войны добровольческое движение как в масштабах страны, так и региона было незначительным и включало в себя, как правило, представителей тех категорий населения, которые не подлежали мобилизации в ряды вооружённых сил.

Список источников и литературы

1. Жизнь Алтая. 1914. 13 нояб.
2. Иванов А. Студенты в окопах // Родина. 1993. № 8-9. С. 150-152.
3. Ерёмин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с.
4. Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Барнаул, 2005. 278 с.
5. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Ерёмин, Н.Д. Ростов. Барнаул, 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
6. Жизнь Алтая. 1914. 25 сент.
7. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. 1071 с.
8. Жизнь Алтая. 1914. 14 дек.
9. Жизнь Алтая. 1915. 6 мая.
10. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. 269 с.
11. Мой батальон не остратит Россию // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81.

А.А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет

(г. Барнаул)

astralnykeks@gmail.com

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНО-ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ИЮНЕ-СЕНТЯБРЕ 1918 Г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

Падение советской власти на Алтае в июне 1918 г. стало поворотным моментом в истории хозяйственного развития региона. Предпринятая советской властью реорганизация управления Алтайским округом оказалась незавершенной. Приказ № 1 комиссара Временного Сибирского правительства по Алтайскому губернии В.З. Малахова от 21 июня 1918 г. ликвидировал «все изменения в хозяйственно-административной области бывшего Алтайского округа, произведенные большевистско-советской властью» [1, л. 14]. Наряду с изменениями в центральном аппарате управления, внеочередная реорганизация затронула и местные учреждения Алтайского округа, управление которым оказалось сосредоточено в руках Алтайского управления земледелия и государственных имуществ (далее – Алтайского УЗиГИ).

Процесс первых хозяйственных преобразований «белой» власти на Алтае затрагивался в работах М.О. Тяпкина [2, с. 245-247], С.Е. Полякова [3, с. 252-253], фрагментарно и в общесибирском контексте, не касаясь специфики преобразований управления Алтайским округом, – В.М. Рынкова [4, с. 41-43] и др. Несмотря на значительные достижения историографии, в истории хозяйственных преобразований Алтайского округа сохраняются заметные пробелы. Остается не освещенным сложнейший процесс реорганизации административно-хозяйственных единиц Алтайского округа (лесничеств и арендных районов) летом 1918 г. На основе материалов фондов Государственного архива Алтайского края мы предпринимаем попытку осветить процесс реорганизации управления в

лесничествах и арендных районах Алтайского округа и выявить особенности хозяйственных преобразований местных учреждений управления земельно-лесным хозяйством Алтайского УЗиГИ в июне – сентябре 1918 г.

Коллегиальные органы хозяйственного управления, создававшиеся при лесничествах и арендных районах в период временного установления советской власти в регионе, – земельно-лесные советы и их управы – подлежали упразднению. Вместо них Алтайское УЗиГИ предписывало лесничим организовывать советы лесничеств, создававшиеся на Алтае ранее приказом начальника округа от 22 ноября 1917 г. в соответствии с циркуляром Лесного департамента Министерства земледелия Временного правительства от 28 июля 1917 г. В их состав входили служащие лесничества, а также представители волземкомов и органов волостного земского самоуправления. К компетенции советов лесничеств относилось решение кадровых вопросов, установление способов сохранения лесов и «все другие вопросы, в которых заинтересовано местное население и данное лесничество» [5, л. 273]. Однако на практике новообразованные органы обладали большими полномочиями, что обусловлено преемственностью алтайских советов лесничеств по отношению к советским земельно-лесным органам и произошедшим изменениям в системе административно-хозяйственных отношений. Так, вновь созданные советы лесничеств должны были рассматривать и разрешать вопросы, ранее находившиеся в ведении земельно-лесных советов [6, л. 70], чьи права в области лесотпуска, назначения и увольнения лесной стражи были значительно шире. Кроме того, в новых органах значительно возросла роль администрации лесничества. Например, совет Соляно-Озерного лесничества состоял исключительно из служащих этого лесничества. Согласно протоколу их общего собрания от 11 августа 1918 г., совет лесничества должен был решать все вопросы, «в которых заинтересованы только чины данного лесничества» [7, л. 99], о необходимости представительства других учреждений, обеспечивавших соблюдение интересов местного населения в протоколе упомянуто не было. После выхода постановления Временного Сибирского правительства от 25 июля 1918 г. «Об утверждении временного положения об учреждениях, ведающих земельными делами в Си-

бири» земельные комитеты были упразднены [8, с. 193], в связи с чем участие местного населения в работе советов лесничеств стало ограничено представителями земств.

Процесс ликвидации земельно-лесных советов растянулся на несколько месяцев. В одних лесничествах их упразднение прошло гладко: земельно-лесные управы самораспустились, лесничие приняли кассы, дела и приступили к организации новых органов лесоправления [9, л. 61; 10, л. 40; 11, л. 40-41, 48]. Прием лесничества мог длиться до нескольких недель и, как правило, сопровождался проверками приходно-расходных денежных документов. Ликвидация земельно-лесного совета в Риддерском лесничестве носила исключительно «косметический» характер, так как, по словам лесничего, земельно-лесной совет там числился лишь на бумаге [10, л. 64-64об.]. Земельно-лесная управа Зыряновского лесничества была распущена «партизанским отрядом Временного Сибирского правительства» еще до официального распоряжения Алтайского УЗиГи [10, л. 46]. Однако в некоторых административно-хозяйственных единицах у новой власти возникли серьезные сложности. Локтевский лесничий Шевчук при попытке принять лесничество был избит местными жителями, согласно телеграммы его помощника – по подстрекательству со стороны бывшего председателя земельно-лесного совета [12, л. 176]. Касмалинский лесничий в рапорте Алтайскому УЗиГи от 13 июля 1918 г. отмечал, что «все селения, кроме одного, идут против сдачи и ухода управы (земельно-лесной. – А.К.), считая ее законной» [13, л. 31]. В Аламбайском лесничестве жители отдельных заимок категорически отказывались признавать власть новой лесной администрации [14, л. 143].

Судьба бывших членов земельно-лесных управ также различна. Председатели Аламбайской и Кулундинской земельно-лесных управ, являясь служащими Алтайского УЗиГи, вернулись к своим прямым обязанностям: первый по должности лесничего, второй – письмоводителя [11, л. 40, 50]. В то же время член земельно-лесного совета Соколовского лесничества был арестован и отправлен в Барнаульскую тюрьму [11, л. 33]. Также были арестованы члены земельно-лесной управы Локтевского лесничества [12, л. 166]. Бывший председатель земельно-лесной управы Шульбинского лесничества, казачий офицер Бычков, стал заниматься орга-

низацией отрядов для борьбы с самовольными порубками [12, л. 166].

«Несмотря на неоднократные просьбы» [15, л. 281] со стороны лесничих, в ряде административно-хозяйственных единиц так и не были получены инструкции по организации новых структур лесоправления. Уже в начале сентября Алтайское УЗиГИ в ответ на рапорт соколовского лесничего от 13 августа 1918 г. отмечало отсутствие необходимости создания совета лесничества, по причине получения соответствующего предписания со стороны Министерства земледелия и колонизации [15, л. 280]. Советы лесничеств в Алтайском округе были упразднены приказом начальника Алтайского УЗиГИ № 68 от 17 сентября 1918 г. Согласно циркуляру Лесного департамента Министерства земледелия и колонизации от 3 сентября 1918 г., данные органы не удовлетворяли тем целям, «ради которых они были учреждены», т.к. стали средством пользования лесом в местных интересах и являлись тормозом в деятельности лесничества [1, л. 33; 7, л. 106]. На момент опубликования приказа начальника Алтайского УЗиГИ совет Нижне-Петровского лесничества просуществовал чуть более двух недель, т.к. был создан лишь 1 сентября 1918 г. [7, л. 107]. Как и земельно-лесные советы, советы лесничеств не успели в полной мере развернуть свою деятельность на территории округа.

Таким образом, в течение лета 1918 г. в административно-хозяйственных единицах Алтайского округа была произведена реорганизация управления земельно-лесным хозяйством. Несмотря на возникавшие трудности, за несколько месяцев были упразднены земельно-лесные советы и их управы, вместо которых на территории округа происходило воссоздание советов лесничеств. Особенностью образования и деятельности советов лесничеств летом 1918 г. являлась их преемственность по отношению к упраздненным земельно-лесным структурам, что расширяло их круг полномочий, кроме того, в новых земельно-лесных органах значительно возросла роль администрации лесничеств. Упразднение советов лесничеств не только прервало процесс преобразования земельно-лесного хозяйства Алтайского округа, но и фактически привело к восстановлению дореволюционных методов администрирования, не предусматривавших коллегиальности в управлении администра-

тивно-хозяйственных единиц, повышению роли лесничего, ликвидации участия местного населения в обсуждении хозяйственной повестки.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 555.
2. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2019. 496 с.
3. Поляков С.Е. Реорганизация кабинетской системы управления на Алтае в 1917-1919 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 249-253.
4. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914-1924 гг. Новосибирск, 2013. 244 с.
5. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706.
7. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775.
8. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док-тов и мат-лов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.
9. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4699.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4759.
11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4790.
12. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4719.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4795.
15. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4778.

В.Г. Кокоулин, доктор ист. наук, доцент

Новосибирское высшее военное командное училище, Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

kwladislaw@yandex.ru

ХАРАКТЕР ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В ПЕРИОД «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» (1920 Г.)

Крестьянские восстания в Сибири в период «военного коммунизма» начали изучаться уже современниками событий. Именно тогда появился вывод о том, что руководителями крестьянских восстаний были или «кулаки», или анархисты вроде Г.Ф. Рогова и И.П. Новосёлова. Подобная оценка данного явления сохранялась вплоть до перестройки, когда были предприняты попытки дать «новые» оценки данному явлению.

Причём характерно, что быстрее всех «перестроились» те, кто ещё совсем недавно пел дифирамбы «мудрой ленинской политике» в сибирской деревне и проклинал «кулацкие восстания». Так, в разделе «Гражданская война в Сибири (1920 г.)» в учебном пособии «Сибирь в период Гражданской войны» новосибирский историк В.И. Шишкин решил разоблачить «злодеяния» коммунистов на сибирской земле. Заявив о том, что заканчивать Гражданскую войну в Сибири победой над Колчаком неправомерно, он разъяснил, что из-за этого игнорируются «многочисленные факты вооружённой борьбы, которая в начале 20-х гг. велась между местным населением, с одной стороны, и коммунистическими властями – с другой» [1, с. 121]. Итак, теперь не «кулаки» воевали против «трудящихся» и Советской власти, а «коммунистические власти» свирепствовали в сибирской деревне, «издеваясь» над «крестьянами».

«Продление» Гражданской войны на события 1920 г. вызвало закономерную реакцию исторического сообщества. Известный специалист по истории Гражданской войны в Сибири доктор исторических наук М.В. Шиловский справедливо отметил, что неправомерно сопоставлять партизанское движение в Сибири периода колчаковщины с крестьянскими восстаниями и партизанским повстанчеством в 1920 г., поскольку при некотором внешнем сходстве они имеют принципиально разное содержание [2].

Критике подверглась и другая «концепция» В.И. Шишкина о сибирской деревне в период «военного коммунизма» как «Сибирской Вандее». Вот что пишет об этом известный специалист по истории крестьянства и повстанческого движения в Поволжье доктор исторических наук В.В. Кондрашин: «Вандея – это движение французского крестьянства под монархическими лозунгами, за возвращение прежних порядков, контрреволюционное по своему характеру. Сибирские же крестьяне не подвергали сомнению итогов революции и не поддерживали белое движение в Сибири. Сравнение крестьянских восстаний в Советской России с французской Вандеей характерно для многих авторов, использующих данное определение скорее, как красивый литературный штамп, нежели как понятие, соответствующее изучаемому вопросу» [3, с. 38].

Добавим к этому, что против населения Вандеи французские революционные власти развернули массовый террор, принявший форму геноцида. Карательные отряды – «адские колонны» генерала Тюрро – жгли дома и посеы, грабили, насиловали и убивали, уничтожая во многих местах поголовно всех жителей, включая женщин и детей. Общее количество жертв достигло 250 тыс. человек, т.е. около четверти населения Вандеи. И именно этот аспект «кроважести коммунистов» пытался подчеркнуть В.И. Шишкин.

В то время как некоторые историки занимались «идеологической перелицовкой» своих прежних работ, другая часть исторического сообщества, углубляя и совершенствуя социально-классовый подход, приступила к научному изучению крестьянских восстаний. Так, к настоящему времени детально описано и проанализировано повстанческое движение на Алтае, крестьянское восстание в Ново-никалаевском уезде в июле 1920 г. и повстанческое движение в Енисейской губернии [4; 5; 6, с. 289-331, 390-412].

Имеющиеся работы по истории крестьянских восстаний и повстанческого движения в Сибири в период «военного коммунизма» позволяют выделить два типа таких движений.

Первый тип – повстанческий отряд, который имел чётко выраженное ядро, как правило, из бывших партизан периода борьбы с белыми, а также бывшего партизанского командира. Такими были, например, повстанческие отряды Г.Ф. Рогова, Ф.Д. Плотникова (бывшего комиссара 1-го Алтайского полка партизанской армии

Е.М. Мамонтова) в Алтайской губернии, П.К. Лубкова в Томской губернии, щетинского партизана А. Дубского в селе Серёж в Енисейской губернии. Эти отряды, как правило, передвигались с места на места. По ходу их движения к ним иногда примыкали крестьяне, впрочем, они достаточно быстро покидали отряд. Исторической аналогией с точки зрения организации сил повстанцев может служить крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва, когда было чёткое ядро и примыкавшие и отпадавшие от этого ядра крестьяне.

Второй тип – крестьянское восстание, привязанное к определённой территории и не имевшее ярко выраженного ядра и известного руководителя. К такому типу восстаний можно отнести события, которые произошли в Новониколаевском уезде Томской губернии в июле 1920 г., получившем в исторической литературе название «Кольванского восстания» или «Кольванского мятежа», а также восстание в Зелёдеёвской волости Красноярского уезда Енисейской губернии в октябре 1920 г.

Эти два типа выступлений – повстанческие отряды и крестьянские выступления – объединяли схожие лозунги. Их можно разделить на два типа:

Первый тип – направленные против конкретных мероприятий Советской власти: «Не выполнять развёрстку, не возить хлеб, пусть сами придут за ним – тогда мы им покажем», «Не надо губпродкомов», «Будем сами делать обмен» и т.п.

Второй тип – самый важный – о характере власти. Наряду с неопределённым лозунгом «Власть народа, какую он сам изберёт», самым распространённым был лозунг «За Советскую власть без коммунистов», встречавшийся в разных вариантах, в частности «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов», «С нами бог, да здравствуют Советы без коммунистов» и т.п. Этот лозунг давно уже был проанализирован в работе В.И. Ленина, посвящённой урокам Кронштадтского восстания. Однако та методологическая установка, которая позволила первому руководителю Советского государства раскрыть глубинную сущность крестьянских восстаний в период восстановления Советской власти, к сожалению, оказалась забытой российскими историками.

Наряду с этим встречались лозунги «Да здравствует Учредительное собрание», «Да здравствует царь-батюшка», «За царя Михаила». Они встречались намного реже. Если говорить об их содержании, то они отражают не эсеровский или монархический характер крестьянского движения, а являются теми же вариантами представлений о «народном характере» власти, о попытке найти «третий путь» между диктатурами пролетариата и диктатурой буржуазии.

Антисемитские лозунги вроде «Бей коммунистов и жидов», а также «Берегитесь коммунистов, они уничтожают православие» также иногда встречались, но и они не свидетельствовали об антисемитизме в крестьянской среде, а были тем же вариантом лозунга «без коммунистов», поскольку колчаковская пропаганда активно изображала «коммунистов», особенно В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, как, впрочем, и других, в виде «жидов» [7, с. 31, 33, 34, 37].

Ещё одним типом лозунгов «о власти» были анархистские лозунги, которыми так ярко характерно выступление Г.Ф. Рогова и П.И. Новосёлова: «Да здравствует анархия – мать порядка» и «Долой власть, да здравствует анархия!». Тот факт, что наряду с этими лозунгами повстанческий отряд Г.Ф. Рогова выдвигал лозунг «Советы без коммунистов», свидетельствует о том, что повстанческий отряд пытался привлечь на свою сторону крестьян понятными для них лозунгами и идеями.

Чтобы понять, почему именно эти лозунги были популярны в крестьянской среде, необходимо посмотреть, как сами крестьяне понимали Советскую власть.

Так, источники свидетельствуют, что крестьянство Сибири встречало Красную Армию с надеждой на избавление от реквизиций и репрессий со стороны колчаковских властей, рассчитывая, что новая власть будет напоминать Советскую власть зимы 1917 – весны 1918 г. когда в деревне практически не собирались никакие налоги и сборы, а также наладит нормальный товарообмен города и деревни. Напомним, что после разгрома белых не было единой системы органов власти в сибирской деревне – сохранялись партизанские штабы, преобразовывавшиеся в исполкомы или ревкомы, создавались Советы по образцу весны 1918 г., кое-где действовали земства. Всё зависело от конкретных условий, в которых оказыва-

лась та или иная местность во время Гражданской войны и после её окончания. Вся эта система воссоздавалась снизу. Однако новая власть резко ограничила самодеятельность крестьян в формировании органов власти. С приходом частей Красной Армии все самодеятельные Советы и исполкомы на уровне уезда и волости распускались, а на их место назначались ревкомы. Самодеятельные органы власти, созданные крестьянами, сохранялись лишь в деревнях и сёлах [6, с. 263-267].

Между тем крестьяне считали, что органы власти должны быть не «назначаемыми», а выборными (в этом, конечно, действовала и общинная традиция, и опыт Советской власти весны 1918 г.). Логика действий самих крестьян вполне понятна – власть в деревне должна принадлежать крестьянам, они её выбирают, и она является выразителем их интересов как в самой деревне, так и в отношениях с уездными властями. Логика действий губернских и уездных властей также ясна – им нужна была прочная опора в деревне, а для этого были нужны «свои» органы власти. Отступления от этого принципа, по мнению представителей новой власти, могли привести к «анархии». Но в то же время она была вынуждена идти на определённые уступки крестьянам, допуская созыв крестьянских съездов (под контролем со стороны власти, разумеется) и выборы на них органов власти. Характерна в этом отношении резолюция, принятая в конце января 1920 г. в Каменском уезде Алтайской губернии на заседании съезда участковых комиссаров Каменской уездной советской рабоче-крестьянской охраны, в которой сами представители Советской власти просили уездный ревком созвать крестьянский съезд как «представительный народный орган» [8, л. 1].

Таким образом, большинство крестьян сибирской деревни не разделяло анархистских лозунгов и не было настроено контрреволюционно или антисоветски. Разумеется, на бытовом уровне крестьяне вспоминали «добрые старые времена» (отсюда и монархистские лозунги), но это была реакция на нестабильность во время революции, Гражданской войны и первое время после её окончания. Они критиковали советских работников и коммунистов, но это вытекало не из общего отношения к социалистическим идеям и Советской власти. Характерно и то, что крестьяне даже на бытовом

уровне не выступали за частную собственность на землю. Свобода торговли, равноценный товарообмен, «своя» (то есть выборная, а не назначенная сверху) Советская власть – вот основные стремления крестьян сибирской деревни в период «военного коммунизма». Так можно расшифровать часть лозунга «За Советы».

Возникает закономерный вопрос, что означает «без коммунистов»? Против чего выступали крестьяне? Против военно-коммунистической политики – запрета свободы торговли и изъятия у них продовольствия без соответствующей компенсации промышленными товарами. Поэтому объективная почва для крестьянских выступлений существовала до тех пор, пока центральная власть была вынуждена проводить советскую продовольственную политику в деревне военно-коммунистическими методами, а субъективным фактором были не оправдывавшиеся ожидания крестьян от новой власти.

Список источников и литературы

1. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период Гражданской войны: учеб. пособие. Кемерово, 1995.
2. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. 1917-1920. Новосибирск, 2003.
3. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
4. Шекшеев А.П. Крестьянское повстанчество на Енисее в начале 1920-х гг.: политические лозунги и сущность // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12).
5. Кокоулин В.Г. Крестьянское восстание в Новониколаевском уезде в июле 1920 г. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18).
6. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013.
7. Сибирская трагедия: идеологический аспект. Сб. док-тов. Новосибирск, 2019.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 78.

В.Ю. Корнева, канд. ист. наук
Музей истории Томска (г. Томск)
kornevaleriya@yandex.ru

А.В. Чуманов
Музей истории Томска (г. Томск)
mit1604@yandex.ru

ТОМСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЙОН «ПРОФЕССОРСКАЯ СЛОБОДА» И УЛИЦА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ: ОЧЕРК ИСТОРИИ И ПЕРСОНАЛИЙ

Современная улица Дзержинского в период XIX – начала XX в. входила в район, известный под названием «Профессорская слободка», «Преображенская слобода» или, как называл ее также проживавший здесь Григорий Николаевич Потанин, – «Сибирская слобода» [1, с. 250].

На рубеже XIX-XX вв. этот район, а также современная ул. Красноармейская являлись окраиной: они находилась далеко от центральных кварталов города. В указанный период район имел особый статус и особенное значение в истории города. Здесь жили непростые люди: профессора, купцы, известные ученые, общественные деятели и т.п. Это и определило его название.

В дореволюционный период томской истории улица носила название Преображенской. Географически она начиналась от пер. Нечевского до церкви Св. Преображения (в простонародье – Ярлыковской), ныне утраченной. Современное название улицы появляется в 1929 г., как одна из мер по увековечению памяти Ф. Дзержинского [2, с. 85-86]. Позднее границы улицы оформляются от пер. Нечевского до ул. Усова.

Планировка и архитектура улицы на сегодня – некое свидетельство смены исторических периодов в развитии страны. Территория от пер. Нечевского и до сквера – хороший пример сохранившейся в городе деревянной застройки сибирского города рубежа XIX-XX столетий. Сквер на участке от часовни и до ул. Карташова, частично находящийся на месте бывшей Преображенской площади, окружавшей Ярлыковскую церковь, на современных картах сохраняет свое историческое название – Ярлыковский или Пре-

ображенский сквер. Часть застройки, прилегающей к скверу, – «хрущевки» 60-х гг., выстроенные на месте некогда стоявших здесь деревянных домов, в которых жили представители томской интеллигенции. Другая часть – новостройки – свидетельство того, что район продолжает сохранять свою престижность, тем более, что находится в непосредственной близости к центру и еще одному элитному городскому кварталу – губернаторскому. Деревянная застройка на этом участке улицы полностью утрачена. Например, находившаяся здесь усадьба А.В. Адрианова вскоре после его смерти была снесена, а в 1965 г. на ее месте была построена пятиэтажка [1, с. 252].

Застройка от местонахождения утраченной Ярлыковской церкви и до пр-та Кирова охватывает территорию недавно снесенного городского рынка – «Дзержинка». По периметру улицы примеры «сталинской» архитектуры, далее через проспект Кирова также жилые дома разных периодов советского времени.

Рассмотрим участок улицы от пер. Нечевского и до Преображенского сквера, дома № 1-21. Фактически данный участок – единственный, сохраняющий сегодня томскую улицу Преображенскую рубежа XIX-XX вв. Часть домов здесь реконструированные объекты, часть – аутентичные памятники деревянной архитектуры, сохраняющие историю пребывания значимых для городской и российской истории личностей, а значит имеющие мемориальное значение.

На улице расположены одноэтажные и двухэтажные деревянные дома, богато украшенные резьбой. В начале века здесь находилось много доходных домов, а также городские усадьбы и комплексы строений к ним, принадлежавшие какой-то конкретной семье. Помимо профессоров, на улице жили значимые городские общественные и политические деятели, крупные чиновники, представители торгового капитала (купцы) и известные ученые с мировым именем.

Рассматривая конкретно-предметно деревянные усадьбы в границах от пер. Нечевского и до Преображенской часовни и сквера, можно вникнуть и рассмотреть историю конкретных объектов деревянной архитектуры и персоналий, с ними связанных.

Укажем, что любой городской экскурсионный маршрут, рассказывающий о деревянной архитектуре сибирского города, будет гораздо содержательней, если рассматривать его не только применительно к датам застройки, именам архитекторов, особенностям художественного стиля, но также и к личностям хозяев дома. Иными словами, город и рассказ о нем можно «оживить» сюжетами из жизни конкретной персоналии, бытовой повседневностью человека: родом занятий, распорядком дня, значимыми событиями жизни, связанными, например, с выделением ему участка земли под застройку городскими чиновниками, или объявлениями в местных газетах о его смерти и т.п. Вся эта культура повседневности созвучна нашей современности и близка нам сегодняшним, ведь столетия назад люди жили теми же заботами и делами, и это вызывает интерес. При этом не важно, является ли человек значимой исторической личностью или это простой горожанин.

Часть домов по улице Преображенской в дореволюционном Томске – доходные. Период второй половины XIX – начала XX в. – время наибольшего распространения в городе такого типа застройки, связанной с интенсивным экономическим развитием Томска: проведением в 1890-х гг. Сибирской железнодорожной магистрали, открытием учебных заведений, продолжающимся переселенческим движением. Население, прибывавшее в город, могло снять комнату или квартиру в аренду. Такая ситуация на рубеже столетий была экономически выгодна и социально оправдана. Извлечение дохода от сдачи жилья, как правило, являлось основным занятием домовладельца. Владелец и квартиранты проживали в одном доме [3, с. 118-119]. Общеизвестно, что в «профессорской слободе» снимали жилье представители науки и образования, общественные деятели. Доходных домов на Преображенской было много: № 1, 2, 3, 5, 8, 18, 20, 21 и т.д.

Доходный дом по адресу ул. Дзержинского, 5, примечателен для томской истории тем, что в нем снимал жилье и был арестован Валериан Владимирович Куйбышев (1888-1935) – известный революционер и советский политический деятель. Жизнь и деятельность В.В. Куйбышева оказалась тесно связанной с Томском. В период с 1907 по 1915 г. он бывал здесь более 10 раз и оставил заметный след в работе местной большевистской организации. По дан-

ному адресу он жил также во время учебы в Томском университете, в период 1909-1910 гг. Куйбышев занимал комнату на втором этаже в квартире студента-технолога М.Ф. Наумова [4, с. 12].

Старожилы улицы еще помнят фамилии домовладельцев начала XX в.: по нечетной стороне от пер. Нечевский и до ул. Дзержинского, 17, жили Макшеевы, Донниковы, Новосельцевы, Зубовы, Суховы; по четной стороне – Керженцевы, Лопуховы, Бусыгины, Ивановы, Коневы, Черданцевы [5]. Материалы «Списка улиц г. Томска...» за 1908 г., частично подтверждая эти данные, значительно расширяют список домовладельцев [6, с. 77].

Например, несколько домов, территориально относимые сегодня к современному адресу ул. Дзержинского, 6, принадлежали И. Керженцеву – служащему в качестве приказчика в известной в дореволюционном Томске торговой фирме А. Второва [7]. Комплекс строений включал два дома [5] и, вероятно, несколько дворовых построек (флигелей). Или архитектурная доминанта улицы – усадебный комплекс по адресу ул. Дзержинского, 12, – единственный в своем роде на данной территории, поскольку включает и сегодня все еще сохраняющиеся амбар и конюшню. Все постройки относятся к 1890 г. [8]. Домовладелицей являлась Иванова Анастасия Николаевна, в воспоминаниях старожилов района вдова [5].

Напротив усадебного комплекса – особняк купца Зубова (ул. Дзержинского, 15) 1900 г. постройки и флигель к нему (ул. Дзержинского, 13) [5, 8]. Особняк и флигель, а также две постройки по ул. Герцена за основным особняком – это дома, принадлежавшие большому семейству купца Зубова [5]. Собственно, Зубов Николай Петрович в 1870-1880 гг. – купец 2-й гильдии из Нарыма, в 1873 г. получивший «дозволительное свидетельство» на поиски золота [9, с. 256]. Известно также, что он торговал чаем и имел магазины на Базарной площади [8].

Особняк примечателен и известен другим историческим фактом: женат Н.П. Зубов был на Марии Ивановне Менделеевой (1853-1910), племяннице знаменитого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева (1834-1907). У них было более 5 детей [5]. Сохранились фотографии одного из сыновей – Петра Николаевича Зубова, работавшего на железной дороге [8].

Общеизвестно, что сам Д.И. Менделеев, которого приглашали на должность первого ректора Университета, и часть его многочисленных родственников были тесно связаны с городом. Кроме М.И. Менделеевой в указанный период в Томске жили еще несколько его родственников, часть из них – по ул. Преображенской. Родной старший брат Д.И. Менделеева Иван Иванович Менделеев (1826-1862) служил в Томске в звании смотрителя переселенцев, «отправляя» обязанности бухгалтера. В городе у его многочисленного семейства был собственный дом [10, с. 40]. Его дочь Прасковья Ивановна Менделеева вышла замуж за Сергея Александровича Сухова [11, с. 38] и проживала в домах на углу улиц Преображенской и Александровской (ныне – Герцена). Родственницы Мария Ивановна Зубова (Менделеева) и Прасковья Ивановна Сухова (Менделеева) жили напротив друг друга в домах на перекрестке улиц по нечетной стороне [5].

Кроме того, в городе также одновременно с братом Иваном Ивановичем жили две его сестры: Мария Попова (Менделеева), жена Михаила Попова, директора училищ Томской губернии; Екатерина Ивановна Капустина (Менделеева), жена видного томского чиновника Семена Яковлевича Капустина. Семьи поддерживали родственные связи [10, с. 40].

По неизвестной причине купеческая жена Мария Ивановна Зубова (Менделеева) повторно вышла замуж за известного ученого А.А. Кулябко [5], знаменитого своими экспериментами 1902 г. по «оживлению» сердца ребенка спустя 20 часов после смерти [12, с. 124]. Мария Ивановна и Алексей Александрович совместно проживали в особняке по ул. Преображенская, 15 [5].

Еще одна значимая усадьба на улице – это дома в границах пересечения улиц Герцена и Дзержинского, некогда составлявшие единый комплекс, принадлежавший большому семейству Суховых – застройка в пределах современных адресов по ул. Дзержинского, 17, 17/1, Герцена, 33. Местные жители вспоминали, что Суховы имели три дома: один – на углу улиц, второй – по ул. Преображенской, третий – по ул. Александровской [5]. Три дома были объединены рошей с густо растущими кустарниками и деревьями [11, с. 39]. Часть домов здесь к настоящему времени утрачена: особняк на углу улиц (ул. Дзержинского, 17/1) сгорел [5], а на его месте сегодня

находится частное кирпичное строение. В Известиях Томского Городского Общественного Управления за 1889 г. встречается информация о том, что жене статского советника Прасковье Суховой Городской Управой выдано разрешение «на постройки» в Юрточной части, а конкретно – на углу Александровской (ныне – ул. Герцена) и Преображенской улиц [13, с. 6].

Сохранилась память о хозяевах этой усадьбы. Женат был Сергей Александрович Сухов на Прасковье Ивановне Менделеевой, дочери старшего брата великого ученого Ивана Ивановича Менделеева, жившего с семьей в Томске. У них было пятеро детей: дочери Надежда и Ольга, сыновья Александр, Владимир, Сергей. Сергей Александрович Сухов родился в 1845 г. в Пензе. Окончил обучение в Казанском университете на естественном факультете. В Томск прибыл из Иркутска в 1847 г. Сухов работал воспитателем в мужской гимназии и учителем физики и химии в Реальном училище. Известно также, что в 80-е гг. XIX в. он занимал должности кандидата Университета, помощника инспектора студентов Томского университета, гласного Думы [11, с. 38], а также имел гражданский чин статского советника [13, с. 6]. По складу ума был человеком увлеченным: вел фотокружок, занимался пчеловодством [11, с. 38], о котором даже печатал статьи [14].

Еще один значительный адрес – дом № 21, сгоревший в 1999 г. В настоящее время памятник архитектуры реконструирован.

Дом был построен архитектором Станиславом Хомичем (1864-1914) как доходный, а в советское время здесь жили разные люди в отдельных квартирах [8]. Известен современный новодел тем, что здесь проживала довольно неоднозначная личность для своего времени – писатель и этнограф Василий Иванович Анучин (1875-1943), который из Красноярска осенью 1911 г. переезжает в Томск на постоянное жительство. Его деятельность связана здесь с публичными лекциями, публикациями в местной периодике, где статьи приобретают четко выраженную областническую направленность. Он входит в состав «потанинского кружка», общается с В.Я. Шишковым, М.М. Щегловым, М.Б. Шатиловым. В результате конфликта с местной интеллигенцией и, в частности, с А.В. Адриановым и его соратниками, В.И. Анучин устраняется от участия в обще-

ственно-политической жизни Томска и впоследствии уезжает из города [15].

Пофамильный состав известных для города жителей улицы, начиная с дома № 21 и по 43 дал В. Славнин. Сегодня деревянная застройка на этом участке улицы утрачена: по четной стороне здесь жили В.В. Ревердатто, Г.Н. Потанин, А.В. Андрианов; по нечетной – М.И. Хлебников, И.В. Геблер, А.А. Грацианов, Г.К. Тюменцев, М.К. и И.М. Мягковы [1, с. 250].

Известно также, что на указанный период в слободе проживали и другие значимые персоны городской истории. Также в начале XX в. среди жителей слободы упоминаются известные томские профессора А.А. Линдстрем, И.А. Малиновский, И.В. Михайловский, В.М. Мыш, Г.Г. Тельберг [16, с. 44]. Например, профессор Томского университета Иоанникий Алексеевич Малиновский (1868-1932), в 1904 г. приехавший в Томск преподавать по кафедре истории русского права, нанял с семьей квартиру в доме В.П. Щепетева на Преображенской улице [17, с. 286-287].

В период становления новой власти в слободе продолжают жить представители интеллигенции, люди творческих профессий и т.п.

Таким образом, нужно отметить, что в пределах небольшого участка современной улицы сохраняется большой объем краеведческой информации, имеющей мемориальную ценность и связанной с историей города, наукой, культурой. Привлекая определенный круг данных и источников, удается актуализировать эту информацию, показать «жизнь» конкретного исторического района, объектов и памятников деревянного зодчества, сквозь факты биографии отдельных персоналий: исторических личностей общероссийского значения или просто горожан.

Список источников и литературы

1. Славнин В. Томск сокровенный. Томск, 1991. 325 с.
2. История названия томских улиц. Томск, 2012. 368 с.
3. Куликова И.В. Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГАСУ. 2007. № 2. С. 118-125.

4. Синяев В.С. В.В. Куйбышев в Томске // Наш город родной. Исторические и памятные места Томска. Новосибирск, 1982. С. 11-14.
5. Авторские материалы Боровинских Н.П. (Интервью с Зубовой Л.П. – потомком купца Зубова).
6. Список улиц г. Томска с поименованием домовладельцев и указанием деления на Полицейские, Мировые и следственные участки. Томск, 1908. 97 с.
7. Государственный архив Томской области (г. Томск). Ф. Р-430. Плановая комиссия исполнительного комитета Томского городского совета народных депутатов (горплан), г. Томск Томской области (1930-1991 гг.). Оп. 3. Д. 2109. Л. 8, 9.
8. Народная архитектурная энциклопедия (каталог адресов) Музея деревянного зодчества (г. Томск). URL: <http://artmuseumtomsk.ru/page/221> (дата обращения: 01.08.2019).
9. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. 450 с.
10. Письмо Ивана Ивановича Менделеева из Томска младшему брату Дмитрию Ивановичу в Петербург // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 1998. № 14 (19). С. 40.
11. Попов Ю. От мощного дерева Менделеевых – Суховых // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 1998. № 14 (19). С. 38-39.
12. Бушов Ю.В., Медведев М.А., Фоминых С.Ф. А.А. Кулябко – выдающийся русский физиолог (к 150-летию со дня рождения) // Бюллетень сибирской медицины. Томск, 2016. № 15 (3). С. 120-128.
13. Известия Томского Городского Общественного Управления. Томск, 1889. № 3. 9 с.
14. Сухов С.А. О пчеловодстве в Томской губернии // Научные очерки Томского края: сборник публичных лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства, организованных осенью 1897 года бывшим Томским отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства, ныне преобразованным в Западно-Сибирское общество сельского хозяйства. Томск, 1898. С. 1-32.

15. Шиловский М.В. Анучин Василий Иванович (1875-1943). URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/31/> (дата обращения: 01.08.2019).

16. Деревянное зодчество Томска. Прошлое и настоящее (книга-альбом). Томск, 2009. 256 с.

17. Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. С. 286-341.

Е.Н. Курсакова, канд. ист. наук, доцент
Барнаулский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
en-kursakova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе основой формирования промышленной политики России является стратегия инновационной модернизации экономики, устанавливающая задачи, направленные на прорыв в научно-технологическом и социально-экономическом развитии страны. При разработке методических основ формирования общероссийской эффективной стратегии промышленной политики необходимо обращаться не только к теоретическим достижениям и практическому опыту, накопленному в промышленно развитых капиталистических странах, но и учитывать советский социально-экономический опыт модернизации предприятий, основанный, например, на теоретической концепции социалистической организации труда и управления производством А.К. Гастева.

7 мая 2018 г. Президент России Владимир Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», согласно которому были сформированы национальные проекты по таким стратегическим направлениям, как здравоохранение, образование, наука,

экология, демография, малое и среднее предпринимательство, цифровая экономика и др. [1]. Важнейшим направлением для преобразований был обозначен проект, связанный с производительностью труда и поддержкой занятости. Еще в 2013 г. В.В. Путин в выступлении на инвестиционном форуме «ВТБ Капитала» «Россия зовет!» назвал главным экономическим вызовом «необходимость повышения темпов роста производительности труда», поскольку «россияне пока работают с низкой производительностью», а это означает «консервацию сырьевой структуры экономики» [2]. В связи с тем, что «Россия более чем в 2 раза уступает развитым странам по производительности труда», Президентом была поставлена задача регионам «изменить качество рынка труда и структуру занятости», более того, «в ближайшие годы показатель эффективности в России должен ежегодно расти на 5-6%» [2].

Для решения поставленной задачи президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 сентября 2018 г. № 12) был разработан и утвержден национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Предполагается, что к 2024 г. в результате реализации данного национального проекта будет достигнут прирост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики на 5% (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт); включены в реализацию проекта 85 субъектов Российской Федерации и не менее 10 000 крупных и средних предприятий базовых несырьевых отраслей экономики (с ограничением по выручке от 400 млн руб. до 30 млрд руб. в год) [3].

Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» включает в себя еще три федеральных проекта: «Системные меры по повышению производительности труда», «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях», «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда».

В рамках мероприятий проекта «Системные меры по повышению производительности труда» предполагается глубокое системное совершенствование существующей экономической базы для обеспечения устойчивого роста производительности труда в

стране, снижение административных ограничений, стимулирование применения передовых методов производства и управления на предприятиях [4]. В рамках данного проекта предприятие, например, может направлять своих топ-менеджеров на переобучение с целью повышения искусства управления, которое проходит в Москве по программам «Лидеры производительности» и «Лидеры ПРО».

Ключевыми направлениями федерального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» являются внедрение лучших практик бережливого производства на конкретных предприятиях и обучение сотрудников [5].

Главными задачами федерального проекта «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» были определены переобучение работников предприятий и модернизация служб занятости населения [6].

Алтайский край в конце 2018 г. подготовил стратегические документы и прошел конкурсные процедуры для участия в числе 20 пилотных регионов в данном национальном проекте. В марте 2019 г. представители Федерального центра компетенций дали старт внедрению мероприятий бережливого производства на территории края. На базе Алтайского центра кластерного развития был создан региональный Центр компетенций. Только за первый год реализации проекта в крае его участниками стали 28 предприятий несырьевого сектора, в числе которых ООО «Хлеб-4», ООО «Завод Механических Прессов», АО «Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения» (торговая марка VELES), ООО «ПО «Межрегионэнергосервис», ООО «Сибэнергомонтаж» и др. Всего планируется в Алтайском крае перестроить к 2024 г. работу 98 предприятий [7]. Общая и главная задача – к 2024 г. повысить в стране производительность труда на 30%.

Устранить потери, сократить себестоимость продукта, увеличить выработку продукции, повысить ее качество на предприятиях-участниках в Алтайском крае, как и в других регионах, включенных в проект, предполагается за счет работы экспертов по следующим направлениям: обучение новым технологиям; помощь в создании собственных программ по повышению производительности

труда; подготовка региональных экспертов для последующего тиражирования лучших практик и отраслевого опыта в субъектах Российской Федерации – участниках национального проекта на базе региональных центров компетенций; сбор и распространение лучших практик и накопленного отраслевого опыта, тиражирование решений по повышению производительности труда, в т.ч. посредством привлечения к сотрудничеству международных и российских партнеров и создания единой ИТ-платформы (производительность.рф).

Стать участниками проекта могут не все производственные предприятия Алтайского края. Существует три ограничительных фактора: выручка предприятия должна составлять не менее 400 млн руб. в год; предприятие должно работать в основных несырьевых отраслях промышленности; размер участия иностранного капитала в совокупном уставном капитале предприятия не должен превышать 25% [2].

Важнейшим направлением реализации проекта является внедрение методов бережливого производства на предприятиях – участниках нацпроекта, в т.ч. экспертами федерального и региональных центров компетенций. Одним из обязательных элементов для каждого региона, включившегося в этот проект, является «Фабрика процессов» – образовательная производственная площадка, которую регион создает на своей территории. На ней сертифицированные тренеры регионального центра компетенций организуют бесплатное обучение технологиям бережливого производства. Согласно методическим рекомендациям, данную площадку можно разместить на базе вуза (как в Тамбове), предприятия (как на Средне-Волжском механическом заводе) или непосредственно на базе фонда развития промышленности (как в Саратове). В Барнауле региональная «Фабрика процессов» была открыта в центре «Мой бизнес», являющемся пунктом притяжения предпринимателей разного уровня. Предполагается, что данной площадкой смогут пользоваться не только участники проекта, но и предприятия с выручкой менее 400 млн руб., и поэтому не имеющие возможность войти в проект. В то время, когда площадка не будет задействована предприятиями-участниками, ее территория и оборудо-

дование будут использованы субъектами малого предпринимательства [7].

«Фабрика процессов» – это учебная платформа, представляющая собой идеальную модель производства, на примере которого в режиме реального времени можно отработать бережливые технологии, понять, как они влияют на операционную и финансовую эффективность. Всегда в любом бизнесе есть процессы основные и вспомогательные, такие, как логистика, склад сырья или готовой продукции и др. Поскольку данные вспомогательные процессы на всех предприятиях примерно одинаковые, то именно их и охватывают инструменты бережливого производства.

Предприятие, вступившее в проект, направляет для обучения на «Фабрику процессов» рабочую группу, чтобы повысить компетенцию сотрудников, на практике закрепить элементы бережливого производства, которые они могут и хотели бы внедрить у себя на производстве. В течение работы данной «Фабрики» работники переживают несколько стадий. Первая предполагает стресс и хаос на предприятии, когда ничего не получается. В этих условиях участники должны сделать определенные выводы под руководством сертифицированных тренеров и совместно прийти к решению данной проблемы. Все это происходит у инфоцентра, где по методике на предприятиях должны проходить собрания по подведению итогов, по выстраиванию и нахождению элементов повышения эффективности производства. Следующая стадия должна привести к улучшению, поскольку связана с выходом на эффективное производство. Кроме того, в течение всего дня для участников проходят мини-лекции, чтобы направить их к правильному решению [7].

Также непосредственно на каждом предприятии-участнике нацпроекта трудится группа экспертов федерального Центра компетенций, которые отрабатывают инструменты бережливого производства по одному выбранному направлению. Плановая работа с предприятием ведется в течение полугода, на протяжении последующих двух с половиной лет бережливые технологии уже внедряются на остальных участках работы самостоятельно.

В целом, бережливое производство – это методология, которая обобщает результаты опыта предприятий, занимающихся активным поиском способов снижения издержек. Основной идеей кон-

цепции бережливого производства является «очищение» бизнес-процессов от того, что приводит к издержкам. Например, современные предприятия планируют заказы вперед на полгода, что зачастую приводит к большим складским затратам и отвлечению из оборота денежных средств. Теоретики бережливого производства советуют внедрять планирование только на один месяц, что позволяет снижать данные затраты. Принципы работы сводятся к тому, что клиент делает на предприятии заказ, после чего предприятие приступает к закупке сырья, материалов у поставщиков и непосредственно к производству товара.

Кроме того, концепция бережливого производства предполагает командную работу и вовлечение каждого специалиста в эффективное производство: любой сотрудник предприятия, приходя на свое рабочее место, должен понимать, что от результатов именно его деятельности зависит конечный результат всей производственной системы.

Внедрение элементов системы бережливого производства на современном предприятии позволяет достигнуть получения правильной продукции в правильном количестве, в правильное время и в правильном месте, при условии минимизации потерь.

Основателем концепции «бережливого производства» считается Тайити Оно, создававший производственную систему Toyota Production System (TPS) в 1950-е гг. Данная система на каждом этапе создания продукта предполагает оценку его ценности для конечного потребителя и планомерное сокращение процессов и операций, не добавляющих ценности. Однако основы данного подхода были заложены несколько ранее другими теоретиками эффективного управления производством: например, Фредерик Тейлор в 1911 г. писал о необходимости постоянного поиска наиболее эффективных способов выполнения каждого вида работы на производстве и использования рационализаторских предложений рабочих. Фрэнк и Лилиан Гилбрет в 1912 г. создали «Систему изучения движений». В 1914 г. Генри Форд впервые в мире стал использовать промышленный конвейер для поточного производства автомобиля.

Огромный вклад в теорию управления производством внес Алексей Капитонович Гастев, выдающийся советский теоретик и

практик научной организации труда (НОТ). В 1921 г. он организовал и возглавил Центральный институт труда (ЦИТ), который сформулировал собственную оригинальную концепцию НОТ и управления производством, и вместе с тем в достаточной мере трансформировавшую и интегрировавшую в себя все наиболее ценные находки буржуазной организационно-управленческой мысли [8]. Концепцию ЦИТ отличала многогранность. А.К. Гастев разработал теоретические и экспериментальные идеи нового направления – социальной инженерии, которое охватывало сферы техники, технологии, психофизиологии, биологии, экономики, педагогики, истории. Под его руководством на десятках предприятий внедрялись инновационные методы организации труда и производства, по методикам ЦИТа было подготовлено более 500 тыс. квалифицированных рабочих, более 20 000 инструкторов и консультантов НОТ. Создание ЦИТ на 60 лет опередило создание в США аналогичной структуры, занимающейся реорганизацией труда американских предприятий – исследовательского проекта на базе Массачусетского Технологического Института.

Наряду с всемирно известными учеными А.К. Гастев стоит у истоков формулирования одной из важнейших категорий бережливого производства – понятия «культура труда». Промышленное возрождение России, по его мнению, неотделимо от культурного переворота, предполагающего уничтожение «стихийной распушенности» человека. Культура труда начинается у Гастева с «физической и бытовой культуры – рационального режима дня, правильного питания, отдыха и движения, затем закрепляется в социально-психологической культуре поведения, искусстве владения собой и своими эмоциями, взаимоотношениях, а результируется в подъеме общей культуры производства. Культура труда имеет также экономическое измерение: так, при правильном расположении инструментов работник выигрывает час в течение дня; у культурного человека всегда все под рукой» [9, с. 33].

Кроме того, концепция Гастева предполагает творческий подход к орудиям производства, то есть самым обыденным вещам – молотку, клещам, карандашу. По мнению Гастева, на производстве важна не сама машина, а установка на нее, т.е. нацеленность на постоянное, каждодневное конструирование, изобретательство. Для

этого необходимо, с точки зрения А.К. Гастева, разработать и внедрить эффективную систему методов привлечения работников к управлению. Именно они, а также «ежедневное внимание со стороны администрации (обучение, помощь), создадут предпосылки к тому, что рабочий задумается над каждым своим движением и приемом, сможет разобраться в его анатомии и устройстве» [9, с. 34].

А.К. Гастев, руководя большой командой экспертов, фактически создал за десятилетний период в СССР класс профессиональных рабочих.

Таким образом, реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в регионах Российской Федерации, в т.ч. в Алтайском крае на современном этапе, включающего методики и наработки Федерального центра компетенций, основанные на обобщенном опыте теоретиков и практиков мировой организационно-управленческой мысли (Тейлора, Г. Форда, Ф. Гилбрета, Тайити Оно), включая советскую концепцию НОТ и управления производством А. Гастева, безусловно, должна позволить решить поставленную Президентом задачу – к 2024 г. повысить в стране производительность труда на 30%.

Современная промышленная политика, включающая важный и нужный процесс инновационной модернизации экономики, без теоретического осмысления происходящих преобразований, без вовлечения в процесс управления всех субъектов производства никогда не даст необходимого экономического эффекта. Модернизация хаоса не может способствовать достижению поставленных целей. Однако национальный проект по повышению производительности труда тем и ценен, что учит на основании элементов бережливого производства внедрять в сознание всех занятых на предприятии определенную философию, предполагающую собственную ответственность за конечный продукт. Данный национальный проект должен способствовать научно-технологическому прорыву и социально-экономическому развитию России, а в целом повышению уровня жизни граждан, созданию возможностей для их самореализации.

Список источников и литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.09.2020).

2. Путин выступил на форуме «Россия зовет». URL: <https://www.interfax.ru/russia/332313> (дата обращения: 20.09.2020).

3. Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Федеральный проект «Системные меры по повышению производительности труда». URL: https://xn--b1aedfedwqdbfnzkf0oe.xn--p1ai/ru/national-project/system_measures/ (дата обращения: 20.09.2020).

5. Паспорт федерального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» (приложение № 2 к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Производительность труда и поддержка занятости» от 18.12.2018 № 4) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Паспорт национального проекта (программы) «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» (приложение № 3 к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Производительность труда и поддержка занятости» от 18 декабря 2018 г. № 4). URL: <https://ppt.ru/docs/pasport/212392> (дата обращения: 20.09.2020).

7. «Фабрика процессов»: как и зачем на Алтае внедряют бережливое производство. URL: <https://xn--22-9kcqjffxfnf3b.xn--p1ai/smi/12764/> (дата обращения: 20.09.2020).

8. Галерея экономистов: Алексей Капитонович Гастев. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=/ru/gastev/biogr/gastev_b1.txt&name=gastev&img=brief.gif (дата обращения: 20.09.2020).

9. Гастев А.К. Как надо работать. 2-е изд. М., 1972.

А.В. Литягина, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет (г. Бийск)
alityagina@yandex.ru

Н.В. Виницкая, канд. искусствоведения, доцент
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет (г. Бийск)
natigor007@yandex.ru

О НОВЫХ ЧЕРТАХ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ГОРОЖАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

Параллельно с существованием корпоративных организаций и корпоративного сознания [1, 2] у населения западно-сибирских городов формировались элементы нового воззрения на мир и свое место в нем, связанные с модернизацией эпохи, трудовой деятельностью, образованием, доходами. Нами отмечался процесс профессионализации сознания горожан, отраженных в уставах, документах общественных организаций [3]. Создавалась масса общественных организаций по профессиональному признаку: общества инженеров, педагогов, врачей и т.д. Насущная потребность в обсуждении профессиональных вопросов, в организации взаимной социальной помощи приводила к объединениям работников в такие общества. Так, целями томского педагогического общества были провозглашены «разработка теоретических и практических вопросов, имеющих отношение к педагогическому делу, распространение педагогических знаний и объединение лиц педагогической профессии г. Томска» [4, с. 1].

На заседаниях таких обществ происходил живой обмен мнениями по разным насущным вопросам. Городские и региональные объединения сотрудничали по обсуждению профессиональных проблем, обменивались опытом, поддерживали друг друга. Так, на собрании общества практикующих врачей г. Томска 12 сентября 1913 г. члены объединения заслушали сообщение об обществе врачей Восточной Сибири и постановили отправить в Иркутск приветственную телеграмму в честь 50-летнего юбилея данного общества [5, с. 25].

Логика развития профессиональных объединений в сторону профсоюзов выражалась в проведении Всероссийских съездов обществ, на которых поднимались вопросы защиты прав трудящихся. Так, на состоявшемся в конце декабря 1902 г. – начале января 1903 г. в Москве I Всероссийском съезде представителей учительских обществ взаимопомощи был разработан проект устава союза учительских обществ [6, с. 55]. Сибирские делегаты на этом съезде подняли вопрос о необходимости признать, что «положение народного учителя Сибири может улучшиться коренным образом только с ведением в Сибири земских учреждений» [6, с. 45].

Профессионализация сознания была тесно связана с формированием гражданского мировоззрения, последнее подпитывалось первым. Работники, служащие начинали осознавать свои права и обязанности индивидуально перед государством как граждане нового, модернизированного общества. Такое проявление своей позиции было противоположным общинным взглядам, коллективистскому самоощущению и восприятию мира. На заседаниях профессионализованных сообществ поднимались вопросы защиты социальных прав и демократизации общественного устройства.

В 1911 г. состоялся съезд врачей Тобольской губернии. В одной из приветственных телеграмм, оглашенных на съезде, присланной из Кургана, говорилось: «Курганские врачи приветствуют первый съезд врачей Тобольской губернии, шлют пожелания плодотворной работы в направлении, указанном лучшими земствами. Присоединяем свой голос о скорейшем введении в Сибири земских учреждений» [7, с. 5-6]. В последующем затем докладе М.В. Милославского о современном состоянии «сельско-врачебной части» в Тобольской губернии прозвучало об общеизвестности медицинских успехов в «земских губерниях». «Причины такого колоссального успеха медицинского дела в земских губерниях объясняются не только большими материальными затратами со стороны земств, но главным образом той дружной, совместной, целесообразной, энергичной работой земских деятелей с врачами, которая наблюдалась в периоде сильного развития организации подачи врачебной помощи сельскому населению» [7, с. 7]. На обсуждении вопросов улучшения медицинского дела в губернии выступающие постоянно сравнивали положение дел в земских и неземских губерниях. В от-

зыве о работе съезда современник считал нужным подчеркнуть, что «новая жизнь начнется тогда, когда Сибирь получит демократическое земское самоуправление на широких началах» [8, с. 30]. Собственно, вопрос о введении земства в Сибири поднимается в городах региона еще раньше, в последней трети XIX в. [9], и интерес, как видим, к нему не угасал.

Наряду с профессиональными организациями большую работу проводили и культурно-просветительские центры. Большое количество общественных объединений в регионе было нацелено на распространение просвещения, повышение грамотности населения. В некоторых небольших городах пик создания таких просветительских центров приходится именно на начало XX в. Общественные деятели старались привлекать предпринимателей к полезной для людей деятельности, рассчитывая на пожертвования на благое дело. Александр Владимирович Старцев, изучив школы и просвещение в г. Бийске, отмечал, что созданное здесь в 1901 г. Общество попечения о начальном образовании по числу членов заметно уступало Барнаульскому, но отличалось более активным участием в его работе местных предпринимателей [10, с. 347].

Значительный вклад внесли общественные деятели в развитие в регионе художественной культуры. Конечно, в разных по своим масштабам городах проявление в общественном сознании новых элементов культуры происходило неодинаково; в крупных центрах модернизационные процессы шли более быстро, заметно, значимо. Однако прогресс, например, в Томске давал толчок развитию новых черт повседневности и в других городах региона.

С открытием в Томске Общества любителей художеств местные деятели культуры занялись открытием рисовальных классов, занятия в которых начались с марта 1910 г. [11, с. 2]. Правление Общества сразу же поставило вопрос об открытии высшего художественного учебного заведения – школы живописи и ваяния, стремясь поставить «художественное развитие великой Сибири» на новый уровень. Рисовальные классы во главе с учителем организовали на пасхальную неделю выставку ученических работ с бесплатным на нее входом. Приглашения были разосланы всем гласным городской думы, в газетах опубликованы объявления о проводимом мероприятии с призывом прийти на выставку [11, с. 16].

В отчете о деятельности объединения отмечалось, что «распространение художественных идей в широких массах населения, воспитание и развитие его вкусов составляет одну из существенных целей Общества» [11, с. 22]. Важнейшим средством достижения этой цели являлось устройство выставок произведений изобразительного искусства. В 1910 г. Общество организовало четыре выставки, две – в Томске и по одной в Красноярске и Омске.

На деятельности томского общества любителей художеств отражались трудности утверждения высокого искусства в быту людей. Выставки картин проходили с переменным успехом. Аналогичная ситуация складывалась и в деятельности музыкальных общественных формирований. Отделы Русского музыкального общества в сибирских городах нередко испытывали трудности с организацией концертов, их окупаемостью. И прогресс, тем не менее, прослеживался. Об этом свидетельствует организация творческих мероприятий и открытых музыкальных вечеров, публикация программ с изложением содержания опер, сцены из которых предлагались вниманию слушателей, разъяснительных статей и аннотаций готовящихся мероприятий (как это было в Томске) [12, с. 97], а также постепенное снижение цены за вход на концерт. При поддержке музыкальных объединений в городах возникают хоровые общества. В 1908 г. такое возникло в Томске, чуть позже в Барнауле, Бийске, Новониколаевске [12, с. 337].

В начале XX в. в общественном сознании горожан Западной Сибири сочетались различные элементы. Еще не ушла в прошлое сословная психология и ценности сословных корпоративных организаций. Однако уже активно проявлялись модернизационные подходы и взгляды на социум, по различным общественным, государственным и городским вопросам. В значительной мере формирование прогрессивных воззрений на социальное устройство было связано с профессионализацией населения, с созданием профессиональных общественных организаций, проведением специализированных съездов, конференций, с деятельностью культурно-просветительских организаций. И хотя активных деятелей и участников общественных объединений в процентном отношении ко всему населению было немного, однако их работа пробуждала духовные силы Сибири, формировала новые компоненты в обще-

ственном сознании. Эти компоненты были связаны с осознанием прогрессивного направления в развитии региона.

Список источников и литературы

1. Гончаров Ю.М. Мещанские общества в системе городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019. Т. 29. С. 72-81.

2. Лен К.В. Фонд Бийской мещанской управы как источник изучения городской жизни второй половины XIX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 181-185.

3. Литягина А.В. Профессионализация сознания горожан Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) [Электронный ресурс]: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции (16-18 сентября 2019 г.) / отв. ред. Ф.И. Куликов. Электрон. дан. и прогр. (32,6 Мб). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. С. 96-101.

4. Устав Томского педагогического общества. Томск, 1905. С. 1. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8246/> (дата обращения: 02.04.2020).

5. Сибирский врач: газета научной и общественной медицины и врачебного быта. 1913. № 1 (22 окт.). С. 25. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-12283/> (дата обращения: 02.04.2020).

6. Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии за 1902 год. Томск, 1903. С. 55. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6208/> (дата обращения: 02.04.2020).

7. Труды первого съезда сельских врачей Тобольской губернии 20 января – 4 февраля 1911 г. Тобольск, 1913. URL: <https://www.prlib.ru/item/375984> (дата обращения: 02.04.2020).

8. Сибирские письма // Сибирские вопросы: периодический сборник. СПб.: В.П. Сукачев, 1905-1913. № 9-10 (14 марта) (1911). С. 30. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-5837/> (дата обращения: 02.04.2020).

9. Крапивных А.В., Лен К.В. Земство и Сибирь // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1 (28). С.17-19.

10. Старцев А.В. Школа и просвещение в Бийске в XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2005.

11. Отчет о деятельности Томского общества любителей художеств за 1909-11 год: по 1-е сентября 1911 г. Томск, 1912 С. 2. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-5964/> (дата обращения: 02.04.2020).

12. Музыкальная культура Сибири. В 3 т. Кн. 2. Музыкальная культура Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1997.

И.Н. Никулина, доктор ист. наук, доцент
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)
innikulina@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ НА АЛТАЕ (40-60-Е ГГ. XIX В.)

Среди разносторонней деятельности поляков в сибирской ссылке значительное место занимала просветительская деятельность, осуществлявшаяся ими, несмотря на официальные запрещения. Начиная с 40-х гг. XIX в. польские сосыльные, находившиеся на Алтае, организовывали школы, давали частные уроки, занимаясь, таким образом, просвещением населения.

10 января 1840 г. из Киевской губернии в Бийск прибыл ксендз Павел Шишко, обвиненный в «преступных речах, в хранении у себя возмутительного содержания бумаг и в непозволительной переписке» и сосланный под «строжайший полицейский надзор» [1, л. 1-а, 1об., 10, 10об.].

Находясь в Бийске П. Шишко в 1847 г. основал первую частную школу, что имело важное значение для города в условиях нехватки грамотных людей. К сожалению, как отмечал известный

исследователь А.В. Старцев, «сведений о числе учащихся и о содержании обучения в ней не сохранилось» [2, с. 338]. В полицейских донесениях отмечалось, что, находясь в Бийске, Шишко занимался чтением книг [3, л. 49]. В июле 1856 г. он подал прошение о возвращении на родину. 26 августа Третье Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии удовлетворило просьбу при условии, если это не встретит возражения со стороны генерал-губернатора Западного края [4, с. 608-609]. 25 августа 1856 г. П. Шишко скончался и был похоронен на местном кладбище [5, с. 64].

После подавления Январского восстания 1863 г. на Алтае оказалось значительное количество польских ссыльных. Среди городов Западной Сибири, определённых для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы и города Алтайского горного округа: Бийск, Кузнецк, Усть-Каменогорск [6, с. 16].

Несмотря на стремление правительства к изоляции политических ссыльных от населения посредством запретов и ограничений, многие из них преподавали. Несомненно, малочисленность местной интеллигенции, нехватка грамотных людей, достаточно высокий образовательный уровень ссыльных вызывали их привлечение к работе в качестве педагогов.

Некоторые из ссыльных имели частные уроки в Усть-Каменогорске. Среди них можно отметить Леона Бербериуша, отданного в военную службу без лишения прав дворянства по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа за участие в мятеже, Николая Боровского, сосланного на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ за активное участие в отряде повстанцев по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, Бронислава Вецкого, сосланного на житьё в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ «за принятие к себе мятежников и доставление им продовольствия» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, Виктора Жилинского, сосланного на поселение в Томскую губернию по приговору военного суда с лишением «всех прав и преимуществ» «за участие в политических беспорядках», занимавшегося в доме полковника Катина, купца Задорова и других лиц, Болеслава Лапинского, отправленного на жительство в Томскую губернию с лишением всех прав и преиму-

ществ за участие в восстании, Иосифа Ленартовича, сосланного на поселение в Томскую губернию по решению военного суда за участие в мятеже, Александра Славинского, сосланного на поселение в Сибирь с лишением «всех прав и преимуществ» по конфирмации командующего Виленского военного округа «за участие в мятежных войсках», Антона Соколовского, сосланного на поселение в Томскую губернию с лишением прав и преимуществ за участие в восстании [7, с. 47, 48, 50, 53, 60, 68, 74, 84, 86]. В. Арцишевский, высланный в Сибирь «за нахождение в шайке мятежников» по конфирмации командующего Виленского военного округа от 24 сентября 1863 г. и определенный на военную службу с лишением дворянства, имел частные уроки и готовил детей для поступления в гимназию и в кадетский корпус.

Особенно следует выделить Солеймана Смольского, высланного на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа «за распространение вредных слухов, которые могли... располагать к содействию мятежу». С 25 ноября 1864 г. Смольский находился в Усть-Каменогорске, где открыл без всякого разрешения в своей квартире школу, в которой обучалось до 30 мальчиков и 2 девочки. Он преподавал сам чтение, письмо, четыре правила арифметики, Закон Божий. Занятия в школе продолжались целый день с перерывом на обед. За обучение взималась плата от 50 коп. до 1 руб. в месяц с ученика. Школа просуществовала около пяти лет. Педагогические занятия Смольского имели большое значение, т.к. «в Усть-Каменогорске в то время на весь город существовало только одно, крайне переполненное учащимися приходское училище, в котором занятия шли в две смены: до обеда занимались мальчики, после обеда до вечера – девочки» [7, с. 92].

В целом, ссыльные поляки оказали большое влияние на культурную жизнь местного населения. Их просветительская деятельность, несомненно, способствовала развитию просвещения в регионе. Вместе с тем следует отметить, что данный вопрос нуждается в дальнейшей тщательной разработке с привлечением новых источниковых материалов, раскрывающих подробности просветительства поляков в сибирском изгнании.

Список источников и литературы

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084. 52 л.
2. Старцев А.В. Школа и просвещение в Бийске в XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2005. С. 336-351.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 650. 77 л.
4. Sliwowska W. Zeslancy polscy w Imperium Rosyiskim w pierwszej polowie XIX wieku. Warszawa, 1998. 835 s.
5. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII-XX вв.). Кемерово, 2009. 351с.
6. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. 252 с.
7. Герасимов Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. Вып. 12. С. 1-109.

Е.А. Поправко, доктор ист. наук, профессор
Военная академия материально-технического обеспечения
(г. Санкт-Петербург)
elena_porpravko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В ПРИМОРЬЕ И ПРИАМУРЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИИ Л.П. ТАУЦА)

Л.П. Тауц за период службы занимал должности в Порт-Артуре, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке, что позволяет рассмотреть особенности полицейской службы в регионе на рубеже XIX-XX вв. Проблема привлекала внимание исследователей [1-3], но оценки (в т.ч. служебного пути Л.П. Тауца), на наш

взгляд, формировались под влиянием периодической печати – источника субъективного и предвзятого.

Лев Петрович Тауц (1863 г. р.) – лютеранин по вероисповеданию, окончил «полный курс фармацевтических наук при Императорском Дерптском университете». В 1886 г. его «заподозрили в политической неблагонадёжности», что повлекло «надзор полиции и арест» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 44].

Тауц писал: «В марте месяце 1898 г. я поступил на службу полицейским надзирателем города Хабаровска на содержание 80 руб. в месяц... не ради куска хлеба, а из желания принести посильную пользу Царю и Отечеству и из любви к делу» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 44]. Через полгода он был «назначен становым приставом на Квантунский полуостров, затем получил назначение начальника Бидзвосского участка, где участвовал в походе во время китайского восстания, а затем... был назначен полицмейстером в Порт-Артур», где служил с 1903 г. «до конца осады крепости» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 1, 44; 5, с. 671-672; 6, ф. 400, оп. 1, д. 2346, л. 294; д. 3053, л. 3].

Деятельность на посту полицмейстера снискала Л.П. Тауцу недоброжелателей, хотя их показания можно оценить как предвзятые [7, с. 24]. Воспоминания других очевидцев [8] и награды свидетельствуют о храбрости и служебном рвении [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 44].

Порт-Артур был сдан 20 декабря 1904 г. (по старому стилю). Полицейские числились по гражданскому ведомству – МВД, а поэтому подлежали отправке на родину. Возвращение принесло Л.П. Тауцу неприятности. В 1905 г. «прибывшие из Артура нештатные чиновники и надзиратели городской полиции [всего по списку восемь человек] по аттестатам, выданным полицмейстером Тауцом, были прикомандированы управлению местной бригады, где получили недополученное жалованье за январь, февраль, март и апрель, после чего Тауц донес, что аттестаты выданы им ошибочно, ибо они служили по вольному найму» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 8-9, 14-15].

Временное совещание для рассмотрения претензий к Военному министерству за время Русско-японской войны на заседании 14 марта 1906 г. постановило взыскать с Л.П. Тауца 2051 руб.

25 коп. [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 7, 8-9, 14-15, 18]. Данных, выплатил ли бывший полицмейстер Порт-Артура средства военному ведомству, мы не нашли. Но очевидно: Тауц сам уведомил о нарушении закона.

21 сентября 1905 г. военным губернатором Приморской области стал генерал-майор В.Е. Флуг, хорошо знавший Тауца. 17 сентября 1906 г. полицмейстер Хабаровска А.М. Чернов перевелся служить на Сахалин. Флуг отправил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера телеграмму, где назвал Тауца кандидатом на должность. Назначение состоялось 4 октября 1906 г. [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 3, 4, 6, 26].

Газета «Дальний Восток» восторженно писала: «...Наши господа “уголовных дел мастера” перебиваются все больше мелкими делишками – и очень недовольны бдительным наблюдением за ними местного полицмейстера господина Тауца. ...полицмейстер и днем, и ночью, в форме и в партикулярном платье рыскает по городу... Его боятся рыцари ножа и ночи, и поэтому в городе спокойно» [9, с. 5].

На Тауца писали жалобы и анонимные доносы. В 1908 г. жалобу подал отставной коллежский регистратор Сцепуто. Началось дознание. Местное начальство считало информацию в жалобе ложной. Но в дело вмешался товарищ министра внутренних дел генерал-майор П.Г. Курлов [4, ф. 702, оп. 1, д. 2036, л. 4-5].

После множества писем, в которых запрашивали мнение военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга [4, ф. 702, оп. 1, д. 2036, л. 2-3, 7-8, 9-10], начальника Владивостокского охранного отделения ротмистра И.Е. Хуциева [4, ф. 702, оп. 1, д. 2036, л. 16, 17, 21; д. 2288, л. 39], 8 октября 1909 г. директор департамента полиции МВД запросил у военного губернатора Приморской области данные для доклада товарищу министра П.Г. Курлову. В.Е. Флуг уведомил вышестоящую инстанцию, что 10 октября Тауца откомандировали полицмейстером в Никольск-Уссурийский.

16 ноября 1909 г. «жители города Хабаровска в числе 58 человек, главным образом, представителей всех торговых фирм и старожилы города, обратились письменно через Городскую Думу с ходатайством... об оставлении в должности Хабаровского полицмейстера Л.П. Тауц, указывая, что по его выдающейся энергии и

самоотверженности при преследовании преступников и охране граждан и их имущества он незаменим» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2036, л. 24].

В Никольске-Уссурийском Л.П. Тауц скоро был втянут в конфликт с подчиненными. Городские газеты заполнили открытые письма, вынуждая полицмейстера ввязаться в публичную полемику. Претензии излагались в «Открытом письме Вакурова Тауцу», опубликованном в «Уссурийской окраине» 12 февраля 1910 г. Автор письма – пристав И.С. Вакуров утверждал, что Л.П. Тауц на первой встрече с новыми подчиненными назвал всех чинов никольск-уссурийской полиции («старых дисциплинированных служаек») «взяточниками и жуликами» и пригрозил увольнениями. [10; 4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 49]. «Открытое письмо» Вакурова было столь длинно, что не уместилось в один номер, и в выпуске 13 февраля 1910 г. вышло его продолжение [11].

16 февраля 1910 г. «Уссурийская окраина» писала: «...г. Тауц наводнил прокуратуру своими прошениями о привлечении редактора нашей газеты к ответственности по отжившей 1039 ст. Улож. о наказ. за диффамацию» [12].

Чтобы спустя более чем 100 лет решить, кому же верить, напомним: до этой истории за весь период службы с 1898 г. Тауц только 1 раз обвинялся и был «приговорен» вернуть в казну деньги, которые по его вине были уплачены третьим лицам в 1905 г. Также в 1886 г. Тауц попадал в поле зрения политического сыска как «неблагонадёжный» (не по корыстным мотивам).

Зато И.С. Вакуров на момент написания открытого письма находился под следствием за поборы с китайских игорных домов. В конце марта 1909 г. было начато предварительное следствие о взятках и поборах во Владивостокской полиции, а в апреле 1910 г. дело передали в суд. Напомним, открытые письма в «Уссурийской газете» вышли в феврале 1910 г. В качестве фигуранта по делу выступал и пристав Владивостокской городской полиции И.С. Вакуров. На время следствия его командировали в Южно-Уссурийскую полицию. На суде И.С. Вакурова признали виновным (1,5 года тюрьмы) [4, ф. 702, оп. 4, д. 670, л. 20-32; 42-47; 50а-50а об., 183-185; 2, с. 81-82].

Странными были и аргументы в «Открытом письме полицмейстера Хабаровова г. Тауцу», опубликованном в «Уссурийской окраине» от 17 февраля 1910 г. Автор утверждал, что, «обозвав чинов Никольск-Уссурийской городской полиции взяточниками», его преемник «забыл долг службы», нанёс Хабаровову «жестокое оскорбление». «...Вы забыли про служебный такт и о тех обязанностях, которые налагает на вас закон по отношению к подчинённым» [13; 4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 47-48]. То есть Тауцу ставилось в вину нежелание покрывать преступления подчиненных.

На обвинения Л.П. Тауц ответил документом, который газета «Московские ведомости» процитировала в статье «Интересный приказ» от 27 февраля 1910 г. [14].

Через год после описываемых событий П.И. Серик (его принял на службу в полицию Л.П. Тауц) свидетельствовал, что благодаря полицмейстеру «чины наружной полиции были почти все уволены за неблаговидные поступки» [4, ф. 1, оп. 7, д. 1211, л. 36, 39, 49].

Публикации привлекли внимание начальника Главного управления по делам печати, который указал на ситуацию Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру. Последний приказал военному губернатору Ф.Е. Флугу «принять меры к прекращению совершенно невозможных препирательств в газетах чинов никольск-уссурийской полиции» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 53].

В дело вмешался министр внутренних дел и премьер-министр П.А. Столыпин [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 54]. К тому времени Лев Петрович лишился сильного покровителя: В.Е. Флуг отбыл в Санкт-Петербург. Новый военный губернатор Приморья генерал-майор И.Н. Свечин 27 апреля 1910 г. переместил Тауца на должность помощника начальника Ольгинского уезда [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 56].

Собственный корреспондент московской газеты «Утро России» 7 мая 1910 г. писал: «В Никольске-Уссурийское редкое торжество: город празднует своё освобождение от полицмейстера Тауца» [15].

5 июня 1910 г. П.А. Столыпин отправил Приамурскому генерал-губернатору телеграмму: «Признавая дальнейшее оставление Тауца вообще на государственной службе совершенно недопустимым, считаю долгом сообщить вашему Высокопревосходитель-

ству, прося о последующих распоряжениях уведомить меня по телеграфу. (Столыпин)» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 63]. 26 июня 1910 г. Тауц подал в отставку. «Постановлением военного губернатора Приморской области от 18 сентября 1910 г. № 42652 бывший полицмейстер Хабаровска отставной коллежский асессор Тауц предан суду Иркутской судебной палаты» [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 71]. 6 февраля 1912 г. суд бывшего полицмейстера оправдал [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 83].

После суда Лев Петрович Тауц проживал с семьей в Хабаровске и получал пенсию – 600 руб. в год [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 91-96]. Противники Тауца продолжали «добивать» героя Порт-Артура [16, с. 2]. Заметим, что в отличие от оппонентов вину Тауца никто не установил судебным порядком.

С началом Первой мировой войны многие чины полиции отправившись в армию. Л.П. Тауц 16 сентября 1914 г. был принят на службу и получил назначение помощником полицмейстера Владивостока [4, ф. 702, оп. 1, д. 2288, л. 118].

В фонде Бюро по делам русских эмигрантов Государственного архива Хабаровского края значатся дела Тауцев: Льва Львовича, Сергея Львовича, Зинаиды Львовны [17]. Сравнение этих данных с послужным списком Л. П. Тауца позволяет утверждать, что его дети после революции стали эмигрантами. Как сложилась дальнейшая судьба жены Иды Тауц (урожденной Матеус), а также самого Льва Петровича, не известно.

Анализ жизни и деятельности Л.П. Тауца позволяет сделать вывод, что дальневосточную полицию на рубеже XIX-XX вв. отличали высокий уровень коррумпированности, сращивания с криминалом. Вышестоящие инстанции стремились решить проблему, назначая на должности людей, зарекомендовавших себя хорошей службой. В то же время биография Тауца показывает, что на беспристрастность решений влияли личные отношения сильных мира сего, ведомственная разобщенность, противоречия между местными и центральными властями, а также деятельность региональных и центральных газет.

Список источников и литературы

1. Агапов В.Л. «Честному человеку служить в полиции в Приамурском крае – невозможно...». История службы и увольнения хабаровского полицмейстера Тауца // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 1. С. 148-155.
2. Позняк Т.З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. 2011. № 3. С. 80-87.
3. Позняк Т.З. «Русская полиция в погоне за китайским рублём»: история о том, как отставной полицейский боролся с мздоимством полиции и китайскими притонами в Благовещенске (1914 год) // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 38-70.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
5. Хвостов А. Русский Китай // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 653-694.
6. Российский государственный военно-исторический архив.
7. Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. Ч. 1. СПб.: Изд. П.А. Артемьева; тип.-лит. «Герольд», 1906. 444 с.
8. Ларенко П.Н. Страдные дни Порт-Артура. URL: https://statehistory.ru/books/P--N--Larenko_Stradnye-dni-Port-Artura/73 (дата обращения: 20.10.2020).
9. Хабаровские вести // Дальний Восток. 1909. 9 марта.
10. Открытое письмо Вакурова Тауцу // Уссурийская окраина. 1910. 12 февр.
11. Открытое письмо Вакурова Тауцу // Уссурийская окраина. 1910. 13 февр.
12. Хроника // Уссурийская окраина. 1910. 16 февр.
13. Открытое письмо полицмейстера Хабарова г. Тауцу // Уссурийская окраина. 1910. 17 февр.
14. Интересный приказ // Московские ведомости. 1910. 27 февр.
15. Освобождение от полицмейстера // Утро России. 1910. 7 мая.
16. Хроника. К назначению // Уссурийская окраина. 1913. 26 февр.

17. Российские эмигранты в Маньчжурии // Государственный архив Хабаровского края. URL: https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/?arrFilter_letter=%D0%A2&PAGEN_1=18 (дата обращения: 20.10.2020).

П.П. Румянцев, канд. ист. наук

Томский государственный университет (г. Томск)

retroom@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖАНДАРМСКОГО НАДЗОРА В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

Появление жандармов на Алтае произошло в 30-е гг. XIX в. с учреждением 7-го округа Корпуса жандармов (с 1838 г. – 8-й), куда вошли все сибирские губернии, включая и Томскую губернию, имевшую в своем составе Алтайский горный округ. Однако длительное время жандармское присутствие на Алтае носило периодический характер и было связано с развитием золотопромышленности, за состоянием которой следил жандармский штаб-офицер, назначенный в 1841 г. для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири, по долгу службы посещавший золотопромышленные предприятия, в т.ч. расположенные в Алтайском горном округе (подробнее см.: [1]).

Положение дел на Алтае находило место в различных донесениях как находящегося в Томской губернии жандармского штаб-офицера, так и начальника жандармского округа в Сибири. Так, еще в мае 1837 г. начальник 7-го жандармского округа генерал-майор Н.Я. Фалькенберг доносил своему жандармскому начальству, что на Алтае существует большая группа раскольников, часть из которых согласна перейти в лоно Русской православной церкви, но также существует немалая по численности группа раскольников, убеждающая их этого не делать и всячески пытающаяся воспрепятствовать этому переходу [2, л. 1-3].

Слухи о коррупции чиновников Алтайского горного ведомства являлись одной из причин привлечения внимания жандармского

ведомства к алтайскому региону. Так, в конце 50-х гг. XIX в. по просьбе томского губернатора А.Д. Озерского начальник 8-го жандармского округа генерал-майор Я.Д. Казимирский отправил в Барнаул находящегося в Томской губернии жандармского штаб-офицера подполковника Герасимова с секретной миссией по выявлению фактов противозаконного обогащения служащих по Алтайскому горному ведомству. Собранные во время двухмесячной командировки сведения о чиновничьем мире Барнаула Герасимов в начале 1859 г. сообщил специальным рапортом своему окружному начальству, указав, в частности, примеры коррупционной деятельности бывшего начальника Алтайских заводов А.Р. Гернгросса, а также привел информацию о роскошной жизни его супруги, которой дорогие наряды выписывали по почте из Парижа [3, с. 105].

Последовавшая в 1867 г. реформа российской жандармерии привела к существенному изменению штатов жандармских управлений и изменению характера деятельности жандармских чинов. В губерниях формировались губернские жандармские управления (ГЖУ). При ГЖУ учреждался наблюдательный состав Корпуса жандармов, размещавшийся по уездам губернии и имевший в определенном месте штаб-квартиру. Возглавлял эту структуру помощник начальника ГЖУ. Согласно тексту положения о Корпусе жандармов 1867 г. обязанности ГЖУ и наблюдательного состава устанавливались, исключительно наблюдательные, при этом допускалось содействовать восстановлению нарушенного правопорядка по приглашению местной исполнительной власти, а также разрешалось восстанавливать общественное спокойствие в случае отсутствия на месте нарушения полиции исполнительной. Помощникам начальников ГЖУ вменялось не реже раза в два месяца объезжать местности, вверенные их наблюдению, а унтер-офицеры наблюдательного состава должны были объезжать свои участки по усмотрению ближайшего своего начальства [4, с. 76]. В августе 1870 г. произошло переименование наблюдательного состава жандармских управлений в дополнительный штат губернских жандармских управлений с сохранением прежних выполняемых ими функций [5, с. 217].

В Томской губернии жандармский наблюдательный пункт был учрежден в ноябре 1867 г. в Барнаульском округе со штаб-

квартирой в Барнауле в составе 1 офицера и 6 унтер-офицеров, возглавил его адъютант Томского ГЖУ штабс-капитан Афанасьев (Приказ по Корпусу жандармов № 149 от 25 ноября 1867 г.). Выбор территории Алтая для организации жандармского наблюдения можно объяснить тем, что Алтайский горный округ являлся одной из самых густонаселенных местностей в Томской губернии и там располагалось горно-промышленное производство. Однако уже в 1868 г. наблюдательный пункт из Барнаульского уезда был перемещен в Мариинский округ Томской губернии с размещением штаб-квартиры в г. Мариинске (Приказ по Корпусу жандармов № 43 от 11 мая 1868 г.), т.к. «этот последний город и округ по обширности, значительному числу ссыльных и безнравственности населения более требовал надзора» [6, л. 8].

Необходимость жандармского надзора за Алтайским округом привела к тому, что через 10 лет наблюдательный жандармский пункт вновь вернулся в Барнаул в составе помощника начальника Томского ГЖУ и 3 унтер-офицеров. В декабре 1878 г. на должность начальника этого пункта был назначен адъютант Эстляндского ГЖУ штабс-капитан Л.П. Томсен, пробывший в этой должности 4 года (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 123 от 1 декабря 1878 г.).

В 1888 г. обязанности надзора этого наблюдательного пункта распространились и на Бийский округ, для чего к составу наблюдательного пункта в Барнауле было добавлено еще 3 унтер-офицера (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 17 от 17 февраля 1888 г.). В 1894 г. из состава Бийского округа был выделен Змеиногорский округ и уже в следующем году Змеиногорский округ стал подчиняться в наблюдательном отношении помощнику начальника Томского ГЖУ в округах Бийском и Барнаульском, штат пункта получил увеличение на одного унтер-офицера, а жандармские чины распределились следующим образом: Барнаул – 1 помощник начальника Томского ГЖУ, 1 вахмистр и 2 унтер-офицера, в Бийске и Змеиногорске – по 2 унтер-офицера (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 91 от 30 сентября 1895 г.).

Таким образом, за населением всего Алтайского округа осуществлял надзор жандармский наблюдательный пункт в составе 8 чинов, что было крайне недостаточно. Еще в докладе по Штабу

Корпуса жандармов в 1894 г. подчеркивалась мизерность жандармского надзора в Барнаульском и Бийском округах, «где всего по 3 унтер-офицера на округ, а населения там: Каинск – 8000, Барнаул и Бийск – по 17 000, Кузнецк – 7000 [чел.]». Исходя из такого положения, предлагалось добавить по 2 унтер-офицера в Барнауле и Бийске, а в Кузнецке создать новый жандармский пункт [7, л. 7]. Однако эта идея так и не будет воплощена в жизнь.

Предложение о необходимости усиления жандармского надзора на Алтае поддерживалось и со стороны губернской власти. В сентябре 1894 г. томский гражданский губернатор Г.А. Тобизен обращался к директору Департамента полиции Н.И. Петрову с просьбой о распространении на всю Томскую губернию ст. 1 и 16 Положения о государственной охране 1881 г. или назначения в Алтайский округ второго помощника начальника Томского ГЖУ по причине скопления в округе политических ссыльных и лиц, состоящих под негласным надзором полиции. В своем ответе начальник полиции сообщил, что по имеющимся в его распоряжении сведениям в Алтайском округе находится всего четверо политических ссыльных, в отношении которых нет причин к удалению их из округа, а под негласным надзором полиции состоят всего 15 человек, «из коих ни один не заслуживает серьезного внимания в политическом отношении». Причинами же для введения ст. 1 и 16 Положения об усиленной государственной охране, по мнению полицейского начальства, могут являться политическая неблагонадежность ссыльных или оказываемое ими вредное влияние на местное население, что отсутствует на Алтае. Таким образом, директор Департамента полиции не видел оснований к распространению на Томскую губернию действия указанного положения, но обещал рассмотреть предложение о назначении в Алтайский округ второго помощника начальника Томского ГЖУ для усиления там жандармского наблюдения [8].

Между тем жандармское начальство в Сибири продолжало настаивать на усилении жандармского надзора во всем регионе, в т.ч. и на Алтае. В октябре 1898 г. начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор С.А. Демидов сообщал в Штаб Корпуса жандармов результаты своей инспекционной поездки по жандармским частям Сибири, в частности указывая на недостаточность

чинов для наблюдательной деятельности. Жандармский генерал сообщал, что деятельность многих помощников начальников ГЖУ крайне затруднительна, как, к примеру, у помощника начальника Томского ГЖУ в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах наблюдательный район простирается на 365 тыс. кв. верст с населением, превышающим миллион человек. Для выхода из такого затруднительного положения Демидов предлагал учредить дополнительные офицерские наблюдательные пункты, в т.ч. и в Бийске в составе 1 офицера, 1 вахмистра и 4 унтер-офицеров, подчинить в наблюдательном отношении помощникам начальников управлений: в Барнауле – Барнаульский и Змеиногорский уезды; в Бийске – Бийский и Кузнецкий уезды Томской губернии. Однако и это предложение так и осталось на бумаге [9, л. 6-7].

Вместе с тем стремительный рост населения Алтайского округа, связанный в первую очередь со строительством Транссиба и Столыпинской аграрной реформой, заставил власти пойти на увеличение жандармского присутствия на Алтае. Если в 1897 г. население Барнаульского округа вместе с Барнаулом составляло 584 100 чел., Бийского вместе с Бийском – 337 007, а Змеиногорского округа – 242 781 чел., то в 1908 г. эти цифры выросли до 1 087 691, 393 009 и 337 695 чел., а в 1914 г. – 1 496 331, 497 057 и 469 517 чел. соответственно [10, с. V, 1-2; 11, с. 301; 12, с. 4]. Так, в октябре 1909 г. штат жандармского пункта на Алтае состоял из 1 помощника начальника ГЖУ, 1 вахмистра и 7 унтер-офицеров [13, с. 68]. В феврале 1916 г. состав пункта усилился на 4 унтер-офицера [14, с. 67].

Стремительное социально-экономическое развитие Алтайского округа в начале XX в. привело к обсуждению в правящих кругах идеи о создании отдельной Алтайской губернии, выделив ее из состава Томской губернии. В случае появления губернии последовало бы и создание нового губернского жандармского управления. Алтайская губерния действительно будет создана, но произойдет это уже после Февральской революции, которая сметет карательную систему самодержавной России, вследствие чего жандармские учреждения будут окончательно ликвидированы.

Список источников и литературы

1. Румянцев П.П. Появление чинов Корпуса жандармов на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. Барнаул, 2019. С. 12-16.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 67. Д. 326.
3. Должиков В.А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 1 (4). С. 104-108.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2-е. № 44956.
5. ПСЗРИ-2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 2-е. № 48666.
6. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1524.
7. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2298.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 130. Д. 219.
9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2497.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губерния. XXV, 284 с.
11. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. IV, 317, 230, 50 с.
12. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915. 212, 27, 42, [6] с.
13. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1909 г. СПб., 1910. 725 с.
14. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15 февраля 1916 г. СПб., 1916. 816 с.

А.В. Суржко

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

surzhkoanton@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В ГОРНОМ АЛТАЕ И ВКЛАД В ЭТОТ ПРОЦЕСС В.И. АНУЧИНА

В результате Февральской революции летом 1917 г. власть в Горном Алтае перешла в руки общественной организации местного населения, именующей себя Горной Думой. В условиях общей децентрализации основным её лозунгом был: «Весь Горный Алтай – инородцам» [1]. Дума, таким образом, носила националистический характер и брала курс на обретение национальной государственности или, как минимум, автономии. Уже в марте 1918 г. Горно-Алтайский краевой съезд выделил горную часть Алтая из состава Алтайской и Томской губерний в отдельную территориальную единицу – Каракорум-Алтайский округ, который не признавал власть Советов и вел контрреволюционную деятельность [2, с. 59].

Особая заслуга в этом принадлежала областнику и авантюристу В.И. Анучину (1875-1943), который прибыл в село Улала (будущий Горно-Алтайск) в марте 1918 г. и сразу же был избран председателем инородческого съезда. В этом качестве им была озвучена идея объединения всех народов Саян и Алтая в так называемую республику (государство) Ойрат. 12 марта В.И. Анучин был избран каганом (особоуполномоченным) по делам республики и получил право вести переговоры с представителями других государств [3]. В своем заключительном постановлении инородческий съезд принял решение об объединении земель русского Алтая, минусинских туземцев, Урянхая, монгольского Алтая и Джунгарии в республику Ойрат, которая, в свою очередь, войдет в состав РСФСР на правах широкой автономии [4].

Идеологическое обоснование идея «Великой Ойратии», автором которой был В.И. Анучин, получила на страницах газеты «Алтайский луч». В ней отмечалось: «население русского Алтая, монгольского Алтая, потом хамгисы, урянхайцы, сайаты и жители Джунгарии составляют одно племя, один русский язык, нравы и

обычай у них одни. Когда-то составляли они все вместе великий народ Ойрат» [5]. С научной точки зрения, однако, теория В.И. Анучина являлась полной фальсификацией и была направлена, прежде всего, на реализацию его политических амбиций. Понятие «великий народ – ойрат» должно было консолидировать жителей Алтая и удовлетворить его националистически настроенных лидеров. Термина «ойрат» как названия своей национальности у народов Горного Алтая никогда не было и не бытовало, а в качестве исторического самоназвания использовалось понятие «алтаец» («алтай-кижи») [6]. Ойраты при этом являлись западной ветвью монгольского племени и никакого родства с тюркоязычными племенами Горного Алтая не имели [6]. В.И. Анучин, будучи профессиональным этнологом, не мог этого не понимать, а потому есть все основания утверждать, что он вполне осознанно шел на подлог.

Объединение различных племен Алтая в особый народ с общими историческими корнями и многовековой историей может служить ярким примером «конструирования» нации и определенным аргументом в пользу конструктивистской теории происхождения этнической общности.

Автономизация Горного Алтая наглядно демонстрирует, в каких условиях были вынуждены проводить политику по национально-государственному строительству большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г. Как впоследствии отмечал И.В. Сталин, удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь к объединению наций – гораздо более сложным, чем было принято считать ранее [7, с. 31]. Усложняло ситуацию и то, что на момент Октябрьской революции ряд национальностей уже оказался в состоянии фактически полного отделения от России о оторванности друг от друга [7, с. 31].

В этих условиях советская власть вступила на путь построения государства на принципах этнической федерации. Под этнофедерализмом подразумевается такая форма государственного устройства, при которой хотя бы одна административно-территориальная единица первого субнационального уровня, обладающая политической автономией, создана по этническому признаку, в то время как географический, экономический и другие принципы отходят на второй план [8, с. 98].

Основными документами, закрепившими данный принцип, была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (принята в январе 1918 г.) и выработанная на ее основе первая Конституция РСФСР (принята в июле 1918 г.). Декларация провозглашала советскую республику как союз свободных наций, федерацию советских национальных республик [9, с. 10]. Пятая глава Основного закона позволяла советам областей, отличающихся национальным составом, объединяться в автономные областные союзы, которые на началах федерации войдут в состав РСФСР [9, с. 15]. Примечательно, что Горно-Алтайские националисты реализовали этот пункт Конституции за несколько месяцев до её принятия, в целом следуя тому курсу, который проводило центральное правительство, хоть и выступая в оппозиции ему.

28 июня 1918 г. был назначен съезд от представителей алтайцев, хакасов, тувинцев, монголов и других алтайских этносов, подготовить который должны была специальная комиссия во главе с В.И. Анучиным. Однако этим планам сбыться было не суждено. Еще летом 1918 г. произошли первые столкновения между сепаратистами и советами, сорвавшие планы В.И. Анучина, а в скором времени в Сибири разразилась полномасштабная Гражданская война.

Тем не менее мысль, привнесенная В.И. Анучиным алтайским сепаратистам об обретении собственной государственности, уже не могла быть изжита полностью. Скорректировав ее в рамках собственной политики национально-государственного строительства, большевики пошли на создание Автономной области Ойратского народа. Соответствующий декрет был подписан председателем ВЦИК М.И. Калининым 1 июня 1922 г. Исходя из текста Декрета, область входила в состав РСФСР и выделялась из ряда волостей Алтайской губернии. Вся полнота власти в области принадлежала Съезду Советов автономной области, а до его созыва – Революционному комитету. Исполнительную власть осуществлял, соответственно, исполнительный комитет [10, с. 265]. Очевидно, что название области (этноним «ойратская») был использован советской властью под влиянием идей В.И. Анучина, которые укоренились в сознании самих горноалтайцев. Лишь в 1948 г. Верховный Совет СССР переименовал Ойратскую автономную область в Гор-

но-Алтайскую, а её столицу Ойрат-Тура (бывшая Улала) – в Горно-Алтайск [11].

На официальном уровне отмечалось, что в результате действий колчаковщины ойратцы пришли к заключению, что, только составляя единую семью народов РСФСР, можно избавиться от какой бы то ни было эксплуатации и порабощения [12].

Нужно иметь в виду, что автономные области были низшим звеном в структуре автономных образований СССР после союзных республик и автономных республик. Разница в статусах идеологически обосновывалась тем, что разные национальности находились на разном уровне экономического и культурного развития, т.к. большая широта прав государственной самостоятельности подразумевала и большую тяжесть государственного управления [13, с. 30].

Пример Горного Алтая наглядно подтвердил эту теорию практикой. Так, оценивая состояние культурного развития инородцев Горного Алтая, меньшевистская газета «Алтайский луч» отмечала, что «Ступень культурного развития, на которой стоят инородцы, может быть выражена кратко словом – полудикари» [14]. Вероятно, подобных взглядов придерживалось и руководство большевистской партии, наделившее Горный Алтай лишь правом областной автономии. Она практически не давала никакой свободы в принятии политических решений и касалась исключительно культурной и социальной сфер жизни.

Говоря о судьбе В.И. Анучина, стоит отметить, что после срыва своей авантюры он не устранился из политики и в скором времени прибыл в Томск, где работал в комитете по национальным делам Сибирской областной думы и считался экспертом по коренным этносам региона [15]. В январе следующего 1919 г. он выступает с докладом по проблемам этнографического изучения края на съезде по организации Института исследования Сибири. После окончания Гражданской войны он прожил еще более двадцати лет, периодически пытаясь развить разного рода этнические, религиозные и другие теории.

Список источников и литературы

1. Майдурова Н.А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. (от Горной Думы к Каракоруму). Горно-Алтайск, 2002. 185 с.
2. Окладников А.П. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 4. М., 1968. 473 с.
3. Краеведческий портал «Земля Томская»: Анучин Василий Иванович (1875-1943). URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/31/> (дата обращения: 15.04.2020).
4. Свободный Алтай. 1918. 6 апр.
5. Алтайский луч. 1918. 16 марта.
6. Звезда Алтая. 1948. 9 янв.
7. Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1946. 423 с.
8. Иsobчук М.В. Партийные системы и стабильность этнофедерализма // Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2017. № 1. С. 98-107.
9. Кузнецов Д.В. Советские конституции. Хрестоматия. В 4 ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918-1922 гг. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 156 с.
10. Генкина Э.Б. Образование СССР. Сборник документов 1917-1924 гг. М.: Издательство АН СССР, 1949. 473 с.
11. О переименовании Ойратской автономной области Алтайского края [Электронный ресурс]: указ Президиума ВС РСФСР от 07.01.1948. URL: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Советская Сибирь. 1923. 29 сент.
13. Архипов К.А. Советские автономные области и республики. М., 1925. 162 с.
14. Алтайский луч. 1918. 11 марта.
15. Сибирская жизнь. 1918. 15 июня.

М.О. Тяпкин, доктор ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
tyapkin@rambler.ru

**«ЗА ЖЕЛАНИЕ ВАШЕ СООБЩИТЬ ПОЛЕЗНОЕ СРЕДСТВО
К СОХРАНЕНИЮ ЛЕСОВ, Я СЧИТАЮ ДОЛГОМ СВОИМ
ИЗЪЯВИТЬ ВАМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ»: ОПЫТ БОРЬБЫ
С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Лесной пожар – опаснейшее стихийное бедствие, наглядно демонстрирующее, что человек, по большому счету, бессилен перед силами природы. Борьба с лесными пожарами может принимать характер отчаянного и смертельно опасного сражения, исход которого предсказать невозможно, поскольку даже самая современная техника не может гарантировать человеку полную безопасность жизни и здоровья и сохранность имущества, если загорелся лес. Пожары уносят человеческие жизни, уничтожают целые населенные пункты, наносят колоссальный ущерб народному хозяйству и экологии, несут угрозу национальной безопасности страны.

Опустошения, производимые в лесах человеком, покажутся ничтожными по сравнению с последствиями лесных пожаров, являющихся главной угрозой лесного хозяйства, а также фактором, определяющим динамику лесного фонда. Лесные пожары нарушают лесохозяйственный механизм, требуя корректировки планов назначения мест рубок, поскольку горелый лес должен выбираться в первую очередь. Если оставить поврежденные огнем деревья в лесу, это создаст благоприятные условия для распространения вредителей и болезней. В связи с этим целый ряд лесоводов на рубеже XIX-XX вв., анализируя состояние лесного хозяйства Сибири, доказывали, что хозяйственная деятельность человека должна «занять место лесного пожара», т.е. человек должен взять у природы ее дары прежде, чем они погибнут в стихии лесного пожара.

Борьба с лесными пожарами представляет собой реализацию комплекса мероприятий по предупреждению, обнаружению, ликвидации пожаров и устранению их неблагоприятных последствий, выявлению и наказанию виновных, если таковые имелись и были обнаружены. Но полностью исключить возможность возникнове-

ния лесного пожара невозможно. В случае возникновения лесного пожара, к его ликвидации необходимо было приступать немедленно, поскольку «спешность работы – первое условие скорого успеха при тушении лесных пожаров» [1, с. 29].

Тушение лесных пожаров всегда являлось обязанностью лесных служащих, а также местного населения. Существовало непреложное правило, по которому любое лицо, обнаружившее лесной пожар, должно было незамедлительно оповестить лесные службы и крестьянскую администрацию. Нормы Лесного устава и ведомственных инструкций предписывали лесникам и объездчикам при обнаружении пожара приступать к его тушению самостоятельно, а если это не представлялось возможным – привлекать местных жителей. Если пожар приобретал серьезный масштаб, к его ликвидации могли привлекаться воинские команды.

Борьба с лесным пожаром представляет собой комплекс мероприятий, применение которых зависит от вида пожара, количества пожарных, типа лесных насаждений и т.п. Эффективность противопожарных действий напрямую зависела от уровня подготовленности участвующих в ликвидации огня и степени их технической оснащенности. Способы борьбы с огнем могли отличаться в зависимости от типа пожара: низового (беглого), верхового (повально-го) и подземного (горение торфа).

Государственное лесное хозяйство России в первой половине XIX в. находилось в процессе становления и поиска оптимальной административной модели, которая бы позволила в полной мере соединить теоретические достижения лесоводческой науки с практическими нуждами хозяйственников. Поиски шли и в направлении совершенствования противопожарной деятельности.

В 1826 г. в ходе проведения масштабной административной реформы отечественной лесной отрасли при Департаменте государственных имуществ Министерства финансов был сформирован Ученый по лесной части комитет. Основные задачи, поставленные перед комитетом, заключались в совершенствовании лесного законодательства и развитии лесоводческой науки и практики. На его заседаниях могли рассматриваться вопросы, касавшиеся в т.ч. проблемы охраны лесов от пожаров.

В начале 1828 г. в Ученый комитет по лесной части поступило распоряжение управляющего Департаментом государственных имуществ Министерства финансов рассмотреть прошение коллежского асессора Евстафьева, в котором освещался способ тушения лесных пожаров, применявшийся в Северной Америке. В прошении шла речь о мерах борьбы с самым страшным и трудно поддающимся тушению видом лесного пожара – верховым, при котором огнем охватывались средние и верхние части деревьев. Под воздействием сильного ветра, которым обычно сопровождается верховой пожар, формировался огненный смерч, несущийся с большой скоростью и уничтожающий все на своем пути. Евстафьев отмечал, что применявшиеся в российских лесах противопожарные меры в виде устройства каналов, рвов и просек представляли собой «весьма слабую преграду» огню, но требовали многих трудов. В свою очередь, новый способ, предлагаемый Евстафьевым, имел целью «сохранить большую часть леса пожертвованием меньшей».

Суть предлагавшегося способа заключалась в следующем: при обнаружении пожара для его ликвидации собирались местные жители, прибывавшие с необходимыми орудиями труда. Рубежом, от которого начиналось тушение, должна была являться дорога. Далее каждый человек, участвовавший в тушении, зажигал от дороги в направлении к пожару и на расстоянии около двадцати шагов друг от друга несколько огней. Если же дорог в лесу не было, рабочие должны были создать специальную полосу, очистив ее от горючего материала и сдвинув его в сторону распространения огня. Затем этот горючий мусор также поджигался, а алгоритм действий по окружению пожара кольцом повторялся. Смысл тех и других действий заключался в том, чтобы, пустив встречный огонь, «окольцевать» лесной пожар, лишить его горючей основы для распространения и создать обратную тягу, прекратив тем самым дальнейшее движение пламени. Работы велись под руководством начальника, названного в проекте главным распорядителем. Использование этой тактики требовало от руководителя тушения хорошей подготовки, хладнокровия и выдержки. При этом в некоторых случаях пуск встречного огня был «единственным средством спасти от гибели весь лес, а может быть целые селения и хлебные поля» [2, с. 279].

Предлагая этот способ, Евстафьев основывался не только на сугубо теоретических рассуждениях, но и на личном опыте борьбы с лесными пожарами в Северной Америке. Ему пришлось руководить работами по тушению довольно сильного лесного пожара, с которым удалось справиться силами всего двенадцати человек, применив пуск встречного огня. Отмечалось также, что описываемый способ может с большой эффективностью применяться при тушении степных пожаров.

По рассмотрении представленного Евстафьевым проекта было решено обратиться в Департамент горных и соляных дел, поскольку члены комитета выразили мнение, что «по слухам известно, в некоторых местах Сибири и в лесах горному ведомству принадлежащих, употребляется для тушения пожаров какое-то сему подобное средство» [3, л. 6-6об.].

Несмотря на то, что оба департамента находились в составе одного министерства, ответа пришлось ждать восемь месяцев. В октябре 1828 г. из Департамента горных и соляных дел в Департамент государственных имуществ была представлена служебная записка, содержащая описание применявшихся в Сибири способов тушения лесных пожаров.

Выяснилось, что способ, подобный тому, который предложил Евстафьев, известен в Сибири уже достаточно давно. Более того, отмечалось, что этот способ можно было использовать далеко не всегда и не повсеместно, поскольку интенсивность лесного пожара «зависит от количества и свойства лесного сора, от густоты самых лесов и безветрия или ветров во время пожара, то сообразно сему самое тушение в Сибири производится различным образом» [3, л. 27об.].

При низовых, или «беглых», пожарах огонь распространяется по лесной подстилке и низким кустарникам, т.е. самому нижнему лесному ярусу, поэтому он практически не затрагивает крупные деревья, за исключением их комлевой части. В этом случае основным способом тушения, применяемым в Сибири, была оскребка и сметание лесной подстилки в сторону огня с одновременным захлопыванием горящих или тлеющих участков большими ветками. По информации Департамента горных и соляных дел, в Сибири при тушении низовых пожаров применялся, но крайне редко, пуск

встречного огня в том же порядке, какой практиковался в Северной Америке. При достаточном количестве рабочих борьба с низовым лесным пожаром довольно быстро заканчивалась его локализацией и ликвидацией до того, как он наносил лесу большой ущерб.

Однако в густом лесу при сильном ветре и обилии горючего материала низовой пожар довольно быстро переходил в верховой. Огненный столб, формировавшийся в центре верхового пожара, уважительно именовался в Сибири «маткой». Борьба с верховым огнем требовала от работников смелости, решительности и слаженности действий. Основным способом ликвидации верхового пожара являлось прорубание просек на пути огня, становившихся искусственными преградами, за которые огонь перейти не мог.

Просеки делались следующим образом. Деревья валились вершинами по направлению к «матке» пожара, чтобы сырые ветви живых деревьев могли нейтрализовать огонь, изолировав его от горючего сухого лесного мусора, находящегося на земле. Натываясь на просеку, «матка» опадала и опускалась вниз, не находя более возможности «цепляться» за верхушки деревьев. Основным фактором успеха в таком случае являлась оперативность. В случае успешного «опускания» огня с ним продолжали бороться как с низовым, оскребкой полос шириной от 2 до 3 аршин (1,5-2 метра) и захлопыванием огня ветками.

Сильный ветер очень осложнял борьбу с верховым пожаром, поскольку всегда сохранялась угроза образования новой «матки». В таких случаях прибегали к пуску встречного огня, по способу, аналогичному предложенному Евстафьевым. В Сибири эта тактика пожаротушения именовалась «перепалкой».

Пуск встречного огня выглядел следующим образом: на некотором расстоянии от пожара, в направлении распространения огня, не только вырубалась просека шириной до 7 метров, но и вырывалась канава, по краю которой формировался вал из горючего материала (листья, хворост и проч.). Этот вал поджигался, в результате чего происходило столкновение двух встречных пожаров, огонь стихал, и появлялась возможность его локализовать.

Таким образом, было выяснено, что способ борьбы с лесными пожарами, с которым господин Евстафьев познакомился в Северной Америке, давно и с успехом применялся в Сибири. Однако это

не означало, что предложения должны были исчезнуть «под сукном» в чиновничьих кабинетах.

В апреле 1829 г. состоялось итоговое заседание Ученого комитета по лесной части, в ходе которого было признано полезным распространить известные в Сибири способы борьбы с лесными пожарами на те местности Европейской России, в которых подобного опыта не имелось. С этой целью было предложено опубликовать описание способа в «одном каком-либо из русских журналов», что и было сделано. Выбор пал на газету «Северная пчела». 9 мая 1829 г. в № 56 в рубрике «Лесоводство» была опубликована статья «Об употребляемых в Северной Америке и Сибири способах для тушения лесных пожаров».

Комитетом было также предложено учесть выявленный опыт при составлении новой редакции Лесного устава. В принятом спустя несколько лет Лесном уставе (1842 г.) была осуществлена инкорпорация действовавших в первой половине XIX в. правовых норм об охране лесов разных владельческих и хозяйственных категорий от пожаров. Так, например, ст. 641-659 регламентировали порядок охраны казенных лесов от пожаров, а в ст. 1311-1315, 1339-1340 содержались указания по проведению профилактических противопожарных мероприятий в лесах, приписанных к горным заводам Урала и Алтая.

Кроме того, в «Инструкции об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства», подготовленной в 1830 г. при непосредственном участии и под руководством Е.Ф. Канкрина и вошедшей в Лесной устав 1842 г. в качестве приложения. В третьей главе Инструкции, которая носила название «О сбережении лесов», устанавливались чёткие и жесткие правила противопожарной безопасности, в частности, запреты на выжигание сухой травы вблизи лесных участков, производство углежжения и сидки смолы в неустановленных местах, разведение костров, оставление их незатушенными [4, с. 186].

Тушение лесных пожаров, в соответствии со ст. 16 Инструкции, должно было производиться силами лесной стражи и местных жителей. Среди способов ликвидации огня в лесу упоминались его заливка водой, засыпание землей и песком, утаптывание, а также

проведение каналов и просек. Кроме того, указывалось, что «большие пожары нередко превышают возможность погашения, то надлежит стараться полагать им преграды в некоторой отдаленности, особливо удалять валежник и сухоподстойный лес, помощью коих пожары могли бы продолжаться через речки, просеки или большие дороги» [5, с. 356].

Протокол заседания Ученого по лесной части комитета был передан министру финансов Е.Ф. Канкрину на рассмотрение и утверждение. Е.Ф. Канкрин, известный своей постоянной искренней заботой о развитии отечественной лесной науки и практики, написал Евстафьеву письмо, в котором отмечал, что «хотя предложенный вами способ не есть новость для России, но как оный не повсеместно у нас был известен, то за желание ваше сообщить полезное средство к сохранению лесов, я считаю долгом своим изъяснить вам признательность» [3, л. 32об.-33].

Таким образом, предложение коллежского асессора Евстафьева, хотя и не содержало в себе революционных новшеств в деле борьбы с лесными пожарами, имело одно несомненное и очень важное последствие. Оно спровоцировало повышение интереса к проблеме охраны лесов от пожаров со стороны центрального лесного ведомства, что получило, среди прочего, практическое воплощение в обновлении правовой базы лесоохранной деятельности.

Список источников и литературы

1. Шафранов Н.С. Лесоохранение. Изд. 2-е. СПб., 1875.
2. Перелыгин П. Лесоохранение или правила сбережения растущих лесов. СПб., 1835.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 4. Д. 2923.
4. Тяпкин М.О. «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского» 1830 г. как источник по истории лесного хозяйства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всероссийской научной конференции с международным участием*, г. Барнаул, 24-26 сентября 2020 г. / науч. ред. Н.А. Матвеева; отв. ред. Т.П. Сухотерина. Барнаул, 2020.

5. Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства // Свод законов Российской империи. Т. 8. Лесной устав. СПб., 1842.

Т.П. Урожаева, канд. ист. наук
Иркутский государственный университет (г. Иркутск)
olgoy@ya.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

В 1990-е гг. в городах Красноярского края проблема продовольственного обеспечения стояла достаточно остро. Социальная дифференциация доходов и потребления продовольствия постепенно увеличивалась. Существенной особенностью потребления продовольствия стала его натурализация, вследствие чего население могло противопоставить рыночной стихии различные формы натурального обмена, обеспечивающие выживание в экстремальных условиях.

В Красноярском крае наблюдался спад производства продукции пищевой промышленности. Если в 1991 г. темп снижения производства объёмов пищевой промышленности к 1990 г. составил 7,1%, то в 2000 г. он достиг 57,5%. Так, объём промышленного производства в рыбной, мясной, молочной промышленности сократился по сравнению с 1990 г. соответственно в 9,0, 2,8 и 1,8 раза. Объёмы производства многих видов сельхозпродуктов находились ниже уровня 1995 г.: производство мяса в 2000 г. составляло лишь 65,5% этого уровня, молока – 77,3% , картофеля – 86,9% [1, с. 15].

Данные по потреблению продуктов питания в килограммах на человека в год (по Красноярскому краю) показывают 25-30% снижение потребления важнейших продуктов питания [2, с. 17]. В таблице приведены данные по потреблению продуктов в 1990-е гг.

Таблица 1

**Потребление продуктов питания на человека
в 1991-1998 гг. (кг в год) ***

Виды продук- тов	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Хлебопродукты	98,1	95,4	96,0	89,1	95,1	91,1	90,6	101,8
Картофель	126,3	120,1	119,8	114,1	129,3	115,6	88,3	114,3
Мясо, мясопро- дукты	74,8	62,7	65,0	59,4	57,0	51,1	59,1	56,6
Яйца, штук	249,0	226,0	236,0	179,0	188,0	161,0	95,0	115,0
Молочные про- дукты	375,9	286,9	275,1	291,8	264,6	226,9	241,0	219,9
Рыба и рыбо- продукты	13,9	11,2	10,8	8,2	8,8	9,1	13,5	11,8
Сахар и конд. изделия	29,0	25,5	28,3	25,5	26,5	23,5	33,2	36,5

* Составлено по: [3, с. 49].

В малых городах Красноярского края, приравненных к Крайнему Северу (Лесосибирск, Талнах, Кайеркан), фактическое питание школьников не обеспечивало достаточного потребления в соответствии с рекомендованными нормами биологически ценных продуктов питания, основных пищевых веществ, витаминов, макро-, микроэлементов и имело недостаточную энергетическую ценность. Школьники, имея преимущественно трех-четырёхразовое питание в сутки, одно из которых они получали в школе, потребляли меньше по сравнению с рекомендованными нормами питания мясных и молочных продуктов, овощей и фруктов, яиц и растительного масла, но больше – сахара и кондитерских изделий, круп и макарон. Фактическое питание школьников северных малых городов Красноярского края не обеспечивало достаточного потребления основных пищевых веществ, витаминов С, В2, В6 и РР, кальция, фосфора, магния и железа, а также энергетической ценности пищевого рациона [4, с. 2-3].

В 1990-е гг. в результате проводимых реформ покупательная способность населения городов Красноярского края резко снизи-

лась, что явилось причиной существенного снижения жизненного уровня населения.

В частности, потребление мяса сократилось с 75 кг в 1990 г. до 50 кг в 2000 г., молока – с 386 до 250 кг, сахара – с 47 до 25 кг, масла растительного – с 10,2 до 5,0 кг, овощей – с 89 до 50 кг. Снижение потребления произошло по наиболее важным продуктам питания, уровень потребления которых не достигал рациональной нормы. И только потребление хлебных изделий и картофеля в перестроечный период возросло – с 119 до 128 кг хлеба за 1990-2000 гг. и картофеля – с 106 до 130 кг [5, с. 71]. Однако увеличение потребления хлебных изделий и картофеля не являлось положительным фактом, т.к. увеличение потребления этих продуктов является результатом, компенсирующим снижение потребления более качественных продуктов.

Ухудшение структуры питания населения сказалось на структуре потребительских расходов. За период с 1990 по 2000 г. структура использования совокупного дохода семей рабочих и служащих изменилась следующим образом: в целом расходы на питание увеличились с 30% до 55% (а по некоторым данным, рост составил 60%). Увеличение доли расходов на питание в совокупном доходе семей явилось следствием инфляции и ростом потребительских цен на основные продукты питания. Так, за 1994-2000 гг. цены на хлеб возросли более чем в 18 тыс. раз, на молоко в 18,5 тыс. раз, а на алкогольную продукцию в 3 тыс. раз [6, с. 59]. В итоге, из-за снижения доходов, с одной стороны, и резкого и необоснованного роста потребительских цен – с другой, формирование развитого рынка как производителей, так и потребителей в рамках продовольственного рынка не было достигнуто.

Во второй половине 1990-х гг. произошло наполнение продовольственного рынка, однако оно явилось следствием низкой покупательной способности и интервенции импортного продовольствия, удельный вес которого в общем объеме реализации продовольствия достигал почти 50%. (до августа 1998 г., т.е. до известного обвала рубля, после которого импорт резко сократился). В декабре 1998 г. было принято губернаторское постановление «Об обеспечении продовольственной безопасности населения края» [7, с. 4].

До 1993 г. в г. Бородино был свой хлебозавод. По расчетной мощности его продукции должно было с избытком хватать для всех жителей. Однако нередко возникали такие ситуации, особенно с приходом осени, когда очереди за хлебом в магазинах тянулись от прилавка до дверей и даже выходили на улицу, хотя завод работал в нормальном режиме.

В 2003 г. магазинах города нигде хлеба дешевле 5 руб. за буханку не было. Чаще всего хлеб стоил 7 руб. и выше, а продукция из Красноярска и того дороже. Причем вес такой булки едва превышал 600 г. Кардинальные изменения за десять лет произошли в Бородине не только с ценами на хлеб и хлебобулочные изделия, но и в организации самой торговли этим самым ходовым и выгодным товаром [8, с. 2].

В начале 2000-х гг. производством и продажей хлеба в городе занималось несколько фирм и организаций. Активно внедрялись на бородинский рынок, причем далеко не безуспешно, иногородние производители хлебобулочных изделий. К примеру, в магазине «Горняк» наряду со своим торговали хлебом из Ирбейского района. В других торговых точках можно было купить продукцию из Зеленогорска, Новой Камалы и даже Красноярска [9, с. 2].

В марте 2001 г. администрацией Норильской горной компании и г. Норильска было подписано соглашение о создании Норильской продовольственной корпорации (НПК). Задача первой поры – перевозка скоропортящихся продуктов с Большой земли в Заполярье. В зимних условиях предполагалось использовать самолеты «Крас-эйр» и Норильского авиапредприятия, в летних – суда Енисейского речного пароходства. Идея создания некой корпоративной структуры в АПК края, которая бы объединила усилия производителей продукции, перевозчиков и продавцов, была озвучена в начале 2000 г. на первом съезде сельских товаропроизводителей. С Норильским промышленным районом в крае примерно до 1991 г. были нормальные отношения, но после начала экономического кризиса в отечественном АПК красноярские производители с данного рынка вынуждены были уйти. В это время на рынке, в т.ч. и красноярского Заполярья, преобладала импортная сельхозпродукция, она продавалась там по демпинговым ценам [10, с. 3].

В начале 2000-х гг. ситуация в сельском хозяйстве и в пищевой промышленности края постепенно менялась, отрасль возрождалась, причем с применением новых технологий, с производством качественных продуктов. Настал момент вернуть и утерянный норильский рынок [11, с. 2].

В 2005 г. две оффшорные компании Панамы контролировали производство хлеба, пива и переработку мяса в Норильске. Компании «Линсур Девелопмент СА» и «Леран Энтерпрайзис» владели зарегистрированным в Дудинке ООО «Нордпрод», которое установило контроль над ООО «Хлебозавод» и ООО «Норильский пивоваренный завод». Хлебозавод занимал доминирующее положение, поэтому «Нордпрод» был обязан все свои дальнейшие приобретения предварительно согласовывать с антимонопольным органом. Этого не было сделано в ходе ещё одной сделки – по покупке Норильского мясоперерабатывающего завода. Сообщили в пресс-службе УФАС края, началось административное расследование в отношении ООО «Нордпрод» в связи с непредоставлением положенной информации [12, с. 3].

В 2004-2005 гг. пенсионеры г. Лесосибирска приобретали хлеб по сниженным ценам. Между тем низкие цены на основной продукт питания стали возможными благодаря достигнутому соглашению между администрацией города и предпринимателями, производителями и торговцами хлебобулочными изделиями [13, с. 10-11].

В девяти специально отведённых для этой цели магазинах хлеб из муки первого сорта продавался по цене 8 руб. вместо 9 руб. 10 коп, как повсюду. А булка хлеба весом 550 г из муки второго сорта стоила 7,5 руб. вместо 8,5. Городские хлебопроизводители хорошо понимали гуманитарную направленность соглашения с руководством города и считали необходимым добровольно нести эту дополнительную социальную нагрузку [14, с. 2].

Пример слаженной работы предприятий пищевой промышленности и местной администрации в гг. Норильске, Бородино, Лесосибирске и других городах Иркутской области позволяет оценить возможности муниципальных властей по решению задач продовольственного обеспечения населения. Повышение экономической эффективности предприятий пищевой промышленности дополня-

лось постепенным улучшением рыночной конъюнктуры, ростом денежных доходов населения и покупательского спроса. Таким образом, уже к концу 1990-х гг. сложились все условия для достижения относительного продовольственного изобилия как за счет продуктов, произведенных в Красноярском крае, так и за счет завозимых продовольственных товаров из других регионов РФ и из-за рубежа.

В городах Красноярского края соотношение размеров пенсий и прожиточного минимума пенсионеров уступало среднероссийским показателям, причем позиции региона определялись не уровнем его экономического развития, а стоимостью жизни. В потребительских расходах до половины составила доля продуктов питания. При товарном изобилии снизилась относительная доступность качественного продовольствия, ухудшилась структура питания большей части населения.

Список источников и литературы

1. О потреблении основных продуктов питания в Красноярском крае: Аналитическая записка // Издание Красноярского краевого комитета государственной статистики. 2001.
2. Богатые и нищие: изменение уровня жизни жителей Красноярского края за последние 20 лет (1991-2011 гг.) // АиФ на Енисее. 2011. 5-12 окт. № 40.
3. Оценка социально-экономического состояния Красноярского края за годы реформ. Красноярск, 1999.
4. Толстов В. Бедность по-красноярски // Заполярная правда. 2002. № 134. 6 сент.
5. Зайнатов М.И. Формирование и функционирование продовольственного рынка: региональный аспект. Красноярск, 1993.
6. Беспяхотный Г.В. Продовольственный рынок и продовольственная безопасность России // Организационно-экономические основы аграрного рынка: Сб. трудов ВНИИЭСХ. Минск, 2000.
7. Постановление Администрации Красноярского края № 694-п от 9 декабря 1998 г. «Об обеспечении продовольственной безопасности населения края // Красноярский рабочий. 1998. 11 дек.

8. Основные показатели экономического и социального положения города Бородино в январе – июне 2003 года // Бородинский вестник. 2003. 21 авг.

9. Решетень В. Плюс конкуренция // Бородинский вестник. 2003. 4 нояб.

10. Ильин В. Утомленные Заполярьем: рыночные обстоятельства жизни в Норильске // Рос. газета. 1999. 6 апр.

11. Стыврин В. Продовольственный мост: Большая земля – Норильск // Заполярная правда. 2001. 28 марта.

12. Что роднит Норильск и Панаму // Заполярная правда. 2005. 22 янв.

13. Иванов Б. Лесосибирск: лесная столица края не должна прозябать: раздумья о городе, который родился и вырос на... дереве // Красноярские ярмарки. 2004. № 6.

14. Айвазов Г. Социальный хлеб // Заря Енисея. 2005. 26 нояб.

А.И. Федулов

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

sfedulovs@yandex.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКВД СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1941-1943 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ УПРАВЛЕНИЯ ФСБ РОССИИ
ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ)**

Органы государственной безопасности СССР внесли свой большой вклад в победу советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Наркомат внутренних дел (с 19 апреля 1943 г. – наркомат государственной безопасности) обеспечивал контрразведывательное прикрытие Красной армии, предприятий военно-промышленного комплекса, транспортных линий, а также всех органов советской партийной и государственной власти. Активное участие органы госбезопасности приняли и в

организации партизанского движения и разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. Большие успехи были достигнуты и в добывании секретной информации по линии стратегической разведки (первое управление НКВД-НКГБ). В настоящее время исследователями подсчитано, что в годы Великой Отечественной войны безвозвратные потери сотрудников органов государственной безопасности СССР составили 61 982 человека, в основном это сотрудники военной контрразведки, разведывательно-диверсионных групп, резидентур и истребительных батальонов [1, с. 17].

Огромное значение в обеспечении государственной безопасности играли и территориальные органы НКВД-НКГБ, основная задача которых в годы войны заключалась в борьбе с разведывательной и диверсионной деятельностью противника, контрразведывательном обеспечении экономики и предприятий военно-промышленного комплекса.

В 1941-1943 гг. Управление НКВД по Красноярскому краю возглавлял И.П. Семенов, в органах госбезопасности – с конца 1938 г. После непродолжительной учебы в Центральной школе Главного управления государственной безопасности НКВД СССР 17 января 1939 г. он был назначен начальником УНКВД по Красноярскому краю [2, с. 376-377]. Несмотря на нехватку оперативного опыта, в годы войны он проявил себя как грамотный руководитель. Семенов лично контролировал деятельность периферийных районных и городских органов НКВД, которые непосредственно подчинялись краевому управлению. В 1941-1943 гг. начальником управления было совершено 46 выездов в 28 периферийных органов, в т.ч. 5 выездов в органы на дальнем севере [3, л. 57]. Эти поездки осуществлялись с целью контроля и проверки работы всей краевой системы правоохранительных структур и, прежде всего, работы по обеспечению государственной безопасности края.

В связи с начавшимися военными действиями с нацистской Германией, утром 22 июня 1941 г. наркомом государственной безопасности СССР В.Н. Меркуловым была подписана директива № 127/5809 о приведении в боевую готовность всего оперативно-чекистского аппарата НКГБ-УНКГБ. Директивой предписывалось провести изъятие всего контрреволюционного и шпионского эле-

мента, а также в связи с начавшейся войной мобилизовать всю агентурно-осведомительную сеть для своевременного вскрытия разведывательной и диверсионной деятельности противника, в первую очередь на предприятиях военно-промышленного комплекса и транспорта [4, с. 35].

23 июня 1941 г. начальником управления НКГБ по Красноярскому краю Семеновым шифрованной телеграммой была отправлена в центральный аппарат докладная записка о ходе выполнения директивы № 127/5809 и о мероприятиях, проводимых УНКВД в связи с начавшимися военными действиями с Германией. В шифрограмме в центральный аппарат НКГБ Семенов доложил о том, что им приказано обратить особое внимание на изъятие разрабатываемых контрреволюционных, шпионских и белогвардейских элементов, которые более всего присутствуют в кругах польских осадников, спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии [4, с. 59].

Всего на территории Красноярского края в годы войны находилось 16 тыс. польских осадников; 77 тыс. высланных в край немцев Республики немцев Поволжья; 12 тыс. ссыльнопоселенцев, прибывших из прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии, в т.ч. 700 семей членов ОУН. Помимо этого, в край было выслано 52 850 трудопереселенцев из числа бывших кулаков и множество других категорий лиц ссыльных, осужденных за контрреволюционную деятельность [3, л. 1].

Борьбой с разного рода антисоветскими элементами в годы войны занимался секретно-политический отдел УНКГБ-УНКВД по Красноярскому краю. В апреле 1942 г. в ходе оперативной разработки по агентурному делу (заводилось на шпионскую резидентуру, антисоветскую группу или организацию [5, с. 14]) «Варвары» Управлением НКВД было предотвращено вооруженное восстание в Красноярском крае. Было установлено, что переселенцами из числа немцев Поволжья была создана фашистская повстанческая организация, которая действовала в Дзержинском, Канском и других районах края, а также имела сеть в лагерях Краслага. Организация занималась подготовкой повстанческих кадров и действовала по заданию германской разведки. Повстанческой организацией руководил агент германской разведки Карл Фриц (фамилия изменена). По

делу арестовано и привлечено к уголовной ответственности по статье 58-2-11 УК РСФСР (подготовка вооруженного восстания в контрреволюционных целях на территории СССР) – 12 человек немцев-переселенцев [3, л. 30]. Вооруженное восстание пытались поднять и ссыльные айзсарги (военизированное формирование в Латвии, существовавшее в 1919-1940 гг.), с этой целью они занимались вербовкой граждан латышской национальности [3, л. 33].

Аналогичное дело по линии секретно-политического отдела было реализовано Таштыпским районным отделом НКВД. В ходе оперативной разработки по этому делу было установлено, что на территории Хакасской автономной области РСФСР группой из шорцев и хакасов была создана повстанческая организация, которая планировала вооруженное восстание на территории автономной области с целью реставрации капиталистического строя [3, л. 34].

Красноярский край в годы войны имел большое экономическое значение для страны. Здесь находилось и было эвакуировано после начала войны большое количество предприятий, которые занимались выпуском военной продукции. В первые месяцы войны в г. Красноярск и край прибыло 14 эвакуированных предприятий из западных регионов СССР, а в 1942 г. их число составило 80 [6, с. 7]. Среди эвакуированных предприятий были те, которые являлись стратегическими. К примеру, завод № 4 им К.Е. Ворошилова (будущий Красмашзавод), завод № 580 (наркомата вооружений), завод № 327 (наркомата электропромышленности), завод «Коммунар», «Красный профинтерн» [3, л. 2] и многие др. Сотрудники органов государственной безопасности края отвечали за встречу и размещение оборудования эвакуированных предприятий.

В первую очередь, борьбой с разведывательной и диверсионной деятельностью противника, а также враждебными антисоветскими проявлениями на промышленных объектах занимался экономический отдел Управления, он работал в тесной связке с сотрудниками контрразведывательного и секретно-политического отделов.

Задачи по контрразведывательному обеспечению экономики решались главным образом за счет приобретения специальной агентуры на предприятиях. Ситуация усложнилась с началом вой-

ны и мобилизацией в Красную армию агентуры, завербованной в предвоенный период. Управлением НКВД по краю в 1941-1943 гг. постоянно решался вопрос пополнения агентурной сети, в т.ч. и за счет создания женских контрразведывательных резидентур.

Итогом оперативной работы в экономике и на предприятиях военно-промышленного комплекса Красноярского края в 1941-1943 гг. стало то, что спецслужбам противника не удалось совершить на территории предприятий ни одного диверсионного акта и тем самым успешно выполнить и перевыполнить поставленный перед краем план по выпуску военной продукции. За этот период на оборонных предприятиях было выявлено 967 чел. (785 – на заводе № 4, 100 – завод № 477, 82 – завод № 580), которые имели контрреволюционные замыслы, саботировали выполнение плана, занимались вредительством и могли более серьезно навредить военной экономике края [3, л. 3].

Таким образом, несмотря на тяжелую оперативную обстановку в регионе, территориальное управление НКВД СССР по Красноярскому краю смогло выстроить эффективную работу. Управлением в тяжелый период первой половины Великой Отечественной войны решались важнейшие задачи по борьбе с разведывательной и диверсионной деятельностью противника, в т.ч. и на оборонных предприятиях. Немаловажной задачей являлась борьба с антисоветским элементом, который угрожал налаженной работе советской экономики в условиях войны. Можно с уверенностью говорить, что красноярские чекисты справились со всеми поставленными перед ними задачами по обеспечению государственной безопасности.

Список источников и литературы

1. Христофоров В.С. Контрразведка ВМФ СССР 1941-1945. М.: Вече, 2015. 414 с.
2. Кто руководил НКВД 1939-1941. М.: Звенья, 1999. 502 с.
3. Архив Управления ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 217.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док-тов. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1. 718 с.

5. Контрразведывательный словарь КГБ СССР. М.: Высшая школа КГБ, 1972. 370 с.

6. Нам нужна была победа! Красноярские чекисты в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Бука, 2005. 253 с.

В.В. Шевцов, доктор ист. наук, доцент
Томский государственный университет (г. Томск)
totleben@yandex.ru

**РЕДАКТОР НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ
«ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
Д.Л. КУЗНЕЦОВ КАК «ПРЕДОБЛАСТНИК»**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «"Секретно. Конфиденциально": цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)», № 19-012-00352А.

Дмитрий Львович Кузнецов (1835–1875?) – редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1863-1865 гг., томский журналист, бытописатель и публицист вошел в историю сибирской журналистики как автор не второго, а даже третьего плана, известный в связи с работой в первой томской газете Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, прерванной «делом об отделении Сибири от России». Спустя 20 лет уже заслуживший себя репутацию «пламенного адвоката Сибири» Н.М. Ядринцев так вспоминал об этом периоде своей жизни: «Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати [губернские ведомости] в виде сереньких листиков и с не менее убогим материалом <...> В 1865 г., во время редакции Д.Л. Кузнецова, на смену прежних литераторов являются в “Губернских ведомостях” первые силы сибирской университетской молодежи и пробуют сделать газету литературной, но попытка эта является кратковременной...» [1, с. 367, 369-370]. Эта увековеченная в первом обзоре истории си-

бирской печати точка зрения стала хрестоматийной и воспроизводится, за редким исключением, вплоть до настоящего времени.

В данной статье рассказывается, насколько это позволяют сохранившиеся архивные материалы и публикации в «Томских губернских ведомостях», о Д.Л. Кузнецове как журналисте и публицисте, оставшимся в тени своих, безусловно, великих коллег, подобно тому, как пишущее окружение «солнца русской поэзии» навсегда вошло в историю как «поэты пушкинской эпохи».

Дмитрий Львович Кузнецов происходил из духовного сословия и после окончания уфимской семинарии поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1858 г. со степенью кандидата богословия. Одним из его учителей был историк А.П. Щапов. С 19 августа 1858 г. начал службу наставником по классу логики в открытой в Томске семинарии. В 1859 г. стал помощником ее ректора архимандрита о. Вениамина, который порекомендовал его томскому губернатору в качестве члена-корреспондента томского статистического комитета. Д.Л. Кузнецов принял это предложение, имея опыт подготовки статистических сведений по томской епархии. В 1861 г. женился на дочери статского советника – А.Я. Капустиной и перешел на службу в томскую губернскую гимназию, став с 30 марта старшим учителем русской словесности в чине титулярного советника. 11 августа 1866 г., в связи с делом областников, был уволен с должности и мнением Государственного Совета 1868 г. «оставлен в сильнейшем подозрении». И.Я. Словцов в письме к С.И. Гуляеву в апреле 1876 г. сообщал, что «Дмитрий Львович Кузнецов с году тому назад умер...» [2, ф. 234, оп. 1, д. 2, л. 279-280; ф. 99, оп. 1, д. 288, л. 2об.; 3, с. 194; 4, с. 30-33; 7, с. 346]. Вот, в общих чертах, все, что известно о биографии нашего героя.

Журналистская биография 28-летнего учителя томской гимназии началась после назначения его в 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» председателем губернского правления (вице-губернатором) П.И. Фризелем. Имя редактора неофициальной части ведомостей стало указываться с № 36 от 13 сентября 1863 г. Возможно, он начал исправлять эту должность уже с первого номера 1863 г. Под фамилией редактора располагалась надпись: «Напечатано с разрешения цензуры в Том-

ской губернской типографии». Формально газета выходила под цензурным контролем вице-губернатора. Фактически же редакторские функции Д.Л. Кузнецова одновременно означали и цензорские функции, которые вице-губернатор передоверил учителю томской гимназии, ограничиваясь только просмотром и заверением своей подписью номера, предназначенного для тиражирования в губернской типографии.

Г.Н. Потанин так писал о новом редакторе: «...Приехав в Томск, Кузнецов выделился из среды других учителей; он не ограничился своей педагогической деятельностью, а принялся за розыски сибирской старины. Он сделал большие выписки из архива томского Алексеевского монастыря, которые потом были напечатаны в московском журнале “Чтение в обществе истории и древностей российских”, собирал старинные акты на базаре и печатал их в “Томских губернских ведомостях”. Нужно о нем сказать, что это не был сухой археолог, это был живой человек, интересовавшийся общественными делами. По его ходатайству библиотека гимназии была открыта для пользования публики; это была первая публичная библиотека в Томске. Вице-губернатор председатель губернского правления П.И. Фризель предложил ему место редактора неофициальной части “Томских губернских ведомостей”, вернее, может быть, сам Кузнецов, побуждаемый литературным зудом, навязался в редакторы. Газета сделалась предметом особенных его симпатий» [6, с. 184].

Действительно, при Д.Л. Кузнецове неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» претерпела изменения. Она стала открываться передовой статьей с названием «Томск, дата», соответствующим дате выхода газеты. Первая такая публикация появилась 13 сентября 1863 г. и в жанре репортажа с места событий рассказывала об открытии в Томске Мариинской женской гимназии [7, 1863, № 36, 13 сент.]. Для того чтобы дать место передовым статьям, все объемные объявления (о подписке, о пожертвованиях и т.д.) с № 37 от 20 сентября 1863 г. стали печататься в приложении к газете. Следующие передовые были посвящены благоустройству Томска [7, 1863, № 37, 20 сент.], воскресным школам и необходимости наполнять губернские ведомости статьями о крестьянском населении [7, 1863, № 38, 27 сент.], об открытии в Томске теле-

графной связи [7, 1863, № 39, 4 окт.]. Все сколько-нибудь значимые события прошедшей недели, накопившиеся за это время впечатления и размышления автора облекались в повествовательную форму: открытие справочного стола, празднование нового года, пожар, сбор средств на благоустройство, появление в городе бешеного волка, покусавшего 60 человек, с подробным перечислением нанесенных им ран.

Однако читать Д.Л. Кузнецова все-таки интересно. Течение и причудливые повороты мысли, эмоциональный равнодушный тон и самое подробное внимание к жизни города и его жителей составляют авторское своеобразие его материалов, что позволяет рассматривать Д.Л. Кузнецова как самобытного сибирского журналиста, а его статьи – как ценный источник сведений о бытовой повседневной жизни города Томска. Как и его предшественникам, молодому гимназическому учителю не доставало читателя, вернее, своего читателя – заинтересованного, способного к обратной связи с редакцией, отвечающего и пишущего. Так, в № 37 от 18 сентября 1864 г., после двух лет работы в должности редактора, Кузнецов с горькой иронией писал: «...нам уже хорошо известно то внимание, которым пользуются губернские ведомости среди местного общества, равно как и то положение, которое занимают они вообще перед судом всего русского читающего люда». Четырехмесячный летний перерыв в публикации передовых в 1864 г. Д.Л. Кузнецов объяснял возникшим у него впечатлением, что он впустую тратит время. Как и любой начинающий автор, он рассчитывал на определенную известность и заметность, жаждал дискуссии с аудиторией, затрагивая, может быть, и не столь масштабные, но действительно актуальные для города темы: «Говорить без всяких последствий, без всякого отзыва со стороны общества о лучшем устройстве пожарной части, о необходимости уездной корреспонденции, о лучших порядках в торговле мясом, говорить как будто шутя, для собственного удовольствия, для нескучного препровождения времени, говорить, положим, и не всегда строго-обдуманно, не всегда практически-верные предположения и мысли, но все-таки говорить голосом вопиющего в пустыне и не встретить ни одного замечания, ни одного отклика, в котором бы кто-нибудь выразил свое сочувствие к поднятым общественным вопросам: – воля ваша! – это та-

кое дело, после которого невольно посмотришь на себя, как на человека, “толкущего воду” или усердно “переливающего из пустого в порожнее”» [7, 1864, № 37, 28 сент.]. Не скрывая своего раздражения, Кузнецов продолжал свою филиппику против равнодушной публики: «Может быть, вы думаете, господа, что губернские ведомости не стоят того, чтобы в них заявлять свои серьезные убеждения и стремления: ошибаетесь! В этом-то ложном взгляде и кроется причина того, что наши ведомости, при недостатке в них разнообразных статей, мало расходятся и мало читаются. Стало быть, ведомости не виноваты только тем, что они губернские, а виноваты те, кто смотрит на них с пренебрежением...» [7, 1864, № 37, 28 сент.].

Д.Л. Кузнецов был автором 47 статей и передовых, жил и работал в Томске с 1858 г. и, безусловно, проникся местными сибирскими интересами, не выходя, однако, за рамки хозяйственных, бытовых и культурных вопросов. В то же время его статьи иногда затрагивали темы или содержали суждения более широкого свойства. Статья «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (Из подлинных записок бродяги)» [7, 1863, № 45, 15 нояб.; № 47, 29 нояб.; № 48, 6 дек.] представляла собой рассказ ссыльнопоселенца о «горьких страданиях приисковой работы». В «Мыслях об устройстве в Томске ремесленной школы» доказывалась необходимость ее открытия для повышения качества ремесленных изделий и нравственного развития детей городских обывателей, а купечество упрекалось в погоне только за прибылью в ущерб остальным жителям Сибири [7, 1865, № 14, 16 апр.; № 15, 23 апр.]. В публикации, по примеру «Тобольских губернских ведомостей», постановлений педагогического совета томской гимназии Кузнецов видел необходимость сделать гласными и доступными для обсуждения сведения об обучении детей, развитии их способностей, повышении дисциплины и успеваемости [7, 1864, № 40, 9 окт.].

Кузнецов ратовал за развитие в Томске самостоятельного печатного слова, критикуя тех, кто игнорировал первую местную газету, предпочитая ей столичную прессу, которой только и представлялось «право разбирать наши домашние дела», в противовес стремлению «развивать областную жизнь и не поддерживать одной

исключительной централизации» [7, 1864, № 37, 28 сент.]. Кузнецов неоднократно выступал с просьбой присылать статьи в ведомости, чтобы «поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности». Именно гласность, по его мнению, могла бы способствовать равномерному распределению налогов с мещанского населения Томска [7, 1864, № 37, 28 сент.]. В статье о сборе пожертвований для благоустройства томских улиц Кузнецов сравнил назначение губернских ведомостей, не больше, не меньше, с обзорами В.Г. Белинского, разъяснявшими значение и сущность литературных произведений, имея в виду читателей газеты при приходских церквях и правлениях, «знакомых только с двумя-тремя книгами церковной печати и таким же количеством грошовых произведений лубочного изделия» [7, 1864, № 46-47, 20-27 окт.].

Обратимся к участию Д.Л. Кузнецова в деле об «отделении Сибири от России», возникшего после случайного обнаружения в Омском кадетском корпусе рукописного воззвания «Патриотам Сибири». По ходу следствия выяснилось, что наиболее «злонамеренные участники заговора» – столоначальник по крестьянскому и инородческому вопросу Г.Н. Потанин и частнопрактикующий учитель Н.М. Ядринцев использовали местную официальную газету «Томские губернские ведомости» для пропаганды взглядов, признанных следствием революционными, сепаратистскими и схожими с обнаруженной прокламацией.

Мысль об основании собственного печатного органа, формулирующего и отстаивающего региональные интересы Сибири, возникла у Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева еще в Петербурге. После возвращения в Сибирь отсутствие организационного опыта, материальных средств и, самое главное, содействия местных властей (как это было при открытии в 1860 г. официозной газеты «Амур» в Иркутске) делало эту идею невозможной. Успешное знакомство с редактором томской газеты позволяли Потанину и Ядринцеву надеяться, что ее можно использовать в целях будирования общественного мнения в русле областнических идей. В свою очередь при недостатке сотрудников и материалов для неофициальной части Кузнецов увидел в Потанине «будущего сотрудника и помощника» и при первой же встрече предложил участие в газете [6,

с. 184]. Областники нашли в Кузнецове если не единомышленника по своим мечтаниям об автономии, то хотя бы человека, способного выслушать и понять их взгляды. Так, по словам Потанина, в Томске завязался «культурный узелок» [6, с. 190]. По субботам у Кузнецова устраивались редакционные вечера, в которых принимали участие и дамы – свояченица Кузнецова и дочери директора училищ М.Л. Попова [6, с. 186-187]. Молодость и стремление «глаголом жечь сердца людей» роднила новый коллектив, хотя, надо полагать, петербургские товарищи не без иронии относились как к личности редактора неофициальной части, так и к мелкотемью его статей, возникающих под влиянием «литературного зуда» кандидата богословия. В письме Ядринцева Потанину из Шенкурска в 1873 г. он сообщал о своих товарищах по делу сепаратистов: «...Кузнецов спился в Тюмени учителем...» и дальше продолжал парфразой из «Ревизора»: «Словом, Ив. Петров, Дмитр. Львов, или кто другой играют по-прежнему на чем им в жизни играть следует: на скрипке или на водке» [8, с. 238].

Период работы областников в составе редакции «Томских губернских ведомостей», по приглашению ее редактора, составил всего 8 месяцев. За этот период был выпущен 31 номер газеты – после приезда Потанина в Томск, 9 октября 1864 г. в № 40, вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. стал последним, к изданию которого были причастны областники. 23 мая в их квартирах были проведены обыски, бумаги описаны и опечатаны, а 28 мая арестованных отправили в Омск [9, с. 112-113]. 16 сентября был арестован и Д.Л. Кузнецов.

Следствие, заинтересованное в расширении доказательной базы, заключило, что в трех найденных при обыске у Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года» – только «между прочим пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно располагающих публику к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири» [9, с. 194-195]. В этом донесении томского жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близору-

костью» редактора неофициальной части газеты Кузнецова и губернского начальства [9, с. 349]. Эти статьи и мелкие заметки формально должны были проходить цензурный контроль со стороны вице-губернатора П.И. Фризеля, который, как мы знаем, поручил его Д.Л. Кузнецову, а тот, в свою очередь передоверил содержание передовых и проблемных статей неофициальной части своим новым друзьям. Обратим внимание, что в 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди присутственных и казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России) [7, 1865, № 6, 12 февр.]. Надо полагать, читатели, в т.ч. и на самом высоком уровне, так же, как и вице-губернатор, не могли заподозрить какой-либо крамолы в статьях об общественной жизни Сибири, ее населении и климате, о необходимости открытия сибирского университета. Главное – в томских ведомостях в отличие, скажем от «Иркутских губернских ведомостей» 1857-1859 гг., не была ни прямо, ни косвенно, задета ни одна местная чиновная фигура, а общие рассуждения о развитии сибирского края не могли вызвать цензурных претензий. По признанию Потанина, он «злоупотребил доверенностью и простотой редактора, который во все время не подозревал настоящего направления моих и ядринцевских статей». Хотя в другом месте Потанин утверждал, что Кузнецов знал об идее отделения Сибири от России, но «не соглашался с правильностью этой идеи» [9, с. 178, 186].

Итак, в журналистской деятельности редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецова в 1863-1865 гг. ярко проявилось творческое и самобытное авторское начало. Д.Л. Кузнецов не отделял интересы Сибири от интересов России и, скорее, был знаком со взглядами областников, чем развивал и пропагандировал их. Хотя он и сосредоточивал свое внимание на частностях и не делал, за редким исключением, серьезных обобщений, его публикации о Томске можно рассматривать как своеобразное «предобластничество» – начало гласной разработки в печати вопросов культурного и экономического развития края, расширения сферы образования, развития самостоятельной сибирской периодики. Таких людей Г.Н. Потанин называл людьми «с сибирскими инстинктами» [6, с. 86], без участия и без опоры на которых невозможно было теоретическое развитие и практическое воплощение темы «сибирского патриотизма».

Список источников и литературы

1. Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 367-375.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО).
3. Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухов. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. 496 с.
4. Дмитриенко Н.М. К нему стремилось все хорошее и светлое // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 1995. № 10 (15). С. 30-33.
5. Словцов Иван Яковлевич. Письма // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 2. С. 319-437.
6. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.
7. Томские губернские ведомости.
8. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2. 343 с.
9. Дело об отделении Сибири от России: архивная публикация / А.Т. Топчий, Р.А. Топчий; сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002. 388 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
Приветственное слово участникам конференции	5
Пленарное заседание	
<i>Зиновьев В.П.</i> Вспоминая Александра Старцева.....	8
<i>Скубневский В.А.</i> А.В. Старцев – исследователь истории предпринимательства в Сибири.....	11
<i>Шорина Д.Е.</i> Формирование личного фонда Александра Владимировича Старцева в Государственном архиве Алтайского края.....	19
Секция «История российского и сибирского предпринимательства: теория и практика»	
<i>Бойко В.П.</i> Роль сибирского купечества в формировании и развитии г. Енисейска в XVII – начале XX в.	25
<i>Гаврилова Н.И.</i> Иркутское отделение Государственного банка в 1865-1910 гг.: основные направления и тенденции функционирования.....	35
<i>Климова О.Г.</i> Новые подходы в изучении истории предпринимательства Сибири второй половины XIX – начала XX в. в научном творчестве А.В. Старцева.....	41
<i>Владимирски И., Кротова М.В.</i> «Наш человек в Петербурге»: экономическая политика С.Ю. Вите и интересы еврейского купечества Восточной Сибири.....	46
<i>Куприянова И.В.</i> «Ценностная рациональность» как основа старообрядческого предпринимательства.....	52
<i>Санкин Е.В., Зиновьев В.П.</i> Предпринимательская аренда рыболовных озер в Западной Сибири в XIX – начале XX в.	59
<i>Шиловский М.В.</i> Бийские купцы в Монголии во второй половине XIX в. по информации Г.Н. Потанина.....	66
<i>Ярков А.П.</i> Куда и как идти в разработках положений А.В. Старцева?.....	71

**Секция «Сибирь и Восток:
взаимодействие цивилизаций»**

- Василенко В.А.* Организация работы русской власти в Туве 1914-1917 гг.: к вопросу о постановке проблемы 81
- Гурулева Т.Л.* Методы адаптации российских студентов к образовательному и социокультурному пространству КНР 87
- Дацышен В.Г.* Дороги «Великого Чайного Пути» по Монголии в работах русских исследователей 93
- Кузьмин Ю.В.* Вопросы историографии современного российского монголоведения и сибирские центры монголоведения 101
- Моисеев С.В., Бутенко А.К.* К вопросу об участии администрации Туркестанского края в заключении англо-русского соглашения 1907 г. 109
- Наземцева Е.Н.* Проблемы межэтнических взаимоотношений представителей русской диаспоры и местного населения в Алтайском округе Сынцзяна в 1917 г. (по документам российского консульства в Шарасумэ) 113
- Насонов А.А.* Изучение межконфессионального взаимодействия на территории Южной Сибири и Центральной Азии в отечественном востоковедении конца XIX – начала XXI в. 122
- Харунов Р.Ш.* Губернаторские проекты в социально-экономическом развитии Республики Тыва 127
- Хрипля Т.С., Жукова В.А.* Использование занимательных заданий при обучении лингвокультурологическому аспекту на уроках китайского языка..... 133
- Черникова Л.П.* Репатрианты из Китая: размещение в советских сибирских городах и селениях и проблемы адаптации 137
- Шерстова Л.И.* Улусная традиция административного устройства сибирских народов в XVII – начале XX в.: евразийский контекст..... 145

**Секция «Социально-экономическое
и культурное развитие Сибири»**

<i>Ан С.А.</i> Современный подход к феномену славы.....	151
<i>Афанасьев П.А.</i> Бийский период в жизни Е.П. Клевакина.....	155
<i>Бондаренко С.И., Артамонова Т.А.</i> Аграрное освоение Сибири: социально-исторические и правовые аспекты.....	163
<i>Денякин Ю.А.</i> История развития русского православия в Зайсанском уезде Степного края в конце XIX – начале XX в.	169
<i>Дроботушенко Е.В.</i> Православные монастыри в экономическом развитии Забайкалья досоветского периода: факторы, определяющие степень участия.....	177
<i>Ерёмин И.А.</i> Феномен добровольчества в Западной Сибири в годы Первой мировой войны.....	183
<i>Калашиников А.А.</i> Реорганизация местных учреждений управления земельно-лесным хозяйством Алтайского округа в июне-сентябре 1918 г.	187
<i>Кокоулин В.Г.</i> Характер повстанческого движения в Сибири в период «военного коммунизма» (1920 г.)	192
<i>Корнева В.Ю., Чуманов А.В.</i> Томский исторический район «Профессорская слобода» и улица Преображенская: очерк истории и персоналий	198
<i>Курсакова Е.Н.</i> К вопросу об эффективности реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в Алтайском крае на современном этапе	206
<i>Литягина А.В., Виницкая Н.В.</i> О новых чертах в общественном сознании горожан Западной Сибири в начале XX в.	215
<i>Никулина И.Н.</i> Некоторые аспекты просветительской деятельности ссыльных поляков на Алтае (40-60-е гг. XIX в.) ...	220

<i>Поправко Е.А.</i> Особенности полицейской службы в Приморье и Приамурье в конце XIX – начале XX в. (по материалам биографии Л.П. Тауца)	223
<i>Румянцев П.П.</i> Организация жандармского надзора в Алтайском округе	230
<i>Суржко А.В.</i> Становление этнического федерализма в Горном Алтае и вклад в этот процесс В.И. Анучина	236
<i>Тяпкин М.О.</i> «За желание ваше сообщить полезное средство к сохранению лесов, я считаю долгом своим изъяснить вам признательность»: опыт борьбы с лесными пожарами в первой половине XIX в.	241
<i>Урожаева Т.П.</i> Продовольственное обеспечение промышленных городов Красноярского края в 1990-е – начале 2000-х гг.	248
<i>Федулов А.И.</i> Деятельность НКВД СССР по обеспечению государственной безопасности в Красноярском крае в 1941-1943 гг. (по материалам Управления ФСБ России по Красноярскому краю).....	254
<i>Шевцов В.В.</i> Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецов как «предобластник» ...	259

Научное издание

**СИБИРЬ В ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ВОСТОКОВЕДНЫХ И ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы первой Всероссийской научной конференции,
посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя
и общественного деятеля, доктора исторических наук,
профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019)*

Под редакцией Д.Л. Проказина

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa, компьютерная верстка	М.В. Егерь
Дизайн обложки	О.А. Розум

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.

Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999 г.

Подписано в печать 31.03.2021. Формат 60x84/16.
Ризография. Усл. п.л. 17. Тираж 80 экз. Заказ 202.
Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.